

**Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.**

Лиз Дюрано

«Все, о чем мечтала»

Серия: Иная любовь (книга 1)

Автор: Лиз Дюрано

Название на русском: Все, о чем мечтала

Серия: Иная любовь_1

Перевод: Карина Боссанова

Редактор: Ольга Кузнецова, Eva_Ber

Обложка: Татя Суботина

Оформление:

Eva_Ber

Аннотация

*Ее безупречно спланированная жизнь летит под откос...
Его жизнь терпит крах.*

Я никогда не верил в сказки.

Но обнаружив настоящую «принцессу» в своем доме, вспомнил сказку о трех медведях и девочке, которая без спроса вошла в их дом, съела их еду и уснула в их кроватях.

Так же, как и девушка, которая сейчас находится в моей кровати.

Сначала мне показалось, что она мертва, но затем, наблюдая за вздывающейся и опадающей грудной клеткой, я понял, что она просто вырубилась, вероятнее всего, от того, что «принцесса» выпила полбутылки Бордо, которое я берег для особого случая. Две тысячи на ветер, благодаря гребанной Златовласке, которая в данный момент не только мертвеечки пьяна, но плюс ко всему еще и обнажена.

Я должен прямо сейчас уйти и позволить ей пропрез...

Но я не могу. Не тогда, когда, что-то лежит рядом с полупустой бутылкой Бордо, что-то, что точно не должно быть здесь. И самая верхняя строчка записи начинается со слов... *«Прости, что потеряла тебя».*

«Возможно, все, что вам нужно, — иная любовь,
Такая, о которой вы могли только мечтать.
Возможно, она прогонит всю грусть
И подарит вам чувство свободы».

Брендан Джеймс «Иная любовь»

Глава 1

Харлоу

Если бы полгода назад мне кто-нибудь сказал, что для того, чтобы провести прекрасный отпуск, нужно оборвать все связи, я бы посчитала его сумасшедшим и вычеркнула из своего списка друзей. «Все связи» — означает абсолютно все. Вдали от цивилизации, без телевидения, и что еще хуже — без Wi-Fi. Ладно, я немного преувеличиваю, потому что Wi-Fi у меня есть, хотя и с плохим сигналом. И это не мои друзья выбрали место, которое находится черт знает где, а я. Но все равно, как, скажите пожалуйста, я должна была узнать о самочувствии своих пациентов? Прижились ли пересаженные почки в новых организмах? Что было с уровнем их антител? Были ли сбалансированы их натрикалиевый уровень? И не повышалось ли у них артериальное давление?

Но это было шесть месяцев назад, когда единственное, что для меня имело значение, это должность одного из лучших детских хирургов в стране, занимающегося пересадкой почек, который был автором многочисленных научных статей и «заталкивал за пояс» наивных докторишек в Общественной больнице Миллера, лучшем медицинском и научно-исследовательском центре на Манхэттене.

Я делаю глоток вина и откидываюсь на спинку кресла, глядя на широкие просторы полыни за окном. За порогом моего далекого от дома жилища темно, и все, что мне видно, это луна и звездное небо. Захватывающее зрелище, подобного я прежде не видела, пока не приехала сюда, ведь большую часть своей жизни прожила в крупном городе, проводя большую часть времени в стенах больницы, заботясь о своих пациентах и отсиживаясь в кабинете за написанием своих исследовательских статей.

Сейчас я и не вспомню, что заставило меня остаться на окраине Таоса, в штате Нью-Мехико, но здесь я нахожусь вдали от всего, именно так, как и планировала — или не планировала. По крайней мере, ту часть, где я сижу одна в темноте, притупляя свой гнев и печаль в третьем бокале вина.

Все началось с объявления в газете о том, что через три недели Джейф собирается жениться. Вернувшись домой, друзья были так шокированы последними событиями, что забыли даже мне позвонить.

«Разве бракоразводный процесс уже закончился?»

Хороший вопрос. Но я ничего не собиралась им говорить, не тогда, когда я не могла никого из них называть другом, точно не после того, как они показали мне, насколько их репутация была для них важнее, в тот момент, когда мой брак разваливался. Конечно, они должны были выбрать главу трансплантационной хирургии Общественной больницы Миллера, а не его неуравновешенную жену, даже если она оказалась помощником главы трансплантационной хирургии.

Вот, что я получила взамен из-за того, что не выходила за пределы старого круга наших друзей. Я должна была работать усерднее над тем, чтобы завести своих собственных друзей, особенно после того, как Джейф подал на развод. Но теперь уже слишком поздно, чтобы об этом беспокоиться, не после звонков от «друзей», которые

сделали вид, что действительно обеспокоены тем, как я воспринимала новость о его предстоящей женитьбе.

— Ты знаешь, что он собирается жениться на своей секретарше? И что она от него беременна?

А как на счет того, что последние пять лет мы с Джейфом пытались завести ребенка, и даже после всех процедур ЭКО и акупунктуры ничего не получилось? Ничего, что можно было бы назвать успешной беременностью.

Узнать о беременности Лейлы было больно, особенно когда я знала, что это было то, чего всегда хотел Джейф — ребенок, который будет носить его имя. И по истечении пяти лет, после всех процедур оплодотворения и сопутствующих им неудач, я, как он всегда настаивал, наконец-то смирилась с тем, что это было по моей вине. Ведь мне стукнуло сорок, и мои старые яичники, должно быть, давным-давно усохли, даже, несмотря на то, что мое медицинское образование говорило мне, что это было невозможно, не при моем уровне эстрогена и других хороших показателях.

Но теперь это все в прошлом. Почетный хирург-трансплантиолог, Джейф Гарнер, доктор медицинских наук, восемь месяцев назад подал на развод, а жизнь продолжалась. К сожалению для меня, это означало жизнь в стенах той же больницы, где мы оба работали в качестве хирургов-трансплантиологов, пока одному из нас не пришлось уйти. И естественно, это не главе трансплантиционной хирургии. Нет, ни в коем случае.

Я облизываю ложечку с помадкой и запиваю большим глотком красного вина. Это то, что я попробовала во время своей первой и единственной поездки в Долину Напа, которая была сто лет назад, и, будучи любительницей шоколада, это стало моей привычкой, особенно во время стресса. Боже, для меня это такой стресс. Я очень хорошо знаю, почему я сейчас так себя чувствую.

«Я гребаная неудачница».

Я делаю еще один глоток вина, на этот раз отказавшись от помадки, а затем еще один, после чего поднимаю пистолет, лежащий возле полупустой бутылки Бордо. Я встаю с дивана, ощущая, как комната идет кругом. Делаю глубокий вдох и смотрю прямо перед собой, решив покончить с тем, что начала.

С бокалом вина в одной руке и пистолетом в другой я направляюсь к входной двери со стеклянными вставками, вероятно, бесполезными при вторжении зомби, и смотрю в темноту, царящую за ними. На мгновение, я не понимаю, как открыть дверь с занятymi руками. По-прежнему держа пистолет, я ставлю бокал на пол возле себя и толкаю дверь, шагая наружу, затем поворачиваюсь, чтобы забрать бокал вина. Чертова с два, если я пророню хоть каплю этого вина. За бутылку в две штуки баксов хозяйка может использовать остаток моего депозита, чтобы перекрыть ее стоимость.

Я выхожу на улицу к яме, где разводят костер, не обращая внимания на то, как гравий впивается в мои ноги. Я слишком опьянела, чтобы это ощущать, и скоро я буду слишком мертвой, чтобы вообще что-нибудь чувствовать.

Я делаю еще один глоток вина, хотя на этот раз я выплевываю жидкость, чувствуя, как капля скользит вниз по моему подбородку. Судя по тому, как меня шатает, я выпила уже не мало, но еще не достаточно. Мне по-прежнему нужен еще один бокал, чтобы заглушить рациональную часть своего мозга, которая умоляет меня обдумать свое решение, говоря мне, что все не так уж и плохо, несмотря на то, что сегодня Джейф сказал мне по телефону. Покончить с собой у черта на куличках было ужасной идеей.

Кто сможет здесь найти мое тело? Первыми до него доберутся койоты? Не поэтому ли для смерти я выбрала поле с полынью, где я сейчас стою, где никто не сможет заметить мое тело до того, как его окружат стервятники? Я просто жалею, что не надела что-нибудь из обуви, прежде чем прийти сюда, потому что этот чертов гравий действительно начинает доставлять боль, прорывая занавес оцепенения, который, по моим надеждам, будет со мной до конца.

Но даже когда я стою здесь, мои мысли не перестают вращаться — рациональные, хотя и нетрезвые — слезно моля меня пересмотреть свое решение.

«Ты просто позволяешь Джессику победить. И он победит, когда пуля вышибет тебе мозги, ты же знаешь. А какой же это умненький и красивенький мозг, потраченный на мужчину, который так увлечен своим крошечным членом, что поссорился со всеми, даже с теми, кто помогал ему добиться того, что у него сейчас есть. И честно говоря, Харлоу, ты действительно хочешь, чтобы этот недоросток победил? Хочешь? Правда?»

Я громко смеюсь, мой смех теряется в окружающей темноте. Позади меня экодом, арендованный мной на следующие три недели, который великолепно освещается солнечными батареями, словно маяк в ночи. Он — одно из странных на вид самодостаточных жилищ, которые можно увидеть по дороге в Таос, задняя часть которого встроена в склон, или ограждена, как сказала хозяйка, Анита Аная. Построенный из вторичных материалов, таких как: мятые банки из-под содовой, старые шины, наполненные землей, которые используют для стен и заборов, окружающих владения, и разноцветные стеклянные бутылки для стен, которые фильтруют солнечный свет, как в мультфильме Флинстоуны (прим. американский комедийный мультсериал, рассказывающий о жизни Фреда Флинстоуна и его друзей в каменном веке). Панелей из солнечных батарей и ветряных турбин более чем достаточно для постоянного освещения всего экодома, оснащенного нескользкими видами аккумуляторов возле гаража.

Также внутри подсобного помещения есть цистерна, в которой собирается дождевая вода и ночной конденсат, которые затем фильтруются, так что вода вполне пригодна для того, чтобы помыть посуду и постирать, до тех пор, пока я использую органические вещества. Таким образом, сточная вода фильтруется, проходит через огород, оттуда появляется в виде коричневатой жидкости в моей уборной. В экодоме есть еще столько всего, благодаря чему его окрестили «Жемчужиной», например, красивые вырезанные деревянные изделия, притягивающие взгляд на каждом шагу, акценты, которые мог сделать только очень хороший плотник. Но это только то, что я вчера успела заметить во время своей быстрой экскурсии по дому, после чего я сказала: «да, беру на три недели» и заплатила наличными.

Я просто надеюсь, что Анита придет меня проверить до того, как закончатся эти три недели. Справедливости ради, именно поэтому я нахожусь здесь в окружении жужжащих москитов, вместо того, чтобы быть внутри «Жемчужины». Я бы причинила большие неудобства, убив себя внутри такого красивого дома, когда в распоряжении у меня столько места на открытом воздухе для того, чтобы вышибить себе мозги, пока я пьяна, и мне все пофигу.

К сожалению, когда очередной острый кусок гравия поцарапал кожу на моей ноге, я понимаю, что еще не пересекла ту грань, когда все напочем. Но в тоже время, мне не хочется пить еще один бокал вина, чтобы достигнуть этой точки, потому что в конечном итоге меня вырвет, и это будет ужасно грязно. Я зеваю, даже не потрудившись прикрыть рот рукой, хотя они все равно заняты. Черт, теперь так хочется спать.

«Ах, да пошло оно все».

Я разворачиваюсь к «Жемчужине» и направляюсь назад, неуклюже нащупывая дверь. Одной рукой держа вино, а другой — пистолет, я не совсем уверена, как взяться за ручку и повернуть ее, не застрелив себя. Вот будет потеха, если в итоге случайно застрелюсь. Кто бы мог подумать, я чертов детский хирург, способный пересаживать донорские почки маленьким пациентам, доктор Харлоу Джеймс, сейчас не в состоянии открыть обычную дверь. Это нелепо. Но в тот момент, когда я захожу внутрь и закрываю за собой дверь, я понимаю, что мне плевать на то, как я себя чувствую (явно пьяной) или как выгляжу (вероятно, просто ужасно). Мне просто хочется пойти спать и притвориться, что этого безумия никогда не было.

Я плетусь к дивану и ставлю бокал вина обратно на столик. Кладу пистолет поверх записки, которую я написала, с трудом вспоминая, что там нацарапала сквозь слезы. Я

вздыхаю, чувствуя себя теперь еще глупее, чем когда начала эту попойку пару часов назад, но я по-прежнему здесь, все еще дышу, а мой мозг цел и невредим. Кому какое дело, если даже я едва помню, с чего началась вся эта канитель с самоубийством?

Но что я точно знаю, так это то, что завтра утром я буду умирать от похмелья.

Глава 2

Дэкс

Я никогда не верил в сказки.

Но обнаружив в своем доме в три часа ночи настоящую принцессу, когда все, что мне хотелось сделать, — это завалиться в постель после долгой поездки из Флагстаффа (*прим. город в США, штат Аризона*), напомнило мне сказку про трех медведей и маленькую белокурую девочку, которая врывается к ним в логово, съедает всю их пищу и засыпает в их постелях. Так же, как и девушка, которая сейчас находится в моей.

Сначала я пугаюсь, что она мертва, но мягкое вздыхание ее груди говорит мне, что она просто отключилась, вероятно, от наполовину выпитой бутылки Бордо, которая стоит в гостиной, и, судя по тому, что рядом только один бокал, она выпила все сама. Но из всех вин, которые можно было взять в подвале, она выбрала именно Шато Лафит-Ротшильд Бордо 2005 года, которое я хранил для особого случая. Две штуки баксов наスマрку, любезно выпитые чертовой Златовлаской, которая мало того, что вырубилась, так еще и лежит голая.

Слава Богу, простины прикрывают ее бедра, при этом верхняя часть тела открыта, и ее великолепная полная грудь полностью видна. Я должен остановиться и несколько минут полюбоваться, даже если мой разум говорит мне отвернуться. В конце концов, я — мужчина и не слепой. И у нее настоящие сиськи, а не те искусственные, которые я постоянно везде вижу. Я собираюсь с мыслями, прежде чем выйти из комнаты и тихо закрыть за собой дверь в спальню. Просто то, что я владелец этого дома, не означает, что я могу развалиться здесь, когда мне захочется, и точно не со Златовлаской, храпящей на моей кровати.

Оказавшись в гостиной, я вытаскиваю телефон и проверяю календарь. «*Разве я соглашался в этом месяце сдавать дом?*» На экране телефона открывается календарь, и я вижу, что следующие три недели заштрихованы красным цветом, это означает, что в последний момент Нана сдала дом в аренду. Я проверяю свои текстовые сообщения, и, конечно же, вчера она прислала мне смс о том, что новый арендатор заплатил наличными. Она даже оставила голосовое сообщение. Жаль, что я не прочел ни одного из этих сообщений раньше, мне бы не пришлось в пустую тратить время на поездку. Но последние две недели я был слишком занят, завершая работу с заказами.

Я выдыхаю и сажусь на диван, поднимаю бутылку Бордо и делаю глоток. Я должен узнать, какие на вкус две штуки баксов. Сомневаюсь, что она пила прямо из бутылки, поэтому я совершенно не боюсь что-нибудь подцепить. И даже если бы она пила из бутылки, это не такая уж и проблема. Настоящая проблема сейчас находится прямо передо мной, разделяя пространство со мной, бутылкой вина и наполовину съеденной банкой помадки.

Пистолет.

Я очень надеюсь, что она принесла его для защиты. Для женщины не очень хорошо путешествовать по окраине Таоса в одиночку, в то время как в «Жемчужине» — это название я выбрал для экодома, который построил практически полностью своими руками, — нет связи, и она находится в четверти мили от ближайшего шоссе. Единственные, кто снимают «Жемчужину», это, как правило, люди и семьи, которые интересуются жизнеспособностью такого проживания, и небольшие группы, обучающие йоге и медитации. Но, возможно, я ошибаюсь, предполагая самое худшее. Может быть,

женщина ожидает компанию. Не было бы ничего странного, если кто-то приехал пораньше, а остальные подтянулись позже. Тем не менее, этот пистолет тревожит меня, особенно, когда он лежит поверх записки, начинающейся со слов: «*Прости, что не оправдала твоих надежд*».

Я делаю еще один глоток, после чего ставлю бутылку вниз. Я никогда не был любителем вина и купил его, чтобы произвести впечатление на женщину, от которой был без ума много лет назад. Мэдисон Дэйн. Вот, что я получил взамен того, что в качестве девушки выбрал модель. Даже ее имя звучало как бренд одежды, но сейчас оно работает в ее пользу, теперь это действительно чертова марка одежды.

— Это лучше, чем Мэдисон Дэйн Krakovski, — год назад заявила она, когда я помог ей создать свою линию одежды, как раз перед тем, как мы расстались. — И когда мы поженимся, твое имя я тоже не буду брать (прим. в США при регистрации брака, женщина может брать полное имя мужа: личное имя жены + личное имя мужа + фамилия мужа). Дрексел. Разве это не марка инструментов?

— Инструменты называются «Дремел», а не Дрексел, детка.

— Ой, без разницы, — пожала она плечами, как обычно, откидывая светлые волосы.

— Нет, мне подойдет Мэдисон Дэйн.

Мы бы никогда не поженились, даже если бы она неоднократно на это намекала. Безусловно, нам было весело вместе, и будь я проклят, если скажу, что секс не был удивительным, но дело было не в этом. Я был не тем, кого она хотела, определенно, плотник из Таоса не был ее мечтой. Даже если моя работа получала одну награду за другой, а моя компания, расположенная в Флагстаффе, вместе с шоу-румом на Манхэттене теперь приносila миллионы, я все равно оставался плотником. К тому же, мы едва видели друг друга, с ее еженедельными перелетами на частных самолетах в какие-нибудь экзотические места для позирования в фотосессиях, когда я летал от дома одного клиента к другому, чтобы оценить их пожелания на то, что я должен был соорудить для их жилищ. Спустя два года, я услышал, что Мэдисон подцепила какого-то хоккеиста из команды «Лос-Анджелес Кингз» и жила в Калифорнии на Манхэттен-Бич (прим. пляж в самом центре Лос-Анджелеса).

«Каждому свое, детка. Рад был познакомиться».

Я отбрасываю мысли о Мэдисон прочь и поднимаю пистолет. Глок 4 G19. Черт, серьезная вещица. Единственная причина, по которой мне это известно, потому что один из моих друзей — Нэйл Альварез — коп, и ему всегда нравится рассказывать мне об оружии. Так что, либо Златовласка разбирается в пистолетах, либо знакома с тем, кто в них разбирается. Обойма полная, в патроннике есть пуля. Предохранитель спущен.

Плохо.

Я обращаю внимание на письмо — на причины, принесла ли она пистолет для самозащиты или для чего-то другого, может указать этот кусок бумаги. Какое-то мгновение я колеблюсь, читать мне это или нет, не желая влезать не в свои дела. Мне не интересно совать нос в дела моей гостьи, но в то же время, я не могу отрицать того факта, что в моем доме находится заряженный пистолет, который лежит поверх чего-то, что очень напоминает предсмертную записку. Таким образом, если существует необходимость для вмешательства, то это нужно сделать сейчас.

Я беру письмо, и чтобы прочесть его, мне не нужно включать свет. Это одна из фишек проживания в Таосе, вдали от цивилизации и городского освещения. Вот почему я здесь приобрел землю и построил «Жемчужину» — ради звезд. Ясными ночами ты можешь увидеть миллионы из них, и это захватывающее зрелище, достаточное, чтобы напомнить вам о том, насколько мы малы по сравнению с величественностью таких вещей. Иногда я сижу здесь наедине с собой, любуясь этим видом и думая о жизни. Иногда вспоминаю женщину, ради которой я это построил.

Я поднимаюсь с дивана и иду по тропинке, вдоль которой растут овощи и цветущие растения, а также небольшие фруктовые деревья. Тропинка ведет к южной стороне

стеклянных панелей, выходящих на участок и стоящих под наклоном, чтобы ловить солнечные лучи, пока солнце поднимается на востоке и заходит на западе. Также, благодаря отражающимся звездам, панели служат как идеальное ночное освещение, которое освещает заплаканный лист бумаги в моей руке.

«Прости, что не оправдала твоих надежд.

Прости за то, что не остановилась в погоне за своей мечтой, за почестями и престижем, прилагаемых к статусу одной из лучших в стране. Прости, что я поставила это на первое место, по-глупому говоря себе, что с тобой все будет в порядке и что в итоге все мои старания стать лучшей оправдаются. Прости за то, что я так ошибалась, потому что при всех своих достижениях, я слишком поздно поняла, что ничего из этого не стоит таких жертв — не тогда, когда платой за это, оказался ты. Прости за то, что спасала всех остальных, в то время когда единственным, кого мне следовало спасать, был ты».

В горле появился ком, пока я перечитываю это письмо. Черт меня побери, если это не предсмертная записка, но чем еще это может быть. Это точно не гребаная поэма, которую пишут лишь бы что-то написать. Я возвращаю письмо на журнальный столик, положив пистолет сверху, именно так, как оставила его Златовласка. Так как она не поставила своего имени, для меня она будет оставаться Златовлаской. В конце концов, мне нужно знать, кому принадлежит это лицо — и сиськи.

Я сажусь обратно на диван, чтобы подумать. Через час поднимется солнце, и я окажусь в первом ряду, чтобы любоваться этим, но я знаю, что не могу рассиживаться здесь, как хозяин, хотя это именно так и есть. Нана всегда говорила, что когда дом арендуют, я должен держаться отсюда подальше, как и положено хорошему арендодателю.

Но сама идея, что кто-то хотел покончить жизнь самоубийством у меня дома, меня просто бесит. Не находя себе места от беспокойства, я поднимаюсь с дивана и отправляюсь на кухню проверить холодильник, чтобы убедиться, что он полностью заполнен. Она столько накупила, что хватило бы прокормиться на неделю или две, и это хороший знак. Значит, она собиралась оставаться. Знаю, что сейчас я слишком оптимистичен, но у меня не остается особого выбора. Либо так, либо мне придется вызывать полицию, чтобы ее вывезли из «Жемчужины», до того как она успеет наделать каких-то глупостей, и, может, оказали какое-то психологическое вмешательство, чтобы помочь ей. Не то чтобы у меня никогда не бывало депрессий, но не до такой степени, чтобы достать пистолет и писать записку с извинениями тому, кого не смог спасти.

Счасти.

Это слово просто мозолит мне глаза. Оно и те сказки, в которых рассказывалось про девиц, попавших в передрягу, и про то, как потом приходят рыцари в сияющих доспехах, чтобы спасти их. Я конечно не рыцарь в сияющих доспехах, и точно не девица, попавшая в передрягу. И даже не близок к тому, чтобы быть чьим-то принцем, не тогда, когда каждая девушка, с которой я был, не раз называла меня мудаком, и словами похуже, чем это, особенно после того, как я бросал их ради другой. Даже супермодель Мэдисон Дэйн.

Но, тем не менее, часть меня хочет дать кредит доверия моей гостье. Мама всегда говорила мне, что в человеке кроется намного больше, чем кажется на первый взгляд, и что внешность обманчива. Но, несмотря на это, нет никаких сомнений — Златовласка собирается покончить с собой, *из всех мест выбрав мое жилище!* Мама также говорила, что случайностей не бывает, что временами судьба преподносит нам очень странные сюрпризы. Иногда нам суждено быть там, где мы оказываемся. И, может быть, поэтому сейчас я здесь, на две недели раньше запланированного срока.

Спит Златовласка сейчас в моей постели или нет, но я там, где должен быть.

Глава 3

Харлоу

Дерьмо, мне снова нужно пописать, а это значит, что необходимо подняться с кровати и пройти в ванную. Тот, кто спроектировал этот дом, наверное, сидел на крэке, потому что это не поддается логике. Из-за так называемой системы сточных бытовых вод, водопроводные трубы, через которые в ванную поступает вода, проходят вдоль выходящей на юг стены, которая находится в противоположной стороне от всех спален, и где благодаря солнечному нагреву запас чистой воды сохраняет теплую температуру. Как бы там ни было, когда у тебя нет похмелья, специфика устройства не имеет значения. Когда тебе нужно туда наведаться, ты просто берешь и делаешь это.

Но сейчас, даже, несмотря на то, что мои глаза закрыты, я накрываю лицо подушкой, потому что помимо этого, есть еще парочка других фактов, с которыми мне нужно будет столкнуться. Во-первых, у меня ужасно болит голова, такое впечатление, что в ней отбивают чечетку. Это напоминает мне о том, какая я невыносливая, когда дело касается алкоголя, ведь обычно я пью не больше одного бокала вина за ужином, если вообще пью.

Во-вторых, я чувствую себя дурой из-за того, что вообще рассматривала вариант покончить жизнь самоубийством, и все потому, что еще больший дурак, мой бывший муж, сказал мне, что я была такой фриgidной уродиной, что мне лучше повеситься.

Уродиной? Кем он себя считает, что позволяет себе называть меня уродиной, когда я таковой не являюсь? По крайней мере, я знаю, что я не уродина. И фригидна? Но тогда, тот факт, что я была такой тупицей, что не спала ни с кем, кроме Джейффа, ситуацию не облегчит.

По лицу катятся слезы, и я говорю себе остановиться и перестать себя жалеть. Я не должна позволять словам озлобленного мужчины задевать себя, но, думаю, не важно, сколько вам лет и насколько вы зрелый, оскорблений все равно причиняют боль.

Джейфф обычно так себя не вел. Мы были счастливы, два амбициозных кандидата на членство в научном обществе с большими мечтами, которые делали все вместе до тех пор, пока в один прекрасный день мы не начали конкурировать друг с другом и даже не знали об этом. Я не могу вспомнить, как и когда это началось - желание быть среди лучших детских хирургов-трасплантологов в городе, а позже и в стране. Может, именно так, отвлекая себя работой, мы боролись с отчаянием, которое пришло с сильным желанием завести ребенка, восторженные похвалы и достижения накапливались одна за другой до тех пор, пока мы не потеряли из виду причину, почему мы были вместе.

К тому времени, когда я осознала, что соперничаю со своим мужем, уже было слишком поздно. Джейфф не хотел ходить на консультации, чтобы сохранить наш брак, и впоследствии я тоже перестала видеть в этом смысл. Потом было три неудачных оплодотворения и один мертворожденный ребенок позже, и брак был разрушен. Единственное, что осталось, — были активы, накопления после прожитых шести лет брака между двумя успешными хирургами.

А теперь я здесь, с похмельем после того, как практически не покончила жизнь самоубийством из-за разозленного мужчины, желавшего, чтобы я подписала акт об отказе на дом в Хэмптонсе, которым мы оба владели. Поэтому Джейффу нужно было знать, где я нахожусь, так как у него имелись для меня документы, которые должны быть доставлены как можно быстрее. Как будто подписать такие документы так просто! Мы находимся в разгаре этого чертовского бракоразводного процесса! И даже если бы я знала, где я, черт возьми, нахожусь, я бы ему этого не сказала.

Именно тогда он сказал, что думает обо мне: «уродливая сука, фригидная, ни на что не годная ледяная королева. В тебе даже на половину нет от той женщины, которой является моя Лейлани. Сделай миру одолжение и просто повесься, Харлоу».

Яд в его голосе вызвал у меня дрожь. С тех пор, как малыш Маркус — так я назвала его, прежде чем они забрали от меня его маленькое тельце — навсегда заснул, Джейф возненавидел меня. Все это было по моей вине, так он сказал. «*Твои яйцеклетки скохлись, и с тобой скоро случиться то же самое!*»

Последнее, что мне было нужно в тот момент — так это его ненависть, но это единственное, что я получила. Это и всеобщую жалость. И еще больше жалости, когда позже, меньше, чем через месяц, он подал на развод. К счастью, я не стала с ним спорить. Тогда у меня уже не осталось никаких сил, я слишком погрузилась в свое горе, чтобы думать о том, что кому достанется. Я все поручила своему адвокату, чтобы он вел переговоры от моего имени, тогда же я узнала, что он в загородном клубе играет с Джейфом в теннис. У меня была работа в больнице и мои пациенты, и это все, что мне было нужно, чтобы находить силы проживать каждый очередной день.

Пока не настал момент, когда я лишилась всего.

Хотя это было не официально, один из членов совета по секрету сообщил мне, что совет директоров решил, будто для интересов каждого будет лучше, если в разгар бракоразводного процесса два доктора больше не будут работать вместе в стенах одной больницы. Он утверждал, что чем дольше я остаюсь в больнице Миллера, тем хуже ко всем будет относиться Джейф, и, может, даже изменится его отношение к собственным пациентам из педиатрии.

Помню, как подумала тогда, что худа без добра не бывает, и была права. Собрав в хранилище все нажитое, и убедившись, что Кэти Плешетт, мой офис-менеджер, отправила мне на электронную почту информацию о моих пациентах, я поняла, что пришло время посмотреть на остальную часть мира. Но вместо того, чтобы полететь в экзотические места и найти там приключения, я решила взять кабриолет и как «Тельма и Луиза» отправиться в путь по большой дороге (*прим. героини одноименного фильма, 1991г, где две девушки отправляются на машине отдохнуть в горы от своей повседневной жизни*). Только в этой поездке не было Тельмы, только я, и это означало, как я надеялась, что все обойдется без каких-либо проблем. По пути я останавливалась в лучших отелях и все время оставалась погруженной в свои мысли.

Когда в прошлом месяце я оказалась в Альбукерке, то познакомилась с Андреа Мартин, доктором, которая управляла местной поликлиникой в Южной Долине. Мы сразу поладили, и во время проживания в причудливом отеле в Старом Городе Альбукерке, я бесплатно проводила консультации для ее пациентов, большинство из них страдали почечной недостаточностью, как следствием, гипертонии и сахарного диабета. Когда она предложила, чтобы я отправилась в Санта-Фе и посетила музей Джорджии О'Кифф (*прим. американская художница*) и другие места, которые она не сомневалась, меня заинтересуют, я не упустила этот шанс и даже впервые в своей жизни посмотрела оперу на открытом воздухе. После этого, я помню, как мне кто-то рассказал об этих странно сконструированных шоссе на окраине Таоса, и я уехала, жалея, что не могла закрыть глаза, пока проезжала через Гордж-Бридж (*прим. автомобильный мост, высотой в 172 м*). На этот раз, даже, несмотря на то, что я могла бы остановиться в одном из хороших отелей в городе, почему-то я предпочла «Жемчужину».

Анита Анайя, старушка, которая встретила меня на пороге «Жемчужины», сказала, что она принадлежит ее внучку и что она сдавала ее в аренду небольшим компаниям и семьям, пока он жил в Флагстаффе. Ее интересовало, не ожидала ли я кого-то еще, так как каждый жилец должен был быть внесен в договор аренды, и когда я сказала, что нет, она была явно удивлена. Она беспокоилась, что городская девушка как я, не продержится здесь больше одного дня в одиночестве, в окружении полыни, с кричащими койотами по ночам. Первые пару часов, пока я сидела с лежащим передо мной пистолетом, перепуганная всем, что шевелилось за окном, я боялась, что она была права. Потом, увидев полную луну, которая светилась среди тысячи звезд на небе, я поняла, что со мной все будет в порядке.

«Пока не получила дурацкий телефонный звонок от Джеффа, после которого все пошло к чертям».

Я не должна была отвечать на его звонок. Это бы уберегло меня от похмелья, или, что еще хуже, от нажатия на курок неведомо где. Понятия не имею, как впервые за这么多 месяцев его голос смог по-прежнему выбить меня из колеи, возвращая к своей неуверенности и ненависти к самой себе. Еще хуже то, что Лейлани на двадцать один год моложе его, Господи помилуй.

Я закричала во все горло, в голове пульсировала такая боль, будто в ней что-то взорвалось, но мне наплевать. Я даже не расстроена тем, что Джейф с какой-то молодухой. Я злюсь, что она может дать ему то, чего не могу я, и мне просто надо как-то это выплеснуть.

Но вначале, мне нужно пописать.

Через час, в патио, попивая кофе и читая вчерашнюю газету, я замечаю серебристый грузовик, заворачивающий на подъездную дорожку, ведущую в «Жемчужину». Пока я всматриваюсь в облака пыли, которые волочатся за ним, сердце начинает учащенно колотиться. *«Это курьер с документами об отказе на право собственности? Как Джейф меня нашел?»*

Но даже если это так, проехать такой путь впустую — это потеря времени для курьера. После вчерашней ночи, я ни за что в жизни не отдам Джейфу дом в Хэмптонсе. По факту, ему уже досталась квартира на Верхнем Ист-Сайде (*прим. элитный квартал в Манхэттене*), когда я отказалась от своей доли вскоре после того, как родился Маркус. Я даже не помню, почему это сделала, помню только то, что не могла пережить мысль о том, что в ней стоит пустая колыбелька, ожидающая ребенка, который никогда не попадет домой.

А ведь Джейф хочет, чтобы я в безумии сделала то же самое и с домом в Хэмптонсе. Неужели он думает, что может так меня запугать, что я отдам ему еще и загородный дом? Возможно, прошлой ночью у меня и был момент слабости, когда я чуть не выпотрошила себе мозги из-за его последней тирады, но после длительного душа, где я, наверное, истратила половину запаса воды «Жемчужины», я больше стала похожа на саму себя. Я даже разорвала на мелкие кусочки свою жалкую предсмертную записку и спрятала пистолет, пообещав больше никогда не позволять себе чувствовать себя уязвимой.

Эта версия меня мне знакома, даже, несмотря на то, что я нахожусь на незнакомой территории Таоса, где все, что меня окружает, выглядит бесплодным как мое лоно. Но это та версия уверенной меня, которая была до того, как я почувствовала, что была годна лишь для того, чтобы рожать Джейфу детей. *«Что если я никогда не смогу иметь детей? Разве это делает меня менее женственной?»*

Научные факты говорят, что ответ «нет». Я по-прежнему женщина, и никто, даже Джейф, не может говорить мне или заставлять чувствовать противоположное.

Уже нет.

Глава 4

Дэкс

Ах, отлично. На этот раз Златовласка одета и жива.

Ну, во втором я уверен, а вот с первым утверждением можно поспорить, учитывая, что мне удалось увидеть, как Златовласка брела обнаженной в ванную, как раз когда я собирался уходить в пять часов утра. Ей было бы лучше не рисковать расхаживать обнаженной, даже в своем собственном экодоме. Насколько мне было известно, у моих соседей были наготове телескопы из-за круглогодичных чертовых наездов групп по йоге. Даже в своих брюках для йоги, для некоторых из моих соседей, для которых не было

ничего лучше, чем сидеть и заглядывать в чужие дома, покуривая ганджу* и обсуждая последние разработки автономного проживания, эти женщины выглядели практически как обнаженные (*прим. Ганджа (ганжса) — индийское название местных сортов конопли посевной и психотропных продуктов из этих растений*).

Иногда я с ними общаюсь, хотя раньше делал это намного чаще, когда с их помощью и под их руководством строил «Жемчужину», но сейчас я обычно отсиживаюсь здесь, проектируя что-нибудь новое. Несмотря на то, что такому человеку как я необходимо побывать в одиночестве, мое желание остаться наедине с собой на следующие три недели было разрушено сбитым графиком (из-за того, что я не проверил свои сообщения прежде, чем приехать сюда) и моей неспособностью покинуть Златовласку.

Я паркую свой грузовик позади ее грязного БМВ, задаваясь вопросом, почему она не припарковала его внутри гаража, чтобы уберечь от солнца и всей этой пыли. Но в то же время, это меня не касается. В конце концов, это ее машина.

На Златовласке бежевый кардиган, под ним футболка и джинсы. На голове соломенная шляпа. Она — женщина с изгибами и с сиськами, которые я узнал бы с любого ракурса, а когда она подходит ближе, я заставляю себя перевести взгляд на ее лицо. Если продолжу пялиться на ее грудь, то мой член прорвет дыру у меня в джинсах — а это было бы неприлично. И то, что уже прошло некоторое время, с тех пор как я последний раз был с женщиной, — целых два месяца — явно не улучшает ситуации. Не то, чтобы они мне постоянно не называли. Нет. Но с моим интенсивным рабочим графиком, удивительно, как быстро бежит время, когда у тебя есть заказ от Голливудского магната, которому для дома в Биг Скай* в штате Монтана нужна большая деревянная лестница, вряд ли оставалось время на какую-нибудь киску (*прим. населенное место без административного статуса в Южной Монтане*). Это слишком, я возбужден как черт, и вид сисек Златовласки сегодня утром никак не улучшает это затруднительно положение. Я не тот, кто думает только тем, что находится у него между ног — надеюсь, что нет — но есть что-то в Златовласке такое, от чего мой живот напрягается, и это чертово ощущение переходит вниз, к моему члену.

Также не улучшает положение и то, что мне удалось увидеть ее обнаженной, когда она брела в ванную, в то время как я подходил к двери. С ее безупречными сиськами и идеальным телом. Черт, такое совершенство провоцирует мужчин делать то, что не нужно. Именно поэтому я не стал даже дожидаться, когда она выйдет из ванной, чтобы представиться ей. А просто выбрался на улицу и поехал к дому Наны, чтобы принять холодный душ и немного поспать... и просмотреть ее договор аренды.

Женщина, снявшая экодом, была каким-то великим врачом с Восточного побережья, путешествующим по стране своим ходом. Это объясняет пистолет, но он по-прежнему тревожит меня, учитывая записку, на которой он лежал, но это была вся информация о ней, которую я получил от Наны. Она бы запаниковала, если бы узнала, что я видел или, если говорить о записке, прочитал. Так что я должен был поговорить с хорошим доктором и прояснить некоторые вещи. Ей может не понравиться то, что я должен буду сказать, но ведь Дэкс Дрексел никогда не отличался тактичностью.

Она встречает меня на полпути от подъездной дорожки к «Жемчужине», уперев руки в бока. Я даже не успел еще ей представиться, а она уже выглядит довольно разозлившейся при виде меня.

— Мисс Харлоу, я...

— Для вас Доктор Харлоу Джеймс, молодой человек, — огрызается она, глядя на меня. — И что на этот раз? Вы курьер? Как вы меня нашли? Боюсь, вы зря потратили время, приехав сюда, потому что без своего адвоката я не собираюсь подписывать никаких документов. И если вы думаете, что когда скажете мне «прыгать», я только спрошу «как высоко?», то вам следует подумать еще раз. Адвокату придется подождать, пока я не вернусь в Нью-Йорк.

Я почти говорю ей, что не курьер, которого она так ждала, но в любом случае, ей не понравятся те бумаги, которые я принес в коричневом конверте и держу под мышкой. *Nу, почти.*

— Жаль, потому что вы должны подписать эти бумаги, Доктор Харлоу Джеймс, и я не уйду, пока вы этого не сделаете, я вообще не собираюсь уходить.

Она скрещивает руки на груди и поднимает подбородок. Меня даже не волнует накладные ли ресницы у нее, которые в наши дни используют женщины, но они производят фантастический эффект, обрамляя ее большие красивые, карие глаза. Она как пламя, когда сердится, и мне это нравится.

— А что если я не подпишу? Что тогда вы собираетесь сделать? — она смотрит в сторону дома, наверное, задаваясь вопросом, нужно ли ей сейчас сбегать за своим пистолетом.

— Ничего. Я просто привезу своего юриста, чтобы вы подписали и согласились на мои условия, или уехали...

— Вы имеете в виду юриста Джекфа? — внезапно она встает прямо передо мной, тыкая пальцем мне в грудь.

Пораженный, я отступаю назад, но она делает шаг вперед.

Я поднимаю руки в притворной капитуляции.

— Черт, Златовласка! Остынь!

Она даже не слышит меня. Уважаемый доктор продолжает тыкать в меня пальцем, словно я ее личная кнопка пульта дистанционного управления.

— Этот придурок даже не удосужился сказать мне, что отправляет вас сюда, и теперь вы угрожаете мне вашим юристом? С каких пор курьерам нужны собственные юристы?

Хорошо, игра окончена.

— С тех пор, как они не являются теми курьерами, которых вы ожидали?

Я парирую ей, не понимая того, чем я мог так ее разозлить. Она тяжело дышит, а ее ноздри раздуваются. Если бы люди могли метать кинжалы взглядом, я бы уже давным-давно был мертв. Благодаря взгляду и этому чертову пальцу на моей груди. Она уже, наверное, проделала там вмятину.

Харлоу хмурится, и впервые на ее лице отражается замешательство, когда она отступает назад.

— Что... так... черт возьми, кто вы такой?

Я протягиваю руку.

— Я — Дэкс Дрексел, и я — владелец «Жемчужины». Анита — моя бабушка. Прошу прощения за то, что заставил вас принять меня за...

— Это было не смешно! Вы не имеете права ни с кем разыгрывать эту чушь, как бы вам это ни нравилось.

Женщина вихрем разворачивается и направляется к дому, а я следую за ней, не желая, чтобы она захлопнула передо мною дверь, хотя здесь еще один вход, которым я могу воспользоваться, если она не позволит мне войти. В «Жемчужине» шесть спален, и она может вместить до десяти человек. А со стеной, разделяющей помещение на западное и восточное крыло, ее также можно сдавать двум отдельным компаниям.

— Подождите! Послушайте, мне очень жаль. Мне не стоило этого делать.

Я обгоняю Харлоу, преграждая ей путь. Черт, а она хорошо пахнет. Я чувствую нотку розового масла, когда ветер развевает ее светло-русые волосы у нее перед лицом, и она пальцем убирает прядь за ухо.

— Послушайте, нам нужно поговорить. По-видимому, произошла небольшая путаница.

— В чем?

Я киваю головой в сторону «Жемчужины».

— Я запланировал остановиться в «Жемчужине» на следующие три недели...

— Черта с два! — она отталкивает меня в сторону и продолжает свой путь к входным дверям. — Я оплатила аренду за это место, наличными, и у меня есть соглашение, которое это подтверждает.

— У меня с собой есть копия договора, и он позволяет владельцу или менеджеру, в данном случае Нане, то есть моей бабушке, находиться здесь при любых смягчающих обстоятельствах, — говорю я, размахивая конвертом перед ней.

«Разве пистолет — не смягчающее обстоятельство?»

Со стороны это выглядит не очень хорошо, но таково мое решение. Златовласка — упрямая женщина, и я не могу винить ее. Но, кроме этого, я очень разочарован в себе. Каким-то образом, мой шарм совершенно не действует на нее. Она едва ли взглянула на меня. Ну, она взглянула, но только потому, что пыталаась пробить дыру в моей груди.

Я так отвлекся, задаваясь вопросом, почему мое обаяние не действует на Златовласку, что даже не замечаю, как она останавливается, оборачивается и смотрит на меня до тех пор, пока не становится поздно. Я врезаюсь прямо в нее, и мы оба падаем на землю.

Среди возгласов «*Вот дермо*» (от меня) и «*Черт возьми*» (от нее), я отбрасываю конверт, чтобы успеть схватить ее за талию одной рукой, а второй удержать ее голову, когда мы ударяемся о землю. Один факт об автономной жизни: здесь нет асфальтированных подъездных дорожек, только гравий — мелкое дермо, которое сейчас режет кожу моих рук, пока я страхую ее от падения. Возможно, мне просто нужно пересмотреть дизайн и положить асфальт по всему долбанному пути от самой магистрали.

Когда Харлоу хватается за голову, я начинаю паниковать. Надеюсь, она не ударила и не получила сотрясение, или еще хуже, «не откинется» у меня на руках. Отлично, она выжила после ночи с заряженным пистолетом, но, естественно, не пережила встречи со мной и моим длинным языком.

— Ты в порядке? — я осторожно поворачиваю ее голову, чтобы убедиться, что она не разбила ее о камни, не тогда, когда мои руки приняли на себя весь удар и залили кровью весь гравий.

Их к тому же ужасно щиплет.

— О, Боже, моя голова!

— Что с головой? Ты ранена?

— У меня похмелье, вот что! — стонет она, после чего замирает, уставившись на меня, ее глаза расширяются, а губы складываются в букву «О» от шока, когда ее взгляд опускается вниз. Мне требуется секунда, чтобы понять, что происходит, и почему она смотрит на меня так, как будто я самый ненавистный ей человек на этой земле. А потом до меня доходит. Я лежу прямо на ней, у нее между ног, и как раз в этот момент ощущение ее ног рядом с моими бедрами посыпает ударные волны по моему телу.

И члену.

— Вот черт! То есть, прости!

Я слезаю с нее, как раз когда она отталкивает меня прочь. Я поднимаюсь, предлагаю ей руку, но она игнорирует меня, поднимаясь на ноги без посторонней помощи, и страхивает гравий со своего кардигана. Кто мог знать, что аромат женщины может так быстро произвести впечатление на южную часть моего тела, что мой разум даже не успел этого осознать? Я отворачиваюсь от нее, чтобы она не видела, насколько я тверд. Братьям Вильер сейчас лучше не подсматривать в свои долбаные телескопы.

— Ах, посмотри! Твое драгоценное соглашение разлетелось повсюду, — сухо произносит она, когда я разворачиваюсь к ней лицом; все десять страниц договора аренды «Жемчужины» размером в 6,400 квадратных футов разлетелись от меня аж до полыни.

Мне удается поймать два листа, но я знаю, что гоняться за ними, и при этом выглядеть как идиот, бесполезно. Я лучше поеду обратно к Нане и снова все распечатываю, даже если ее двадцатилетний матричный принтер ужасно трещит при каждой распечатке.

Звук хлопнувшей парадной двери возвращает меня на землю. Я даже не предпринимаю никаких усилий, чтобы броситься к дому, не тогда, когда становится слишком поздно что-либо предпринимать. Когда я разворачиваюсь, чтобы взглянуть, Златовласка или скорее Доктор Харлоу Джеймс, смотрит на меня сквозь мутную стеклянную дверь, одна ее рука находится на бедре, а другая показывает этот популярный знак с поднятым средним пальцем, который соответствует ее взгляду, ясному как день: «*Да пошел ты*».

Глава 5

Харлоу

Слава Богу, у парня на самом деле есть голова на плечах. Он понимает намек на то, что его сюда не приглашали, и уходит, подобрав свое достоинство. Но, когда я смотрю, как он уезжает, нет никаких сомнений, что я по-прежнему в шоке — не от падения, а от того, что впервые в жизни кому-то показала средний палец.

Я показала средний палец!

Это кажется таким знаменательным событием, что дрожащими руками я достаю из сумочки свой дневник в кожаном переплете и делаю в нем запись: «*Сегодня я показала какому-то парню средний палец! Как жаль, что это был не Джессифф*».

Когда я снова смотрю на строки, которые только что написала, то останавливаюсь на последнем предложении. Безусловно, это хороший момент, разве нет? Почему я так и не показала средний палец Джессиффу, после того, как он в сотый раз облажался? Если бы я знала, как этот жест может улучшить настроение, почему бы мне этого было не сделать? Было ли это потому, что я больше беспокоилась о том, что такое ребячество могло бы показать меня не в лучшем свете, или потому, что даже после того, как моя жизнь развалилась, я была так сфокусирована на сохранении своей репутации, что подавляла все остальное, даже желание дать отпор?

Я закрываю дневник и закидываю его обратно в свою сумочку. Какой бы триумф я не испытала, показывая средний палец Дэксу, сейчас это прошло. Я вздыхаю и вытаскиваю кусочек гравия, зацепившейся за мою кофту. Пока я перекатываю его между большим и указательным пальцами, понимаю, что, по крайней мере, остается одна вещь, которую я не могу отрицать.

Дэкс Дрексел — симпатичный молодой мужчина. Определенно, приятный взору, и как еще говорят, *высокий и статный*. Не могу успокоиться из-за того, как же это было приятно — та доля секунды, когда он держал меня в своих руках — одна рука на моей талии, прижимая меня к нему, другая просто под моей головой. То, что ему удалось отреагировать с такой скоростью, удивило меня, хотя та твердость внизу его живота, которой он ко мне прижался, удивила еще больше.

Я никогда не считала себя красивой. Изгои не завоевывали голосов в старшей школе, не тогда, когда они были слишком заняты, по уши зарываясь в учебники по биологии и разговоры о природе выпускания газов. Людей вроде меня просто не замечали при составлении шкалы популярности, хотя благодаря своему уму, мне удалось попасть туда, где я никогда бы не смогла побывать, будучи приемным ребенком, который постоянно переезжал из одного дома в другой. Разум и мое сердце. Я слишком сильно заботилась о своих маленьких пациентах, может быть, даже сильнее, чем о самой себе, особенно, когда мой брак развалился. Я сидела с ними после операции, вместо того, чтобы вернуться в пустой дом, в почти не разобранную детскую комнату, без ребенка, для которого ее с любовью обустраивали.

«Вот, отлично, я снова за старое. Подумай о чем-то более радостном, Харлоу!» Я делаю глубокий вдох и заставляю себя подумать о чем-то другом,... например, о Дэксе Дрекселе.

Хорошее имя, и оно точно принадлежит красивому мужчине. Интересно, откуда взялось это имя? Звучит чертовски сексуально и подходит мужчине, который его носит. Темные волосы, темно-голубые глаза, подстриженная бородка. А еще от него очень хорошо пахло. Наверное, он пользуется одним из этих одеколонов, куда входят феромоны, чтобы возбуждать в женщинах желание. Пока я не рассмеялась от мысли, что анализирую свою реакцию на мужчину, я заставляю себя вспомнить свои ощущения, когда он держал меня ту долю секунды. Прошло много времени с тех пор, как я видела мужчину, который реагировал бы на меня так, как Дэкс Дрексел. То, что прижималось к моему животу, точно не было его телефоном. Но кого я обманываю? Насколько я понимаю, Дэкс Дрексел мог бы возбудиться даже при взгляде на дерево.

Звук звонка моего собственного телефона из спальни возвращает меня в реальность, и я так отвлеклась на мысли о Дэксе, что отвечаю, не посмотрев на дисплей.

— Доктор Джеймс! Наконец-то! Так долго переписываясь с вами только по почте, спустя столько времени здорово опять услышать ваш голос! Где вы сейчас находитесь?

Последние пять лет офисом, который я делила с двумя другими врачами, руководила Кэти, и я не знаю, чтобы я без нее делала. Ей почти шестьдесят, она сообразительная и в курсе всех тонкостей медицинского страхования больше, чем кто-либо из тех, кого я знаю. Она как мать, которой у меня никогда не было, — всегда готовит что-то для меня, чтобы я взяла это домой, например, запеканку, домашние макароны под сыром или яблочный пирог, и постоянно напоминает, что если мне нужно с кем-нибудь поговорить, то она рядом.

Поначалу, я не хочу говорить ей о своем местонахождении. Но разве не я собираюсь выпотрошить свои мозги непонятно где? И что, если Дэкс окажется каким-то серийным убийцей? Мне нужно, чтобы кто-то знал, где я нахожусь, чтобы они могли отправить поисковую группу в случае, если я пропаду без вести.

— Я в Нью-Мехико. В Таосе, здесь хорошо, — выпаливаю я.

— Господи, это довольно далеко. Вы хорошо проводите время?

— Да, хорошо, — отвечаю я, слыша, как на заднем плане звонит телефон, и Мелоди, одна из закупщиков медикаментов, отвечает на звонок. — Ну, что, как поживаете?

— Здесь только что была Пенни, — говорит Кэти, и это все, что ей нужно произнести, чтобы в моей груди все сжалось.

Пенни — это Пенелопа Кинстон, младшая дочь Сенатора Леона Кинстона, которая родилась с болезнью поликистоза почек — генетическим заболеванием, характеризующимся множественными кистами, заполненными жидкостью, которые появляются на почках, что делает их бесполезными. Пенни была последней, кому я сделала пересадку почек, прежде чем снять с себя медицинский халат в пользу больницы Миллера, по особой просьбе ее отца, после того, как Джейф — хирург, поставленный на проведение пересадки, — потерял самообладание во время консультации с Пенни. Из того, что я узнала, Джейф точно на нее не кричал, он просто выглядел раздраженным после чего-то, что она ему сказала во время их консультации. Может, у Джейфа был просто неудачный день, но я не думаю, что он когда-нибудь простит мне то, что я ответила на просьбу Сенатора, и то, что я возглавила команду по проведению пересадки вместо него, и, безусловно, он не простит мне того, что я стала любимым доктором Пенни, и по совместительству, вхожей в близкий круг общения Сенатора.

— Что с Пенни? С ней все хорошо? — спрашиваю я.

— Она передает «привет», — отвечает Кэти. — Она не знает о том, что произошло в клинике, но она надеялась сегодня увидеть вас во время осмотра у доктора Роу.

— Как она? Стабильна? — я ловлю себя на том, что жалею, что не осталась в городе дольше, чтобы убедиться, что она оправилась после операции и что у нее нет ужасной побочной реакции на лекарства.

Но я не ее детский нефролог (*прим. нефрология — область медицины, изучающая функции и болезни почек*). Я, как и Джейф, — хирург-трансплантиолог.

— У нее была неприятная побочная реакция на один из медикаментов, но доктор Роу чем-то его заменил, — говорит Кэти, когда я закрываю глаза и потираю виски, моя головная боль возвращается.

Я чувствую, как растет мое беспокойство за свою молодую пациентку, хотя другая часть меня напоминает, что мне нужно время и на себя. У печали нет фиксированного срока действия.

— Как вы держитесь? Прошло пять месяцев с тех пор, как вы уехали из Нью-Йорка, и мы соскучились по вам, — говорит Кэти, и я открываю глаза, чтобы посмотреть на ландшафт Таоса передо мной за стеклянными окнами.

На улице сухо и жарко, я так далеко от Нью-Йорка и того, где сейчас Кэти, которая сидит в своем офисе и разговаривает со мной.

— Со мной все хорошо, Кэти. Спасибо.

— Я здесь, если вам нужно с кем-то поговорить, — произносит она. — Не нужно сейчас делать ничего поспешного, ладно?

Я невесело усмехаюсь, вспоминая о вчерашней глупости, о том, как я босая стояла на улице, с пистолетом и бокалом вина, выкрикивая проклятья в темноту.

— Не сделаю. У меня все хорошо. Правда. В Таосе прекрасно.

— Если хотите знать мое мнение, вам лучше оставаться в Таосе, чем здесь, где все только и делают, что говорят о предстоящей свадьбе, — говорит Кэти.

— Гарднер, должно быть, рассыпает эту новость каждому в городе, даже в местные газеты. Но, если мне не изменяет память, то ваш развод еще не завершен, правильно? — продолжает она.

— Правильно.

— О, Боже, здесь будут проблемки, — произносит Кэти, но из-за смеха я ничего не отвечаю. — Кстати, Пенни очень бы хотелось, чтобы вы успели вернуться к ее дню рождения, который совпадает с днем свадьбы.

Я ругаюсь себе под нос, ко мне возвращается воспоминание о том, что я вчера висела на волосок от смерти. «Как я могла забыть о дне рождения Пенни?» Я ей пообещала, что приду. Она всегда боялась, что не доживет до десяти, и я заверила ее, что этого не произойдет. К сожалению, она не сможет общаться со многими из своих друзей, потому что ее иммунная система еще не будет готова для борьбы с различными инфекциями, не за несколько месяцев.

— Скажите Пенни, что я ни за что на свете не пропущу ее день рождения, — говорю я, думая о Дэксе и договоре, который он принес.

Может, в итоге он получит то, чего добивался, но это только в том случае, если я решу поехать обратно домой, так же спонтанно, как и уезжала оттуда. Но тогда, я не помнила о дне рождения, на котором должна буду присутствовать. У меня была только одна дата рождения, о которой я хотела забыть.

— Скажу, — отвечает Кэти, после чего я прощаюсь и вешаю трубку.

Хоть я целых пять месяцев не общалась с Кэти, а наша переписка ограничивалась электронной почтой, приятно слышать ее голос, и я рада, что ответила на звонок. Я не могу полностью закрыться от единственного человека, которому доверяю в этой жизни, особенно теперь, когда я чуть не перешла грань, чтобы покончить с ней.

Убедившись, что Дэкс не вернулся с очередной стопкой документов об аренде, я открываю дверь и выхожу из дома. Теплый ветер развевает мои волосы вокруг лица, и я заправляю прядь за ухо. Я улавливаю аромат полыни и делаю глубокий вдох, позволяя ему заполнить мои легкие, прежде чем выдохнуть ртом.

Я помню, что в городе кто-то мне рассказывал о том, что шалфей используется в лечении. Для лечения чего именно я не знаю, потому что у меня не было достаточно времени, чтобы это узнать. Но, когда я осматриваюсь по сторонам, то не могу избавиться от ощущения спокойствия, впервые после прошлой злосчастной ночи. Здесь не на что смотреть, кроме полыни и остальной растительности, которая водится на окраине Таоса.

Бесплодные земли, как и мои утробы. Но также я знаю, что оказалась здесь не случайно и почему не позволила такому высокомерному парню как Дэкс Дрексле себя запугать, поставив свои условия.

Я здесь, чтобы начать все сначала, отпустить Маркуса и двигаться дальше. И это именно то, чем я собираюсь заняться.

Глава 6

Дэкс

Прошло два дня с того времени, как у меня произошла стычка с хорошенъким доктором, и мне тревожно. Мне нужно попасть в свою мастерскую на другом конце чертового экодома, только так я могу выбросить из головы свои последние задумки, или мне нужно вернуться во Флагстафф. Но, с тех пор, как в прошлый раз я вырвался из города, чтобы приехать сюда и провести время со своей бабушкой, я пообещал, что в следующий раз, когда приеду, останусь подольше. В экодоме или нет, но я останусь, даже, несмотря на то, что меня просто убивает тот факт, что мне приходится ждать, чтобы воспользоваться им.

Мне не верится, с какой скоростью ко мне приходят идеи. Именно поэтому я каждый раз останавливаюсь в «Жемчужине», когда возвращаюсь в Таос. Это придает мне новые силы больше, чем что-либо известное мне, от вида на небо, от волнистых облаков до горного хребта, где можно найти меня зимой, катающегося на лыжах.

Там, независимо от сезона, есть только я и небо, и задумки мебели ручной работы, сделанные из твердой древесины, такой как дикая вишня, манго, крупнолистный клен и гречкий орех. Со списком изделий для проектировки, дизайн которых мне оплатили клиенты для своих возведенных под заказ домов, — от лестниц до шкафов, и даже ванных, сооруженных из устойчивых и экзотических пород древесины, покрытых прозрачным лаком, — мой график производства расписан на ближайшие два года. Тем не менее, мне нужно время, чтобы немного расслабиться, именно для этого и существует родной город. Здесь я придумываю новые дизайны.

Но ничего из этого не осуществляется, не тогда, когда тишину вокруг меня заглушают вопли детей, идущих в детский сад по утрам, и крики моей старшей сестры на моего племянника, Диами, чтобы он собирался в школу. Нет, в этой поездке мне не видать тишины, мне просто нужно вернуться в свой грузовик, чтобы уехать во Флагстафф. Но я не могу, и не только из-за своего обещания Нане о том, что в этот раз я останусь дольше. Я устал, но так или иначе, я просто не могу бросить одну Харлоу Джеймс, не с пистолетом в ее доме и этой предсмертной запиской, которую она написала. Эти слова не дают мне покоя. *«Прости за то, что спасала всех остальных, в то время когда единственным, кого мне следовало спасать, был ты».*

Кого она не смогла спасти?

Но я не собираюсь стучаться ей в двери и задавать этот вопрос. Черт, нет, нет, если я не хочу получить еще одну вмятину от ее проклятого пальца на своей груди. Так что последние два дня я зависаю с братьями Виллер, Тодом и Сойером, которые живут по соседству. Какое-то время мы играем в видеоигры, и всякий раз, когда у меня есть возможность, не будучи слишком очевидным, я смотрю в сторону «Жемчужины», чтобы убедиться, что Харлоу все еще была жива. А она была.

Забавно, что чувство вины делает с человеком. Харлоу позвонила Нане, чтобы сообщить ей, что приезжал какой-то парень с договором об аренде, в котором было что-то на счет каких-то обстоятельств, из-за которых она должна была разделить проживание в «Жемчужине» с ним. И тогда Нана перестала быть Анитой Анаей — женщиной, которая всегда следила за моей собственностью, когда я уезжал из города, и становилась моей сумасбродной бабулей. *Mi abuela* (прим. «моя бабушка» на исп.). Ей было не важно, что

мне стукнуло двадцать семь лет или то, что за последние два года я получил награду в сфере мебельного дизайна, я по-прежнему был просто ее внуком. В данном случае, я был внуком, который облажался.

«*Она бы могла подать на тебя в суд, сынок*, — успокоившись, сказала она. «*Иногда ты думаешь не своей смешленой головой, а чем-то другим, и, честно говоря...*»

Она смерила меня взглядом, который дал мне понять, чтобы я не умничал, после чего вздохнула, покачала головой и вернулась в кухню, где готовила тамалес (*прим. мексиканское блюдо, рулет с начинкой*). Но я уже знал, что она хотела сказать, особенно в это время года, когда все в доме казалось более пустым, чем когда-либо.

«*Ох, сынок, как же ты напоминаешь мне свою мать...*»

Но я рад, что она не сказала этого вслух, ведь ей было грустно вспоминать о Перл* Анае — Дрексел, дочери, которую она пять лет назад потеряла из-за рака (*прим. Pearl — жемчужина на англ.*). Черт, из-за этого мне тоже становится грустно. После того как она умерла, зачем бы еще мне нужно было зарываться в работу, переезжать во Флагстафф, чтобы проектировать мебель, а затем возвращаться обратно в Таос, чтобы собственными руками возводить экодом, который будет носить ее имя? Даже папа дал слабину, прилетев из Нью-Йорка, чтобы следить за производством и документами компании, пока я отсутствовал. Если бы не братья Виллеры, особенно Сойер, который вытащил меня умирающего и кричащего из ямы небытия, в которую я позволил себе упасть, и помог спроектировать и построить «Жемчужину», то я бы упился до смерти от своего горя.

Сегодня, пока я встречаюсь с братьями за пределами их экодома, разговаривая о том, чтобы установить больше солнечных панелей в «Жемчужине», я вижу, как Харлоу куда-то уезжает, оставляя облако пыли позади себя в исчезающем свете. Ей не стоит выезжать из дома в такое позднее время, даже, несмотря на то, что я установил солнечные батареи вдоль всей дороги, ведущей к «Жемчужине», но я не могу ввести комендантский час для своих жильцов.

Я благодарю братьев за то, что позволили мне пару часов позависать с ними, после чего забираюсь в свой грузовик. На самом деле, я думал о том, чтобы остаться в гостинице в течение следующих нескольких дней и сделать наброски новых проектов, но я знаю, что если я это сделаю, Нана на меня обидится. Она всегда с нетерпением ожидает моего визита, и, даже, когда я провожу несколько часов в «Жемчужине», делая наброски и работая над макетами своих последних разработок до тех пор, пока у меня не поплынет все перед глазами, я всегда могу рассчитывать на то, что она меня накормит. Она точно знает, что мне нравится, и у нее всегда наготове контейнеры с пищей, и если она может, то каждый вечер приглашает на ужин и кормит. Именно это Нана и делает с тех пор, как я приехал сюда, и мне нужно дополнительное позаниматься в тренажерном зале, чтобы убедиться, что я не набрал ненужных килограммов.

Припаркованный на подъездной дорожке БМВ застает меня врасплох, когда я приезжаю, и мне нужно припарковаться поперек, чтобы убедиться, что это машина Харлоу. Нью-Йоркские номера — нет никаких сомнений, что это ее машина. Но какого черта она здесь делает?

Затем до меня доходит.

«*Нет. Нана. Только не это*».

На несколько минут я задерживаюсь на улице, мои руки спрятаны глубоко в карманах, пока я расхаживаю перед своим грузовиком, пиная гравий ботинками. Я чувствую запах еды и слышу голоса через запасной выход. Мне действительно нужно зайти внутрь, но от мысли, что я столкнусь с Харлоу после нашей первой встречи, у меня сводит желудок. Я должен извиниться за этот дурацкий трюк, несмотря на то, что я по-прежнему считаю, что у меня есть веские причины остаться там с ней. Разве тот пистолет и записку нельзя рассматривать как смягчающие обстоятельства для меня? Но ведь я никому не говорил об этом факте, поэтому это всего лишь мое слово против ее.

Затем мой желудок урчит, напоминая о том, что я голоден. Уверен, если бы он мог говорить, то, наверное, сказал бы мне, что я жалкий трус, пока торчу здесь снаружи, когда уже должен быть внутри.

«Хорошо, приятель, ты совершил ошибку. Будь гребаным мужиком и признай это».

К тому же, мне очень хочется попробовать немного этого тушеного мяса с соусом чили.

— Ты забыл, да? — кричит, сидящая за столом Сара в тот момент, когда я вхожу в двери, прежде чем повернуться, чтобы посмотреть на нашу бабушку. — Я же говорила, что он забыл. Он, наверняка, снова играл в видеоигры с братьями Виллер.

— И что, если играл? У меня отпуск, — бормочу я, когда занимаю единственное свободное место между Наной и парнем моей сестры, с которым они то сходятся, то расходятся, Бенни Тернером, отцом их восьмилетнего сына Диами. Бенни работает в Бюро по делам индейцев* в качестве специалиста по охране окружающей среды относительно климатических изменений, поскольку это влияет на племена индейцев в регионе (*прим. агентство Федерального правительства США*).

После раунда приветствий Нана наконец-то представляет меня нашей гостье, которая сидит прямо напротив меня, между Сарой и Диами.

— Здравствуйте, Дэкс, — произносит Харлоу, пока я бормочу что-то похожее на «Привет». — Рада снова вас видеть.

На ней розовый топ, который выгодно подчеркивает ее достоинства — безупречную кожу, дерзкий носик, большие красивые карие глаза и полные губы, которые она только что облизнула, а когда мои глаза опускаются ниже, мой взгляд приковывает ее идеальные сиськи. «Сосредоточься, Дэкс. Посмотри вверх».

— О, так вы уже встречались? — спрашивает Бенни, когда я перевожу взгляд от сисек Харлоу к ее лицу и ловлю взглядом ее большие карие глаза.

«Боже, она красотка».

— Да, встречались, — говорит Харлоу. — Два дня назад Дэкс приходил поздороваться.

— Правда? Так мило с его стороны, — говорит Сара, улыбаясь, когда игнорирует мою гримасу, и я знаю, что она собирается весь ужин меня терроризировать, и ничего не могу с этим поделать.

Не перед гостями.

— Перестань, Сара, — произносит Нана. — Почему бы нам не произнести молитву и не поужинать, пока Диами не стащил очередной кусочек жареного хлеба, думая, что никто не видит.

— Ребята, вам не нужно было ждать меня, — виновато говорю я, как только Нана заканчивает произносить молитву и начинает наполнять тарелки рагу, передавая каждую Саре, чтобы она всем разнесла.

— И с каких пор ты выключаешь телефон, сынок? — спрашивает бабушка, протягивая мне миску с рагу. — Мы целый час пытались с тобой связаться, чтобы напомнить тебе, чтобы ты был здесь, до того, как приедет наша гостья.

Я достаю из заднего кармана свой телефон и кладу его на стол.

— Выключать телефон? Зачем бы я выключал телефон? — я замолкаю, замечая, что он выключен. — Вот дермо.

— Не ругайся за столом, и тебе известны мои правила о телефонах во время ужина. Спрячьте все, — говорит Нана, пока я возвращаю телефон в свой задний карман, как и Бенни, делающий это с виноватым выражением на лице.

— Так, ты работал в «Жемчужине»? — спрашивает Бенни, в то время как Харлоу берет теплую тортилью с подноса с закусками перед ней. — Хочешь пива?

— Конечно, — отвечаю я, когда он открывает одну банку и протягивает мне. — Нет, сейчас она сдана в аренду, если ты не знал.

Бенни качает головой.

— Нет, не знал. Я думал, что ты всегда останавливаешься в «Жемчужине», когда приезжаешь в город.

— Не сейчас, — нараспев говорит Сара, ухмыляясь Харлоу, и не обращая внимания на то, как я стреляю в нее взглядом.

— К сожалению, сейчас ее арендую я, — наконец-то произносит Харлоу, и я молюсь, чтобы она ничего не упоминала на счет моего маленького визита.

Я продолжаю есть рагу, откусывая тортилью, которую подготовила Нана. Не могу дождаться, чтобы попробовать свежеприготовленный хлеб на десерт.

— Я не думала, что Дэкс использует ее для работы. Если бы я знала...

— ...ты все равно, как и планировалось, осталась бы там, — говорит Нана, после чего пристально смотрит на меня. — И ты не можешь позволить моему внуку себя запугать, чтобы съехать раньше.

— Дэкс? Запугивал тебя, чтобы ты уехала? Скажешь, что это не так? — дразнит Сара, наблюдая, как я нервничаю, после чего отворачивается, чтобы взглянуть на Харлоу.

— Это правда?

Я запихиваю в рот тортилью и притворяюсь, что не слышу, о чем они говорят. Сара на восемь лет старше меня, и в детстве она всегда любила подразнить меня. Она знает, как я это не выношу, и поэтому делает это при каждой нашей встрече. Если я буду обращать на нее внимание, она будет продолжать, но я не позволю ей заставить себя молчать, даже если у меня забит рот.

— Я ни ко-о нэ жаста-ял уезжать.

— Сынок, с полным ртом не разговаривай, — говорит Нана, пока Бенни тихо посмеивается.

— Ага, с полным ртом не разговаривай, дядя Дэкс, — встревает Диами, тогда Бенни поднимает бровь на реплику сына.

— Ладно, я извиняюсь, — выпаливаю я, когда за столом внезапно становится тихо.

Я знаю, что они наблюдают за мной, пока я делаю глубокий вдох и смотрю на Харлоу. Уверен, Нана не случайно посадила меня напротив нее.

— Простите, что приехал тогда, доктор Джеймс, но клянусь, я не пытался заставить вас съехать раньше.

— Зови меня Харлоу, — улыбаясь, произносит она, после чего смеряет меня взглядом. — Так зачем ты приезжал?

Я открываю рот, чтобы ответить, но останавливаю себя. Упоминание о предсмертной записке и пистолете только подскажет ей то, что я был там в ту ночь, а это последнее, что мне хотелось, чтобы кто-нибудь знал.

— Разве теперь это имеет значение? У меня сбылся график, вот и все, именно поэтому я сейчас прошу у вас прощения. И меня не волнует: простите ли вы меня или нет, но я извиняюсь.

— Разве ты не хранишь там свои вещи? — спрашивает Сара. — Почему бы тебе просто не забрать их и не поработать здесь?

Я пожимаю плечами.

— Все в порядке. Я завтра отправлюсь во Флагстафф, а через две недели вернусь. Так будет легче всем.

— ТЫ УЕЗЖАЕШЬ?

Этот хор голосов застает меня врасплох, одновременно с тем, как я замечаю боль на лице Наны. Я вижу, как она смотрит на меня, а затем на Харлоу, как раз когда я отворачиваюсь.

— Но ты не можешь уехать! Ты только что вернулся, дядя Дэкс! — восклицает Диами. — Пожалуйста, останься! Мне еще нужно обыграть тебя в «Minecraft» (*прим. компьютерная игра*).

На самом деле я не планирую уезжать, но впервые, люди за этим столом берут надо мной верх, и я ненавижу это. Но это не их вина. Конечно, я могу выглядеть легкой

мишенью для своей сестры, но это же всего лишь Сара, медсестра, которая видит столько смертей, что должна как-то сбалансировать всю эту печаль, иначе она сойдет с ума. Это одна из причин, почему я с нетерпением жду приезда домой, потому что когда в доме нет гостей, я тоже даю ей хороший отпор.

Нет, это не из-за них. Я нервничаю из-за женщины, которая сидит напротив меня. От нее у меня даже бабочки в животе, и сейчас меня это не радует. Она — красивая женщина, и так далека от моей лиги, но я не в состоянии перестать думать о ней, с тех пор как увидел впервые, когда она лежала на моей кровати в ту ночь. Это даже не из-за того долбанного пистолета или записки; видимо она передумала себя убивать, и теперь она здесь, наслаждается стряпней моей бабушки.

Нет, дело во мне и моем чертовом «рыцаре в сияющих доспехах», желающем спасти каждую чертову девицу из беды, вот, что я чувствую у себя в крови.

С Харлоу Джеймс и ее долбанными сиськами, я буду тем, кому понадобится спасение.

Глава 7

Харлоу

— Дэкс сказал мне, что ты — доктор, — говорит Бенни, когда убирает пустую бутылку пива, стоящую передо мной, и заменяет ее другой, холодной, прямо из холодильника.

Это уже вторая бутылка, и я говорю себе, что она последняя, или я не смогу уехать домой, особенно когда мне в темноте нужно пересечь мост Рио-Гранде-Гордж-Бридж, а я всегда боюсь, что свалюсь с него.

Слава Богу, я настолько боюсь высоты, что в ту ночь мне даже в голову не пришло, что было бы гораздо легче свести счеты с жизнью, прыгнув с него. Но я отгоняю эту мысль прочь, пока смотрю на окружающую меня семью, спорящую и игравшую подшучивающую друг над другом; не могу перестать думать о том, что пропустила бы все это, если бы тогда покончила жизнь самоубийством.

К тому же, мне бы не удалось посидеть за самым красивым столом, который я когда-либо видела — неровным, словно вырезанным прямо из дерева. В нем нет никаких резких линий. Наоборот, он изящный и обтекаемый. А там, где имеется раскол, который расширяется к другому концу, крепятся две больших шпонки «бабочка», с выемкой, которая наполнена белой галькой и камешками различной формы. Покрытие смолой, для полной защиты стола, создает впечатление речного русла. Он должен стоять в выставочном зале Нью-Йорка, а не в столовой у Аниты.

— Да, — отвечаю я, прочищая горло, когда Бенни встает, чтобы взять еще пива для Сары.

Если не считать Дэкса, мы уже практически закончили ужинать, и после непринужденного разговора о том, как все остальные провели день, по-видимому, настало моя очередь.

— Какой вы доктор? — спрашивает Диами.

— Я — хирург. Специализируюсь на трансплантации почек у детей.

— Это как уролог? — спрашивает Бенни. — Который постоянно проверяет вашу простату?

— Что такое простата? — задает вопрос Диами.

— Нет, думаю, она, определенно, сказала «хирург». И что-то на счет пересадки почек. Типа нефроны и все такое, — говорит Дэкс (*прим. нефрон — структурно-функциональная единица почки*).

Под столом происходит какое-то движение, и я подозреваю, что Сара просто пнула своего брата, после чего она говорит:

— Правда? А чем именно являются эти нефроны, Дэкс? Спорю, что ты не знаешь.

— Спорим на десять баксов, что знаю, — ухмыляясь, произносит он, когда протягивает ладонь своей сестре. — Я точно знаю, как пользоваться Гуглом. Я посмотрел.

Сара смеется.

— Да неужели? И почему кому-то взбрело в голову среди всех прочих вещей тут гуглить нефроны? У *кого-то* проблемы с почками?

Прежде чем лицо Дэкса полностью станет красным, вклиниваюсь я, чтобы спасти несчастного парня.

— Ну, уролог и нефролог — оба лечат проблемы с почками. Урологи могут делать хирургические операции, касающиеся почек и расстройств мочеиспускательных каналов, в то время как нефрологи обычно назначают нехирургическое лечение подобных проблем. Я — хирург, и моя специальность — педиатрическая трансплантация почек.

— Так, что именно делают... почки? — спрашивает Диами, когда я краем глаза вижу, как Дэкс пристально смотрит на Сару. — Я занимаюсь каратэ, и нам говорят не бить в область почек, которая находится вот здесь, — Диами тянется к боку.

— И это правильно. Вы не должны, — отвечаю я. — Почки очищают кровь. Они поглощают определенные вещества из нее, например, натрий и калий, но именно столько, сколько им нужно. Отфильтрованные из крови вещества, в конечном итоге, выходят с мочой. Но иногда, когда почки совсем не работают, вызывают меня, чтобы я заменила одну из них на донорскую.

Глаза Диами расширяются.

— Bay! Как в игре «Операция»!

— Да, но в «Операции» нет почек, — говорит Дэкс, после чего хмурится. — Стоп, или есть?

Хотя в возрасте Диами у меня никогда не было настольных игр, я помню, что видела ее, когда училась в университете. И нет, в той игре не было почек.

— Боюсь, что нет.

— Почему? — спрашивает Диами.

— Возможно, потому что ты можешь получить доступ к почке только со спины, — отвечаю я. — А ты знал, что тебе не нужны две почки, чтобы выжить? Достаточно одной здоровой, чтобы она работала за две.

— Что происходит, когда обе не работают? — спрашивает Диами. — Что тогда очищает кровь?

— Тогда человеку понадобится диализ — это когда кровь очищается аппаратом вместо почек. И надеюсь, пока нет осложнений, человек также будет стоять в списке на пересадку почки.

— И тогда приходишь ты, — ухмыляясь, произносит Бенни. — Это весьма впечатляет. Я про саму идею о том, настолько в наши дни продвинулась медицина. Уму непостижимо.

— Конечно, она продвинулась очень далеко. Технологические прорывы происходят ежедневно, но одно остается неизменным. Наши тела в значительной степени остаются такими же, — говорю я, замечая, насколько все стали серьезными.

Отлично. Я и мои превосходные навыки общения. Почему я не могу поговорить о чем-то другом, что не связано с медициной? Почему я должна быть таким ботаником?

— Так, если почки не работают, человек все равно может пописать? — хмуря брови, спрашивает Диами.

— Ну, если у людей не работают почки, тогда, скорее всего, они находятся на диализе, а если это так, тогда количество выделяющейся мочи у них уменьшается или, в некоторых случаях, пропадает совсем, — говорю я. — Но не пугай остальных. Это зависит от того, как долго они находятся на диализе и по каким причинам у них отказали почки.

— Ничего себе, — присвистывая, произносит Бенни. — Ты точно знаешь свое дело.

— Уверена, так и есть, особенно, если она пересаживает чьи-то почки кому-то другому, — посмеиваясь, говорит Анита. — И, если я когда-нибудь в итоге окажусь в такой ситуации, то я бы хотела, чтобы обо мне заботился кто-то вроде тебя.

На этот раз настала моя очередь краснеть.

— Спасибо, но я больше этим не занимаюсь, не в данный момент. Я... в отпуске.

Я жалею, что запнулась, но это произошло только потому, что Дэкс рассматривает меня.

— Что так? Я заметила твои номера на машине. Ты проехала весь путь от Нью-Йорка до Нью-Мексико, а это довольно далеко, — говорит Сара, когда я слышу потасовку под столом, пока Дэкс пристально смотрит на нее.

— Верно. Далеко, но это была прекрасная поездка. Все лучше, чем писать тридцать пятую страницу моей работы об отторжении ткани почек или о долгосрочной перспективе панкреатического аллотрансплантанта (*прим. трансплантат живой ткани или органа, пересаживаемый от донора реципиенту*), — говорю я, и на этот раз делаю глоток пива медленнее, надеясь, что кто-то что-нибудь скажет и уведет разговор от меня, или они все из-за меня уснут.

— Ты одна проехала такой путь из Нью-Йорка? — спрашивает Анита, когда я ставлю свое пиво на стол.

— Да, и это была забавная поездка. Я отлично провожу время.

— Насколько отлично? — спрашивает Дэкс.

То, как он смотрит на меня, привлекает мое внимание. Это пристальный взгляд, от которого я задаюсь вопросом, знает ли он что-то такое, чего не знаю я.

— Прости. Что ты сказал? — спрашиваю я.

— Насколько отлично ты так далеко от дома проводишь время? Тебе нравится в «Жемчужине»? — снова спрашивает он.

— Ты знаешь, что это он ее построил? — говорит Бенни, хотя я едва его слышу. — И все эти изделия из дерева, которые ты видишь — это все тонкая работа, удостоенная наград. Если бы это не было таким экстраординарным... и прочным, уверен, оно бы попало на станицы лучших архитектурных журналов.

— Я очень хорошо провожу время, — отвечаю я. — Спасибо, что спросил.

— Дэкс два года подряд получал высшие награды по деревообработке, хотя он слишком скромен, чтобы кому-то об этом рассказывать, — говорит Сара, и мне тоже ее едва слышно, пока Дэкс не сводит взгляда с моего лица. — А ты знаешь, что этот обеденный стол построен без применения гвоздей, или болтов, или еще чего-либо?

— Кажется, это называется шиповая вязка, — говорит Бенни, поворачиваясь, чтобы взглянуть на Дэкса. — Правильно, Дэкс?

— Тогда оставайся, сколько пожелаешь, — говорит Дэкс, его взгляд непоколебим, и я практически ощущаю себя под какими-то чарами.

А может это просто пиво крепче, чем я думала.

Я улыбаюсь.

— Спасибо, Дэкс. Так и планирую.

— Так, если человек не может больше пописать, он может использовать пенис для, ну типа, для своих грязных делишек? Понимаете, для секса?

Мы все выплевываем свое пиво, или что бы там еще ни было у каждого во рту, и смотрим на Диами. Сара и Бенни в недоумении уставились на него, пока Анита прикрывает свой рот, и трудно разобрать, от шока или от веселья. Дэкс, опираясь локтем на стол, прижимает кулак ко рту, борясь с желанием рассмеяться. Но лицо Диами остается серьезным. По крайней мере, он любознательный.

Я смотрю на Сару, а затем на Бенни, и надеюсь, что поступаю правильно.

— Могу я ответить на его вопрос?

— Пожалуйста, — произносит Сара, после чего снова замолкает, и под столом снова слышна какая-то возня.

Бенни просто кивает головой, делая глоток пива.

— Ответ — да, может. Потому что система, которая отвечает за мочеиспускание, и та, которая отвечает за создание детишек, — я делаю паузу, чтобы посмотреть на Сару и Бенни, на что они кивают головой, — совершенно не связаны. Они просто в определенной точке разделяют одно пространство. То, что кто-то больше не может помочиться, потому что их почки не работают, не означает, что они не могут, эм, заниматься сексом.

Диами открывает рот, чтобы еще что-нибудь спросить, когда Анита внезапно поднимается, громко опуская ноги на пол.

— Кто в настроении для мороженого? Думаю, сейчас мороженое не помешает, да?

И судя по тому, как все поднимают руки, думаю, что остальные тоже в настроении для мороженого.

Спустя час я уже выпила три бутылки пива, и даже не спорю с Дэксом, когда он говорит, что отвезет меня обратно в «Жемчужину». Он подгонит мою машину утром и попросит, чтобы один из братьев Виллеров его забрал.

— Почему кто-то должен за тобой заезжать, если завтра я могла бы отвезти тебя сама? — говорю я, когда он открывает для меня дверцу, и я сажусь на пассажирское место. — К тому времени у меня же уже будет машина.

Он пожимает плечами.

— Ладно.

А потом он закрывает дверцу, обходит машину и садится за руль. На крыльце стоят Анита, Сара и Бенни, наблюдая за всем и ухмыляясь. Я хотела, чтобы они вернулись в дом, но они настояли, чтобы проводить меня в паре с объятиями и поцелуями, словно мы одна семья. Мне интересно, ведут ли они себя так со всеми арендаторами, или только с теми, кого умудрился потревожить Дэкс.

Когда Дэкс поворачивает ключ в замке зажигания, я на прощание машу собравшейся на крыльце компании провожающих, смеясь при этом. Я несколько месяцев так много не улыбалась, поэтому мои щеки болят. А почему бы и нет? Они хорошенъко сегодня постарались, и мне понравилась каждая минута этого вечера.

После ужина и мороженого они бы позволили мне просто остаться там с ними, ничего не делая, но я этим не воспользовалась. Не могу ничего с собой поделать, но я рада и, одновременно, испытываю зависть. Рада тому, что они такие, какие есть, и между ними нет ни грамма отдаленности, но я также завидую, потому что мне хотелось бы чего-то похожего и в своей жизни, даже не смотря на подшучивания над бедным Дэксом, который мужественно это переносит, хотя подозреваю, что он получает от этого удовольствие. В отличие от Дэкса, в котором, по-видимому, все души не чают, жизнь приемного ребенка, чаще всего, если не всегда, упирается только в надежду и ничего больше.

У меня нет воспоминаний о счастливом общении за обеденным столом или о малейших усилиях членов семьи, чтобы это организовать. Ни игривых толчков под столом, чтобы привлечь внимание, ни посиделок в гостиной с включенным телевизором, хотя никто не смотрит, что там показывают, потому что все заняты общением друг с другом.

Я узнала, что мать Бенни относится к навахо (*прим. индейский народ*), а его отец был белым инженером, который жил и работал в Розуэлле (*прим. город на юго-западе США, штат Нью-Мексико, приобрел известность после инцидента в 1947, когда было замечено предполагаемое крушение неопознанного летающего объекта*). Бенни было шесть, когда его отец умер, и с тех пор он рос в резервации (*прим. индейская резервация*), или, как он говорит, «в резерве», со своей матерью и ее семьей.

Он познакомился с Сарой, когда они оба учились в Университете Нью-Мексико в Альбукерке, и с тех пор они вместе. Не понимаю, почему он временный ее парень, с которым они то сходятся, то расходятся, как она сначала мне представила Бенни перед ужином, но думаю, это меня не касается. Они все выглядят как одна большая семья, а

остальное не имеет значения. Тебе не нужно кольцо, чтобы доказать миру, как сильно ты кого-то любишь. Мой несчастный брак этому подтверждение.

Но есть еще кое-что, что я также узнала. Семьи — счастливые, как эта, в которой вырос Дэкс Дрексл — действительно существуют.

И я тоже хочу такую.

Глава 8

Дэкс

Во время поездки в «Жемчужину» Харлоу молчит, хотя я вижу, как она сжимает автомобильную ручку, когда мы едем по Гордж-Бридж. Я не могу ее осуждать. Даже в темноте здесь может быть страшно, зная, что вы пересекаете седьмой по высоте мост из списка самых высоких мостов Соединенных Штатов, и который находится на отметке в 565 футов (*прим. около 172 метров*) над рекой Рио-Гранде. И то, что помимо того, что он является самым популярным туристическим направлением, мост стал еще и самым популярным местом для самоубийц, ситуацию не улучшает.

Спустя пять минут я заезжаю на территорию экопоселений, фары грузовика с высоты освещают дорогу. Здесь, как в чистом поле, даже несмотря на то, что я вижу освещение ближайшего экодома, где живут братья Виллеры, и того экодома, что находится дальше, который сдается, в основном, один раз в год, и сейчас он свободен. Путь к «Жемчужине» освещен солнечными батареями, которые идут вдоль всей подъездной дорожки, вплоть до открытого патио с ямой для костра, которая идеально подходит для обжарки маршмеллоу. Мне хотелось, чтобы мой экодом выглядел как «Жемчужина» посреди открытого поля, и уверен, именно так и вышло.

Автономное проживание означает, что жители должны быть как можно более самодостаточными, именно поэтому для получения энергии я установил солнечные батареи (и нужно будет установить еще больше), выращиваю овощи и фруктовые деревья в крытом саду и построил резервуар с системой водной фильтрации. Но, так как прошлый год выдался довольно засушливым, и из-за того, что в «Жемчужине» жили группы по йоге и медитации, иногда нам приходилось привозить воду на машинах, стоимостью несколько центов за галлон. По крайней мере, всех, кто желает здесь жить, это учит тому, насколько важно самообеспечение.

Но хоть убей, я понятия не имею, что здесь делать такому городскому врачу как Харлоу Джеймс, когда она может остановиться в спа-комплексе города, где есть обслуживание номеров, бассейн с подогревом и сеансы массажа, не выходя из номера.

— Спасибо. Я очень благодарна за это, — говорит Харлоу, пока я паркую грузовик возле «Жемчужины» и выключаю двигатель.

— Без проблем.

— Хочешь зайти? — спрашивает она. — Сара говорила, что здесь твои инструменты, и я подумала...

— Я не собираюсь сейчас заниматься загрузкой своих инструментов.

— Все равно, заходи, — говорит она, кивая головой в сторону входной двери. — Все мне покажешь.

— Разве моя бабушка не провела экскурсию по дому?

— Провела, но я не сомневаюсь, что с мужчиной, который построил его, это будет иначе. Он красив, я уверена, ты очень им гордишься.

У меня пересохло в горле.

— Да. Но я практически не бываю здесь, и поэтому Нане пришло в голову, что мы могли бы сдавать его в аренду.

Она ничего не отвечает, пока наблюдает за мной. Затем она улыбается.

— Так покажи мне его, только если тебе не пора в кроватку, и ты уже должен возвращаться домой.

«Это вызов?»

— Нана может ругать меня за то, что я разговариваю с набитым ртом, но никто не может говорить мне, когда ложиться спать.

Харлоу открывает пассажирскую дверь, и я не могу перестать задаваться вопросом, что она замышляет. Она выпила три бутылки пива и, видимо, утратила бдительность.

— Ну, тогда, если есть желание, заходи.

— Может, ты мне еще руки заломишь, а? — шучу я, хотя и не упускаю игривый огонек в ее взгляде, и, боже, теперь я попал.

Она смеется.

— Неужели я так предсказуема? Считай, что это экскурсия с гидом.

Мне требуется около часа, чтобы провести для Харлоу индивидуальную экскурсию по «Жемчужине». Она задает мне столько вопросов, что мне нужно сдерживать себя, чтобы не утомить ее детальными рассказами о каждой минуте постройки — от заложения фундамента с установлением покрышек и пивных банок, пожертвованных братьями Виллер, до описания способа, как скреплены цветные бутылки в стене. Она внимательно слушает, пока я рассказываю об идее создания некоторых деталей мебели, например, о том, что столешница обеденного стола сделана из голландского вяза (мой первый крупный проект под руководством моего наставника), или о причине посадки крытого сада с овощами и фруктовыми деревьями, что совершенно не связано с подготовкой к нашествию зомби. Мы даже собираем немного фруктов и овощей, заполняя корзину, которую Харлоу принесла из кухни, до того, как я показываю ей то, что Сара шутливо называет «тайной комнатой Синей Бороды», за исключением наличия мертвых бывших жен, спрятанных внутри.

Вместо этого, все, что скрывается за единственной запертой дверью в «Жемчужине», — моя мужская берлога, только без телевизора с большим экраном или мини-бара. Просто чертежный стол и прочный вишневый фрезерный стол, где мне удается проектировать и создавать детали, хотя, когда я здесь, это просто отмеренные куски древесины. В дальнем конце есть простая полка, где я храню бруски дерева для резьбы, но сейчас полки, в основном, пустые, единственное, что осталось, это одно из моих первых творений — небольшая панель для шкафа, созданная без применения гвоздей или клея. Самая стойкая мужская берлога Дэksа также является самой прохладной частью «Жемчужины» в жаркие деньки, так как с трех сторон погружена в почву. Двери с южной стороны выходят на остальную часть резиденции, и это идеально в те дни, когда я здесь один.

В то время как в моде компьютерные программы и 3D принтеры, я по-прежнему для создания своих деталей использую ручные инструменты, начиная с сумисаши (бамбуковая ручка) и чернильницы с отбивочным шнуром под названием сумицубо. Это последнее, чего ожидают люди, знакомясь со мной, ведь на первый взгляд, я просто очередной паренек из Нью-Мексико, который знаком с японскими терминами так же хорошо, как и с древним искусством японских столярных изделий. Я даже свободно разговариваю на этом языке, благодаря американским плотникам из Японии, которые работают со мной во Флагстаффе и Нью-Йорке. Я пять лет был учеником Такеши-сан, известного японского мастера, который пятнадцать лет назад переехал в Санта Фе (*прим. администраций центр штата Нью-Мексико, США*). Под его руководством я научился всему, что только можно, в японской столярной работе, или сашимоно, прежде чем он умер от рака легких четыре года назад (*прим. сашимоно — японская технология невидимых соединений деревянных деталей*). В отличие от Харлоу и ее многолетней учебы в медицинском университете, я никогда не учился в университете; диплом о среднем образовании — это все, что мне удалось получить, это и то, что я узнал от Такеши-сана. Но, с другой стороны, никто из моих клиентов не требует от меня

специализированного образования, чтобы создать для них шкафчик или обеденный стол, в отличие от пациентов, которые приходят к Харлоу, нуждающиеся в почке.

Но, когда мы заходим в мое святилище, мы не говорим о медицине или сашимоно. Мы вообще ничего не говорим. Конечно, я мог бы рассказать Харлоу о столярной работе, но я этого не делаю, не в тот момент, пока наблюдаю, как она в восхищении ходит по комнате, что дает мне возможность понять больше, чем можно выразить словами. В том, как она ко всему прикасается, видно благоговение, и оно ощущается даже в том, как она изучает оставленные на столе чертежи невообразимых лестниц, которые получили награды, и ванн, сделанных из древесины. Теперь они все закончены, а чертежи просто напоминают о моем последнем мозговом штурме здесь.

Она делает глубокий вдох, когда проводит пальцами вдоль небольшой деревянной полки, закрыв глаза, пока вдыхает аромат местных и экзотических пород древесины, которые до сих пор остаются в комнате с того времени, как я здесь был в последний раз три месяца назад.

— Обожаю запах дерева и земли. В Нью-Йорке, не часто такое ощущаешь, хоть там и есть Центральный парк. Но даже там полно народу, — говорит она. — Но здесь, в «Жемчужине», возвращаешься к истокам, особенно в этой комнате. Почти как... в утробе матери. Место, где рождаются идеи.

— Спасибо. И, да, здесь возвращаешься к истокам. Поэтому она и была построена.

Она задумчиво улыбается.

— С твоей семьей тоже возвращаешься к истокам. Они любят тебя.

— Любят, точно так же, как и дразнить меня любят, — говорю я, интересуясь, к чему она клонит.

За своей улыбкой я скрываю борьбу. Часть меня отчаянно желает сократить дистанцию между нами и ощутить ее в своих объятиях, пока я целую ее, в то время как другая часть приказывает мне вести себя прилично. Но с самого ужина Харлоу не дает мне покоя, и теперь, когда мы одни в единственном месте, где я чувствую себя в полной безопасности, все становится еще хуже. Раньше, кроме моей семьи ни одна женщина сюда не ступала, даже когда «Жемчужина» была арендована. Здесь всегда заперто до тех пор, пока я не приезжаю в город. Да, точно как комната Синей Броды.

Если я не могу держать ее в своих объятиях и целовать, то я мог бы находиться достаточно близко, чтобы утонуть в ее больших карих глазах, а после извиниться перед Наной и сказать ей, что завтра возвращаюсь во Флагстафф. Мне просто нужно вернуться в Таос после того, как Харлоу уедет. Это бабушку не обрадует, так же, как сотрудников — возвращение их ворчливого босса-перфекциониста. Но, в данный момент, у меня нет другого выхода.

— Я просто думаю о том, что ты сказал за ужином... — тихо начинает она, когда я останавливаюсь напротив нее.

— Да?

— Если тебе нужно здесь поработать, — произносит Харлоу, оглядывая комнату, — тогда, тебе, определенно, стоит это сделать.

— Тебе не нужно...

— Я настаиваю. «Жемчужина» более шести тысяч квадратных футов, так? Она явно слишком велика для одного человека, и если тебе нужно просто здесь поработать, ты можешь сделать это, пока я буду в другой части дома, не доставляя мне неудобств.

— Я не могу.

— Подумай об этом, — говорит она, пожимая плечами. — Разве в этом доме не вмещается до шести человек? Я ведь просто арендую это место, а тебе не зачем уезжать обратно во Флагстафф просто потому, что я здесь. Также здесь есть овощи и кумкват (прим. Кумкват, также фортунелла, или кинкан — группа видов растений семейства Рутовые (*Rutaceae*), включаемых в род *Цитрус* в его широком понимании), которые нужно собрать. Я не смогу все это сделать сама.

Я усмехаюсь.

— Так, значит, тебе нужен батрак.

— Нет, мне нужна компания, и, даже, когда я соберу все помидоры, чеснок, баклажаны и все остальное, что растет в саду, какой интерес в еде в одиночку? Даже, если я вырву все овощи Аниты, и все, что там еще растет... — она делает паузу, пожимая плечами. — Без разницы. Я просто снова все посажу обратно, чтобы ты мог остаться здесь, если захочешь.

— Но я думал, что ты приехала сюда, чтобы побывать в одиночестве, — не могу перестать думать о ее пистолете и записке.

— Ну и что? Скажем так, я передумала. Ты не должен меня развлекать, как и я тебя. Но если тебе нужно место, чтобы проектировать такие великолепные столы, как тот, что стоит у твоей бабушки, или что бы ты тут еще не создавал, тогда — пожалуйста. Не позволяй мне тебе помешать.

— Три дня назад ты так не думала.

Она скрещивает руки на груди и выгибает левую бровь.

— Три дня назад ты заставил меня поверить в то, что ты — курьер, которого прислали, чтобы я подписала юридические документы, которые я не собиралась подписывать. К тому же, ты попытался уговорить меня подписать измененный договор об аренде.

— Я же сказал, что сожалею об этом.

— Знаю, — Харлоу делает глубокий вдох и пожимает плечами. — Как я уже сказала, подумай об этом. Ты не должен отвечать мне прямо сейчас. Я знаю, что ты планировал вернуться во Флагстафф, но мне было бы не по себе, если бы ты уехал из-за меня.

«Из-за тебя», — едва не говорю я, ведь делить пространство с женщиной, от которой у тебя как сумасшедшие порхают бабочки в животе, ну, тоже сумасшествие.

— Если я соглашусь на это, то буду настаивать на возмещении тебе всей оплаты.

— А я буду настаивать, чтобы ты этого не делал, — говорит она, качая головой. — Ты здесь просто будешь использовать эту комнату, и возможно, некоторые части общего пространства, и не более. Так что просто привези завтра свой исправленный договор об аренде, в котором говорится, что я согласна разделить «Жемчужину» с тобой, Дэксом Дрекселем, в целях работы и ничего более.

Я хмурюсь.

— Ты имеешь в виду, никаких безумных вечеринок?

Она качает головой.

— Не-а.

— Вы ставите жесткие условия, доктор Джеймс.

— Харлоу.

— Хорошо, Харлоу, — говорю я, выходя из рабочего пространства и ожидая, пока она последует за мной, после чего я закрываю двери и запираю их на ключ.

— Я подумаю.

— Ты всегда можешь отказаться, Дэкс.

От того, как она произносит мое имя, у меня пробегают мурашки по спине, но я приказываю себе держать себя в руках. Я позволяю себе оглянуться, пока она идет за мной к входной двери и наблюдает, как я направляюсь к своему грузовику. Я открываю дверь и останавливаюсь, сердце громко стучит у меня в груди.

— Спасибо, что сегодня подвез меня, Дэкс, и за экскурсию, — произносит она, когда прислоняется к дверному косяку, наблюдая за мной.

— В любое время, — отвечаю я, часть меня не хочет вот так сразу садиться за руль.

— Я как можно раньше завезу твою машину завтра утром.

— Не торопись.

Я двигаюсь, чтобы сесть в машину.

«Сейчас или никогда, приятель».

— Харлоу, ты когда-нибудь была в Национальном парке Бандельера (*прим. археологический парк в штате Нью-Мексико, где находятся руины поселения древних индейцев?*)? Или в Лос-Аламос?

Ее глаза расширяются.

— Одно из скальных поселений?

— Ага.

— Нет, не была. Но я планировала на следующей неделе туда отправиться. Я как раз сегодня утром искала в интернете как туда добраться.

— Хочешь съездить со мной завтра? — спрашиваю я. — Можем полюбоваться видом и насладиться историей. Просто поездка на день, а к вечеру вернемся.

Со своего места мне видно, как у нее загораются глаза.

— С удовольствием!

— Нам нужно добраться туда пораньше, чтобы избежать народа и жары, — говорю я. — Так что, к шести тебе нужно быть готовой.

— Я буду готова, — улыбаясь, отвечает Харлоу, и мне нужно перевести дыхание.

Хорошенькая доктор еще краше, когда улыбается.

— Тогда в шесть, — говорю я, пока заставляю себя усесться за руль и закрыть дверь.

Затем я завожу грузовик как можно непринужденней, даже несмотря на то, что глубоко внутри я кричу как незрелый мальчишка, который собирается пойти на свое первое свидание с самой популярной девчонкой в школе.

Глава 9

Харлоу

Подумать только! Не могу поверить, что я флиртовала!

Хуже того, я флиртовала с мужчиной, который слишком молод для меня. Не могу точно объяснить, почему я так себя вела, не могу найти логическое объяснение для хирурга внутри себя, кроме того, что во всем был виноват его одеколон и то, что он пах мужчиной, если можно так сказать. Это не запах пота, как у человека, который только что вернулся из спортзала, нет, это просто его личный аромат, видимо, феромоны, и он такой приятный, что мой желудок сделал сальто, пока я сидела на пассажирском сидении его грузовика, и мне пришлось сжать свои бедра и схватиться за ручку двери.

Как мужчина может так на меня влиять, даже не касаясь меня? Он думал о чем-то своем, пока вез меня, сидящую возле него и представляющую его на себе, занимающегося со мной любовью. Нет, не занимающегося любовью. *Трахающего меня*. О, Боже, я даже употребила слово *трахать*. За одну неделю я не только показала средний палец, но и стала употреблять слова, которых раньше никогда не использовала. Неужели я в таком отчаянии, что готова заняться сексом с первым мужиком, появиввшимся у меня на горизонте, и уже веду себя как настоящая шлюха?

Что еще хуже, так это то, что я попросила его еще раз провести для меня экскурсию по «Жемчужине», после чего сказала ему, что при желании он может остаться! Конечно, я имела в виду днем, но это все равно будет означать, что я разделяю то, что было задумано как мое убежище, с кем-то другим!

Я достаю из сумочки свой телефон и пролистываю имена в своем списке контактов. Мне хочется с кем-нибудь поговорить, все равно с кем, на счет того, что происходит. Мне хочется кричать о том, что я только что флиртовала с Дэксом Дрекселем. Даже его имя источает секс.

Я могла бы позвонить Диане или, может, Барбаре — обе были моими подругами, с которыми я зависала в загородном клубе. Но, когда я собираюсь набрать Барбару, останавливаю себя. Они обе также дружат с Джейфом, что означает, если я хоть словом обмолвлюсь о своих последних событиях здесь, это дойдет до Джейфа, и единственное,

чего мне сейчас не хватает, так это того, чтобы Джейф узнал, что я так сильно нуждаюсь в мужчине, что готова наброситься на первого встречного.

Меня не смущает то, что я знаю, что нравлюсь Дэксу. Я почувствовала это еще при первой встрече, хотя, то, что у мужчины появляется эрекция, когда вы падаете, и он оказывается на тебе, не означает, что ты ему нравишься. Тем более в случае Дэкса, так как я позволила своему взгляду тогда пройтись по его джинсам, пока он не видел, и, божечки, он действительно был не промах.

Я делаю глубокий вдох и сажусь на диван с видом на сад, после чего закрываю лицо руками. Мне не верится, что я вообще предлагала ему собирать овощи! О чём я думала? Могла ли я быть еще более очевидной?

Пару минут я сижу в тишине, усмиряя свое дыхание. Но, даже когда мои нервы приходят в норму, есть кое-что, что до сих пор далеко от нормы, и это ужасно меня разочаровывает. Не впервые я ловлю себя на мысли, что лучше бы я остановилась в спа-отеле со всеми удобствами, включая тренажерный зал. К этому времени я бы уже тренировалась и подавила бы свое беспокойство за час на беговой дорожке или орбитреке, даже если мои мечты будут оставлять желать лучшего (*прим. Орбитрек — это эллиптический тренажер, он предназначен для кардиотренировок, в этом устройстве совмещены функции беговой дорожки и степ-тренажера*).

«Вот, что происходит, дорогуша, когда у тебя целый год нет секса, черт, почти два!» Джейф не притрагивался ко мне с тех пор, как мы начали последний цикл процедур ЭКО, после чего я забеременела Маркусом. В ЭКО нет ничего романтического, не тогда, когда тебя пичкают препаратами, чтобы извлечь яйцеклетки после цикла инъекций гормонотерапии, и идеальное соединение яйцеклетки и сперматозоида проводится в лаборатории. После овуляции эмбрион имплантируют в матку, а затем начинается период ожидания. Только в этот раз мое ожидание закончилось рождением мертвого ребенка, даже после всех приложенных усилий. Несмотря на прекрасного Маркуса, горизонтальный шрам выше лобковой кости — это грустное напоминание о том, что я подвела его.

«Избавься от этих мыслей, Харлоу! Ты же обещала себе двигаться дальше».

Я встаю и пару минут разминаю ноги, перед тем как наконец-то решиться пойти в кровать. Пиво расслабило меня, и хотя я могла бы с легкостью винить его за свое поведение с Дэксом, я больше не могу обманывать саму себя.

До сегодняшнего вечера я всегда была Харлоу Джеймс, доктором медицинских наук, заместителем главы трансплантационной хирургии. Эта роль распространилась и на мою личную жизнь, как жены главы трансплантационной хирургии, и у меня не было других друзей, кроме людей, с которыми мы оба работали. Даже бригада врачей, которая была рядом со мной во время родов Маркуса, были теми же людьми, которым я отдавала приказы, и впоследствии которым я не могла смотреть в глаза, зная, что они видели меня, когда я была в наиболее уязвимом состоянии, и даже Джейф не смог оставаться со мной тогда и ушел из родильной палаты.

Но в день, когда я встретила Дэкса Дрексела, что-то произошло. С того момента, как мы в первый день встречи упали на землю и когда вновь встретились сегодня, и его семья отнеслась ко мне, как будто я была одной из них, я перестала быть доктором Харлоу Джеймс, вопреки тому, что рассказывала о функциях почек и диализе. Я была просто Харлоу Джеймс, просто женщиной. Несмотря на то, что сейчас эта женщина находится непонятно где и остро нуждается в вибраторе.

На следующее утро ровно в 5.45 приезжает Дэкс, довольный тем, что я уже готова к выходу. Я надела брюки цвета хаки и темно-розовый топ под легкую рубашку, и походные ботинки. Тот факт, что я взяла с собой походные ботинки в свое путешествие по стране, кажется, производит на него впечатление, но он не тратит время, чтобы сказать об этом. Он просто убеждается в том, что у нас есть все необходимое: солнцезащитные очки, широкополая шляпа для меня, и вода для нас обоих — и вот мы готовы в путь.

Он вручает мне термос с ужасно горячим черным кофе, контейнер с двумя отделениями и несколько пакетиков с сахаром в полиэтиленовой сумке для бутербродов.

— Мой любимый кофейный магазин открывается не раньше без пятнадцати семь, но у меня есть запасы их фирменной смеси, это их самая лучшая, — произносит он, когда вдыхает аромат и вздыхает.

Запах кофе наряду с пьянящим ароматом его одеколона в сочетании с мылом и водой, и сейчас я нахожусь в состоянии блаженства.

— Ты не должен был, — говорю я, когда Дэкс сбавляет скорость, съезжая на обочину дороги, чтобы я не пролила кофе на себя.

Он ждет, пока я наливаю кофе в кружку и добавляю сливки, прежде чем закрыть крышку. Как только он убеждается, что я не обожгусь напитком, мы снова возвращаемся на дорогу. Мне нравится, как он берет на себя ответственность, словно бойскаут. Всегда подготовлен.

— У меня еще есть буррито для завтрака, — говорит он, указывая на два холодильника за нашими сиденьями.

— Один тебе, другой мне.

Ладно, слишком подготовлен.

— Тебе не стоило, Дэкс.

— Я понял, что ты не вегетарианка, так как вчера вечером ела чили, но как ты относишься к чоризо (*прим. свиная колбаска из испанской и португальской кухни*)? Это один из любимых рецептов Наны — чоризо с яичницей, картошкой, сыром и зеленым чили.

— Только не говори, что Анита встала в такую рань, чтобы это приготовить.

— Она встает в пять утра в любую погоду. И всякий раз, когда я в городе, она готовит мои любимые блюда, так что не переживай, — говорит он, глядя на меня, прежде чем перевести внимание на дорогу. — Просто наслаждайтесь сменой обстановки, доктор Джеймс. Не заморачивайтесь.

— Я сейчас не на работе, так что прошу, называй меня Харлоу.

— Прости, — произносит он. — Итак, Харлоу, какую ты слушаешь музыку? У тебя есть выбор, а если тебе ничего не придется по вкусу, мы можем включить радио, хотя на каньоне может быть плохой сигнал.

Он вручает мне iPod Touch, заполненный различной музыкой: от техно, хауса, рока до классики. Есть даже кантри и фолк, если пожелаете. Не знаю, чего я ожидаю, но я не нахожу ни одного бойзбенда. Вместо этого, я улыбаюсь, когда вижу Джейми Тейлор и Джима Кроche, в том числе Sex Pistols, Eagles и Queen.

— Как на счет Eagles?

— Отлично, — говорит Дэкс, когда я нажимаю на «плэй», и из стереодинамиков начинает звучать музыка. Следующие пару минут я попиваю кофе, слушая, как Гленн Фрай говорит мне не волноваться, пока я любуюсь пейзажем перед собой (*прим. «Take It Easy» — песня группы Eagles; в переводе — не волнуйся*). С посещением национального парка, расположенным к юго-западу от Таоса, путь займет не больше двух часов езды, но я не могу не быть благодарной судьбе за то, что он предложил мне поехать с ним. Я столько времени провела за рулем, что не припомню, когда отрывала взгляд от направлений и маршрутов и позволяла кому-то взять все это на себя. А сейчас, с Дэксом в роли водителя, взявшим на себя контроль, мне хорошо.

Мы доезжаем да Национального парка Бандельера меньше, чем за два часа. Когда мы заезжаем в каньон Фрихолес, Дэкс говорит, что несколько лет назад парк был закрыт для туристов, и что здесь неподалеку в охотничье домике жили военный персонал и учёные, работающие над проектом Манхэттен (*прим. кодовое название программы США по разработке ядерного оружия*). Он рассказывает, что когда он был маленьким, его мать часто привозила его сюда, и это был один из самых любимых походов для них. Она была

археологом, специализирующимся на керамических изделиях индейского народа Пуэбло, хотя она быстро это забросила, когда он начал ходить в школу.

— Меня нельзя было назвать послушным ребенком, — говорит он, гримасничая, пока паркует машину на стоянке. — Оказывается, я был дислексиком и поэтому отставал от остальных (*прим. дислексия — избирательное нарушение способности к чтению и письму*). Я часто дрался с детьми, которые дразнили меня. Именно тогда она и оставила свою работу, чтобы проводить больше времени со мной и устраивать однодневные путешествия после окончания учебы. Это было одно из самых любимых мест.

— Она, кажется, изумительная женщина.

Его кадык дергается, когда он сглатывает и кивает головой.

— Была.

Большую часть пути мы ехали молча, и если начинали говорить, то только о звучавшей песне и исполнителе, а иногда немного импровизировали пение в караоке — это делал он, не я, поскольку мой голос походил на бьющуюся в конвульсиях курицу, когда я попыталась запеть. Лед таял между нами, пока мы слушали песни моей молодости и подпевали им, по которым было еще более заметно, насколько я его старше. Но, в то же время, не было ничего схожего с силой музыки, которая могла заполнить этот разрыв, потому что он был знаком с репертуаром Джима Кроche, Джонни Кэша и песнями группы «Journey» так же хорошо, как и я.

После того, как мы собираем свой обед в рюкзак, который он настаивает нести, мы идем к Центру Посетителей по Маршруту Фрэя — скалистому пути по дороге к каньону. По пути он показывает некоторые достопримечательности, такие как каньон Тийони, древние поселения Анасази и жилища в пещерах.

В Центре Посетителей мы проходим выставку Бандальерского музея, где мне удается все узнать про парк и его историю. После этого, в лавке с сувенирами мы покупаем карту, там четыре брата и сестры увлеченно рассказывают о том, как они получили свои сертификаты Младших Смотрителей Парка, и к моему недоумению, Дэкс спрашивает Смотрителя Парка, могла бы и я получить такой, если мы преодолеем весь маршрут.

Он определенно прав на счет того, что нужно приезжать пораньше, потому что, когда мы продвигаемся к поселению древнего народа Пуэбло и дальше, к Церемониальной Пещере, куда можно добраться только по деревянной лестнице, воздух еще прохладный. Мы продолжаем двигаться по Водопадной тропе, которая, по словам Дэкса, приведет нас к Верхнему водопаду на каньоне Фрихолес. Он указывает на американский клен, дикие сливы, которыми питались Апачи (*прим. племена североамериканских индейцев*) и желтую сосну, которая на удивление пахнет ванилью.

— Разве «фрихолес» не означает бобы? — спрашиваю я, когда мы находим место в тени, чтобы присесть и перекусить.

Здесь также идеальный вид на Верхний водопад.

— Да, поэтому его называют Бобовый каньон, но честно говоря, думаю, каньон Фрихолес звучит намного лучше, — говорит он, поправляя кепку. — Меньше ассоциаций с выпусканением газов.

Я смеюсь.

— Согласна.

Во всем, что говорит и делает Дэкс столько юношеского энтузиазма, что это становится еще более очевидно в момент, когда он стягивает свою джинсовую рубашку и завязывает ее у себя на бедрах, и я ненавижу то, что не могу перестать на него таращиться. Белая майка, которую он надел, подчеркивает широкую загорелую грудь, которая сужается к узким бедрам, а также загорелые руки и бицепсы, и я молюсь, чтобы не начать перед ним выпускать слюни.

Когда он наклоняется ко мне, чтобы дотянуться до рюкзака, я делаю глубокий вдох. Снова этот его приятный аромат, который поражает меня прямо между бедер. «*Вот дерьмо, у меня проблемы*».

— Ты в порядке?

Я поднимаю глаза на него и вижу, как он смотрит на меня, нахмурив брови. «*Почему он до сих пор склоняется ко мне, если уже взял свой рюкзак?*» Я сжимаю бедра и выдыхаю.

— Конечно, в порядке. А что?

— Ты, вроде как, покраснела... — он делает паузу, после чего поднимает рюкзак, а потом снова садится рядом со мной.

А затем его глаза расширяются.

— Подожди, ты смущилась?

Конечно, неужели я еще не достаточно смущена.

— Нет, я не смущаюсь! Я... у меня, наверное, на что-то аллергия.

Дэкс побледнел.

— Вот, дермо, я даже не спросил, есть ли у тебя аллергия на сосны или на что-то другое! Есть?

Он роется в своем рюкзаке и достает ЭпиПен (*прим. препарат, содержащий адреналин для экстренной помощи при аллергической реакции*), тюбик с иголкой, которая появляется, только когда пользователь ткнет его в мышцу, предпочтительно в верхнюю часть бедра. Дэкс с тщетством держит его в руках, его палец наготове.

— Скажи мне когда!

— Нет! — вскрикиваю я, поднимая перед собой руки.

Замечательно. Последнее, чего мне не хватает, так это, чтобы какой-то восторженный парнишка всадил в меня адреналин у черта на куличках.

— Я в порядке, Дэкс! Правда, в порядке. У меня нет аллергии на сосны, или клен, или что тут еще находится.

«*Только на тебя*», — чуть не говорю я в шутку, хотя это была бы ложь, и он, скорее всего, это бы понял. Парень не глуп, но он так меня смешит, что, думаю, в итоге я расплачусь.

— Ты можешь убрать эту штуку, и мы просто спокойно перекусим? Пожалуйста?

Он настороженно смотрит на меня, после чего убирает ЭпиПен.

— Хорошо, но скажи мне, если почувствуешь какой-нибудь дискомфорт, ладно? Зуд, проблемы с дыханием, что-то в этом роде. Здесь также есть ядовитый плющ, — добавляет он, хмурясь. — Ты вообще знаешь, как выглядит ядовитый плющ?

— Я занимаюсь в тренажерном зале, Дэкс, а не в пустыне.

— Значит, нет?

Он ставит передо мной пластиковый контейнер Tupperware и снимает крышку. Это один из тех видов посуды, который я помню с тех времен, когда была еще ребенком, сейчас это считается ретро.

— В принципе, да, не знаю.

— Он трехлистный, для начала этого хватит. Но я покажу тебе, когда мы будем его проходить, — Дэкс дает мне металлическую вилку, аккуратно завернутую в тканевую салфетку. — Так как мы на каньоне Фрихолес, я подумал, что обычный рис и бобовый салат подойдут идеально. Не слишком тяжело и сытно. Красный винный соус, а также немного зеленого чили. А здесь чипсы.

Он ставит еще один контейнер между нами.

— Ты всегда так подготовлен? Я могла бы сама что-нибудь состряпать.

На самом деле, не могла, только если не считать оставшийся в холодильнике греческий салат.

— Это я пригласил тебя поехать вместе, Харлоу, так что тебе не нужно было ничего готовить. Ты — мой гость, — говорит Дэкс, когда ставит две бутылки воды между нами.

— Я всегда что-нибудь беру с собой, когда приезжаю сюда, а если нет, то Нана готовит для меня. Она знает, что я провожу эти однодневные вылазки для того, чтобы сбежать и восстановить силы. Это успокаивает.

— Это считается за побег? Даже, когда здесь я? — нахмурившись, спрашиваю я.

— Да, считается. Очень даже, — произносит Дэкс, прежде чем переводит взгляд на мой контейнер. — Теперь, кушайте, доктор Джеймс, потому что, когда мы закончим, я намерен заполучить для нас сертификат Младших Смотрителей Парка.

Глава 10

Дэкс

«Боюсь, я ее убил».

Меня должны были предупредить, что к Центру Посетителей нам придется возвращаться пешком, где к еще большему ее замешательству, я попросил Смотрителя Парка вручить ей сертификат Младшего Смотрителя Парка под фанфары, объявив об этом на весь магазин. И после покупки нескольких сувениров мы пошли обратно к машине. Но Харлоу вела себя как настоящий солдат, несмотря на то, что в данный момент, пока мы едем домой, она спит, лежа на пассажирском сиденье рядом со мной, она все равно как настоящий, но измученный солдат.

Дорога была не такой уж и долгой, но после того, как мы поднялись по лестнице, чтобы исследовать пещеры, и обошли Большую Киву, Тийони, Талус Хаус и Лонг Хаус (*прим. церемониальные пещеры и заповедники*), вместе с подъемом к водопадам путь выдался приличным. А для тех, кто привык работать только на беговой дорожке, настоящий подъем может стать катаргой для мышц, которые не привыкли к неровной поверхности. И, пока Харлоу утверждала, что ей такое под силу, на самом деле Харлоу Джеймс не привыкла к неровным подъемам под жарким солнцем в течение нескольких часов подряд. Если бы я не настаивал на том, чтобы она каждые два часа наносила солнцезащитный крем, сейчас бы она, наверное, уже была красной как вареный рак.

Когда я останавливаю грузовик на красный свет, женщина просыпается и садится прямо.

— Боже, мы быстро вернулись.

— Дорога не загружена, и я умираю от голода, так что я ехал настолько быстро, как мог, но скорость не превышал, — говорю я, когда загорается зеленый. — Готова пойти что-нибудь перекусить?

— Конечно, но на этот раз угощаю я, хорошо?

Я открываю рот, чтобы сказать: «*Нет, я хочу угостить тебя ужином*», но останавливаю себя. «Чувак, не спугни ее. Ты уже угостила ее завтраком и обедом. Ужин — это, пожалуй, слишком».

— Конечно.

Мы заходим в обычный итальянский ресторанчик посреди городской площади, где, я знаю, не будут возражать против наших пыльных и уставших задниц. Последнее, чего мне сейчас не хватает, так это дресс-кода, несмотря на то, что я успел накинуть на обратном пути рубашку поверх своей майки, прежде чем мы сели в грузовик.

Харлоу заказывает макароны пеннэ с колбаской и сыром рикотта, а я выбираю обычную сицилийскую пиццу с итальянской колбаской, ветчиной капикола и салами. Я не шутил, когда говорил ей, что умираю от голода.

Мне нравится, что когда Харлоу ест, она не фотографирует еду, чтобы выставить это в социальные сети. Не думаю, что я вообще видел, как она пользуется телефоном, кроме того, чтобы сделать пару фото во время нашего похода, но не более. Просто мы вдвоем, и мне это нравится.

— Так что делает доктор из Нью-Йорка в таком маленьком городишке, как Таос? — спрашиваю я, когда официантка уходит, спросив, не нужно ли нам что-нибудь еще.

— Мне хотелось посмотреть на мир за пределами больницы.

— Одной?

— А почему нет? — она делает глоток вина. — Это как в том фильме, «Тельма и Луиза», только без Тельмы.

— Так ты та, которая серьезная? Ее играла Сьюзан Сарандон, верно?

Она смеется.

— Да.

— Где-нибудь по пути встречала Бреда Питта?

Она хихикает.

— О, ты имеешь в виду того молодого парня, который похищает сердце Тельмы и все деньги? Нет, хотя в наши дни, что он мог бы украдь? Банковские карты, PIN коды... мой телефон? Времена изменились. Теперь никто не носит наличные.

Я задаюсь вопросом, не поэтому ли она взяла пистолет, ради защиты?

— Но ты заплатила наличными, чтобы арендовать «Жемчужину».

Харлоу пожимает плечами.

— Я только что вернулась из банка, так как мне нужна была кое-какая наличность, и я подумала, а почему бы и нет? Это беспокоит тебя?

— Нет, просто Нана с таким раньше не сталкивалась, но у тебя есть чек, так что это не имеет значения.

Черт, с пятью сотнями за ночь, аренда «Жемчужины» на три недели — это не дешево. Несмотря на то, что Нана дала Харлоу скидку, все равно получилась приличная сумма.

— Так куда еще планирует отправиться Луиза?

— Возможно в Калифорнию, не знаю, хотя мне нужно начинать думать о возвращении домой, — говорит она, пожимая плечами. — Я задержалась в Альбукерке, когда познакомилась с Андреа и встретилась с некоторыми из ее пациентов. Она руководит клиникой, где принимают без страховок, в Южной Долине, и ей нужно было мое мнение по поводу нескольких тяжелых случаев.

— Мой друг Гейб тоже состоит в медицинском сообществе, как и твоя знакомая. Как долго ты там пробыла?

— Где-то месяц, и мне понравилось. Когда она предложила отправиться в Санта-Фе, чтобы побывать на уличном рынке, именно тогда я села в машину и отправилась в путь. А из Санта-Фе, кто-то посоветовал, чтобы я поехала в Таос, и, может быть, если у меня останется время, в Четыре Угла, и я подумала: «Почему нет»? Четыре Угла — это точка, где сходятся границы четырех штатов: Колорадо, Юта, Аризона и Нью-Мексико. Вы буквально можете стоять прямо на пересечении четырех штатов.

— Это несложная пятичасовая дорога. Ты там была?

Харлоу качает головой.

— Я только планирую свой маршрут, хотя, возможно, мне не хватит времени. Сначала, я думала съездить туда, а уже потом посмотреть Гранд-Каньон, но, если честно, я очень устала сидеть за рулем. Я пять месяцев провела в дороге, минус тот месяц, который провела в Альбукерке. Поэтому я подумала, что на пару недель останусь в «Жемчужине» и буду бездельничать, обдумывая некоторые вопросы, а потом вернусь домой, — она делает паузу, усмехаясь. — Но ты можешь поверить? Вместо этого, я работаю, заканчивая свою научно-исследовательскую диссертацию, которую привезла с собой.

— Тем не менее, ты хочешь, чтобы я приехал к тебе поработать, — медленно говорю я. — Тебе не будет это мешать?

— Нет, но я думала, что мы уже это обсудили, Дэкс. В «Жемчужине» могут разместиться шесть человек. Там могут проводить сеансы медитации и занятия йогой. Ну, *небольшие* занятия йогой, — говорит она, прежде чем добавить. — Посмотрите на меня. Я словно делаю рекламу «Жемчужины», хотя владелец — ты. Ты всегда можешь отказаться.

— Я не говорил, что отказываюсь, — я несколько секунд смотрю на нее. — Ты вообще осматривала Таос с тех пор, как приехала, успела побывать за пределами Площади Таос?

Харлоу качает головой.

— Я приехала сюда всего пару дней назад и видела только магазины на Площади.

— Хочешь, могу показать тебе, куда ходят местные?

— Например, куда?

— Местные винодельни, пару местечек на Рио-Гранде, даже частные горячие источники, — ее глаза становятся ярче, и она наклоняется вперед, кладя локти на стол. — Это недалеко, и там даже есть наскальные рисунки, если знать, где искать.

— Не сомневаюсь, ты мне покажешь, где они, — говорит она, смеясь, прежде чем ее брови хмурятся. — Но не думаю, что я взяла с собой купальник.

— Тебе он и не нужен. Многие купаются голышом. Честное слово! Просто надень удобную одежду для похода, а когда у тебя будет настроение быстренько окунуться, мы придем на место, обещаю отвернуться и не смотреть. Как тебе?

— Где именно находятся эти горячие источники?

— Место называется «Горячие Источники Мэнбай». Если хочешь, погугли, но это забавное место для посещения местными. Ничего грандиозного. Оно названо в честь одного англичанина, Артура Мэнбая, который купил участки земель в Таосе, в том числе источники. Он полагал, что заработает на этом деньги, поэтому соорудил эту большую купальню, но все закончилось тем, что позже он потерял землю, когда не смог заплатить кредиторам. К тому же, были сомнения на счет того, купил ли он эти земли на законном основании, и поэтому после его смерти, земля вернулась во владения Таоса, и мы, Таосеньос (*прим. досл. с исп. — таосцы, жители Таоса*), зависаем там бесплатно.

— Таосеньос, — бормочет Харлоу. — Так вы себя называете?

— Многие, точно так же, как вы зовете себя Нью-Йоркцами.

— К черту Нью-Йорк. Сейчас называй меня таосеньо, потому что я обожаю этот город, — говорит она, и звук ее смеха ударяет меня в солнечное сплетение. «Дерьмо, что, черт побери, со мной творится?»

— Так что, да или нет? Мы могли бы начать завтра, а на следующий день проехать немного дальше и посмотреть винодельню Вайвак. Они изготавливают свой собственный шоколад.

— Правда? — Харлоу закусывает нижнюю губу, и мне нужно сделать усилие, чтобы смотреть ей в глаза. — Тебе повезло, потому что я — любительница шоколада.

— Хорошо, любительница шоколада, ты со мной или нет? Мы можем взять два дня на горячие источники, а потом поехать на винодельню, но я не знаю, как у тебя с графиком.

— В течение следующих двух дней мой график в ваших руках, мистер Дрексел. Просто убедись, что это будет так же весело, как и сегодня, ладно?

Я ухмыляюсь, мой взгляд опускается на ее руки, которые лежат поверх моих. Когда Харлоу опускает свои стены, она становится тем типом людей, которые любят открыто проявлять свои чувства, и мне это нравится.

— Дэкс Дрексел к вашим услугам, доктор Джеймс. Обещаю, это будет весело.

— Откуда происходит твое имя? — спрашивает она.

Я усмехаюсь.

— «Авантюристы», когда-нибудь слышала?

Харлоу качает головой.

— Гарольд Роббинс. Он писал в конце шестидесятых... в начале семидесятых, кажется, и был известен своими довольно никудышными романами, но мама, очевидно, так не считала. Она назвала меня в честь главного героя. Диогенес Александро Ксенос, или сокращенно Дэкс.

— Тебе идет, Дэкс. Одновременно опасно и весело.

В этот момент ее телефон издает звуковой сигнал, она хмурит брови, отстраняясь от меня и доставая свой мобильный из кармана джинсов. Когда она видит имя на дисплее, то хмурится еще сильнее.

— Прости, но я должна ответить, — говорит она, пока печатает и встает из-за стола.

Когда Харлоу проходит к открытому патио, я подаю знак, чтобы принесли счет, забывая о том, что она хотела заплатить за ужин сама. Но без вариантов, чтобы я позволил человеку, который только что отдал семь штук за аренду, еще и платить за ужин. Тем не менее, я понимаю, что не могу сейчас мыслить здраво, как я смог вспомнить такие детали, когда меня как ураган сшибает ревность?

«Это ее бывший парень? Нынешний? Тот, кому она написала записку? Муж? Бывший муж?»

Вернувшись, она пристально смотрит на меня, пока я подписываю счет.

— В следующий раз можешь заплатить ты, — говорю я, в то время как виновато отдаю кредитку официантке.

По дороге к «Жемчужине» Харлоу молчит, ее мысли явно витают где-то далеко, пока она смотрит в окно, за которым сплошная темнота. Проведя с ней целый день и наслаждаясь каждой минутой, последнее, чего бы мне хотелось сейчас, так это расставаться с ней.

— Все в порядке? — спрашиваю я, заворачивая на территорию эко-поселений, дальний свет фар не освещает ничего, кроме полыни.

Даже в воздухе витает напряжение, словно телефонный звонок поглотил все счастье из ее жизни. Мне хочется ударить того, кто у нее это отнял, ну, и у меня.

— Все хорошо, — отвечает она, оборачиваясь ко мне и улыбаясь. — Большое спасибо за ужин и за весь день. Мне было очень весело. Думаю, завтра увидимся.

Я тянусь к руке Харлоу, которая лежит на краю ее сидения, и сжимаю ее.

— Да, увидимся. Может, в девять? Горячие источники покажутся блаженством, если у тебя сегодня крепатура (*прим. синдром отсроченной мышечной боли после интенсивной нагрузки*). Спасибо, что составила мне компанию, Харлоу. Это многое для меня значит, — говорю я, убирая свою руку, когда заворачиваю на ее подъездную дорожку и паркую машину.

Когда я провожаю Харлоу до двери, то думаю о том, что хотел бы держать ее за руку всю ночь. Черт, я бы хотел всю ночь не отпускать ее и заниматься с ней любовью. Харлоу Джеймс, смеющаяся на солнце, в своей розовой рубашке без рукавов и брюках цвета хаки так на меня влияет, что я даже не особо этому рад. У меня такое чувство, словно я на неизведанной территории, мой разум умоляет меня держаться от нее подальше, но мое сердце говорит: «*К черту все, я все равно это сделаю*».

Но сегодня ее что-то беспокоит, тот проклятый телефонный звонок, который прозвучал словно полуночный звон колоколов, и внезапно, все, что нас окружало, вся эта идеальная сказка исчезла, и мы вернулись к реальной жизни. Она — женщина, которая может от чего-то бежать, или от кого-то, и вот я — просто другой мужчина, желающий забраться ей под юбку.

Когда я возвращаюсь домой, Нана до сих пор не спит и смотрит один из своих любимых мексиканских сериалов, который она предварительно записала. Когда я вхожу, она поднимает голову и ставит сериал на паузу.

— Не нужно. Я только быстро в душ и потом сразу спать, — говорю я, чмокнув ее в щеку.

— Хорошо провел время с миссис Харлоу? — спрашивает она с понимающей улыбкой на лице.

— Да, и теперь она преданный поклонник *чоризо кон уевос и папас и фрихолес* по особому рецепту от Наны (*прим. пер. с исп. — чоризо с яшиницей, картошкой и фасолью/бобами*). Только то, как это произносится, показалось ей слишком сложным, но,

думаю, теперь она точно его запомнила. Завтра я отвезу ее на горячие источники, и, может, даже на винодельню.

Обычно я сажусь с Наной и смотрю ее сериалы, так же, как я делал это с мамой, но не сегодня. Я слишком нервный, чтобы сидеть, а от воспоминаний о том, что этим утром произносила Харлоу, когда смотрела на буррито, у меня в животе снова появляются бабочки.

«Снова за старое. Что происходит?»

— Во второй половине дня мне звонил один адвокат, — говорит она, и я, нахмурившись, сажусь напротив нее.

— Кто-то подал на меня в суд?

— Нет, он звонил не из-за тебя, сынок. Он искал Харлоу. Он хотел узнать, как проехать к «Жемчужине». Что-то на счет бумаг, которые нужно подписать, юридический вопрос. Он бы отправил курьера, но, кажется, там какая-то спешка с документами.

Так, значит, Харлоу разговаривала с курьером, во встрече с которым она не была заинтересована, когда я впервые появился в «Жемчужине».

— Ты ему рассказала?

Нана усмехается.

— Конечно нет, но, думаю, он все равно ее найдет. Где находится «Жемчужина» не такая уж большая тайна в городе. Я отправила ей смс-сообщение, это все, что я могла сделать. Ты же знаешь, как я не люблю лезть в чужие дела.

Я поднялся с дивана.

— Уверен, она уже проверила свои сообщения.

Бабушка кивает, но ее взгляд устремлен вдаль.

— Думаю, ей нужен друг, и я рада, что им стал ты. Должно быть, одиноко сидеть там все время одной. Ведь я не могу быть с ней, так как живу здесь.

— Да, но одиночество — это то, чего она хочет, Нана. А если ей нужен будет друг, мы здесь, когда понадобимся.

— Но ты же не хочешь, быть ей просто другом, сынок. Верно?

Я молчу. Мне не нужно смотреть Нане в глаза, чтобы понимать, что она права. Ни в коем случае я не хочу быть для Харлоу просто другом. Я хочу большего, но, в то же время, мне не хочется, чтобы она стала очередной подружкой для траха, кем были большинство женщин в моей жизни, которые вспоминали меня лишь за мои подвиги в постели, и никак иначе. Нет, Харлоу особенная — особенная в том, чего у меня раньше никогда не было с другими, и это меня сбивает с толку.

По правде говоря, животная часть меня безумно хочет трахнуться с ней, но, в то же время, я не хочу все испортить в процессе, если такое вообще возможно.

Глава 11

Харлоу

Джефф умел испортить прекрасный день. В телефонной беседе меня попросили, нет, потребовали, чтобы я подписала согласие отдать свою долю на дом в Хэмптонсе, потому что он якобы был мне не нужен; это было за гранью моего понимания. Хватило же наглости заявить, что мне не нужен этот дом! Но как я могла хотеть жить в огромном, пустом доме, лишенном детского смеха? Лишь тогда бы он стал для меня родным.

Дом. От этой мысли у меня слабеют колени, когда я смотрю, как грузовик Дэksа поворачивает налево по главной магистрали обратно в город. Почему всегда, когда он рядом, я чувствую себя как дома? Дэкс наводит меня на мысли о ранних пробуждениях в постели, когда можно уютно устроиться под одеялом, об аромате горячего кофе и долгих, страстных поцелуях длиною в вечность. Из-за него у меня появляется стремление к тому, о

чем я уже давно забыла, еще до того, как меня одолели амбиции, и я оказалась здесь, в одиночестве, с мыслями о мужчине, который для меня слишком молод.

Но, с другой стороны, так ли уж он молод? Или я просто использую это как повод для того, чтобы с ним не сближаться и чтобы мне не причинили боль? Но, если я использую его возраст в качестве отговорки, тогда зачем я провела с ним последние двенадцать часов, смеясь и улыбаясь больше, чем когда-либо? И, даже, прослушанное сообщение от моего адвоката, который просил меня как можно скорее ему перезвонить, меня ничуточки не встревожило.

«Потому что он тебе нравится, Харлоу Джеймс, вот почему. Он так тебе нравится, что, даже, если тебе позовут Джессиф и накричит на тебя так же, как он сделал это в последний раз, это не заставит тебя расплакаться и убиваться от горя. В этот раз, когда ты обернулась и увидела, как молодой человек украдкой платит за ваш ужин, ты завершила разговор со своим бывшим мужем, пока он рассказывал тебе, что отправил кого-то с документами, которые он ожидает, чтобы ты подписала».

Я запираю двери и направляюсь в хозяйственную ванну. Терпеть не могу то, что я собираюсь сейчас сделать, но мне это нужно. В местности, где выпадает только девять дюймов осадков в год, я не должна наполнять свою ванну водой, которой бы хватило на шесть человек, но, сколько бы воды я не потратила, все равно вся она окажется в системе сточных бытовых вод, орошая растения и заполняя туалеты. Кроме того, какой тогда смысл в самой красивой ванне, которую я когда-либо видела в жизни? Из древесины, покрытой лаком, которую мне просто не терпится опробовать с тех пор, как я сюда приехала.

Пока ванная наполняется водой, я раздеваюсь и смотрю на свое отражение в зеркале. В ванной комнате мягкое освещение, демонстрирующее мое тело как будто в сновидении, сквозь поднимающийся из ванной пар. Несмотря на то, что большую часть своего времени я провожу на работе, я ухаживаю за своим телом, чтобы выглядеть так же хорошо, как и мои достижения выглядят на бумаге. Я три раза в неделю занимаюсь в спортзале, раз в месяц наслаждаюсь косметическими процедурами для тела и лица, и избегаю солнца. Я за собой ухаживаю, и это заметно.

Но все-таки я вижу свои недостатки, те, которые появляются со временем. Знаю, что на моем лице есть морщинки, особенно между бровей, потому что у меня есть ужасная привычка хмуриться во время работы, неважно печатаю ли я свою научную работу или накладываю шов. Моя грудь по-прежнему заполняет большую часть моего бюстгальтера, размером 36 С, хотя она уже не такая упругая, как раньше. *«Но «твои девочки» натуральные, Харлоу. И ты бы солгала, если бы сказала, что не заметила, как Дэкс целый день не мог отвести от них взгляда»*. У меня узкая талия, плоский живот, хотя я вижу растяжки, которые выглядят как метки, обозначающие время, когда я вынашивала плод.

«Харлоу, перестань! Хотя бы раз сосредоточься на позитивном!»

Я разворачиваюсь и смотрю на свое отражение со спины, внезапно чувствуя себя глупо и понимая, что ванна уже готова, но не раньше, чем мой взгляд останавливается на упругих ягодицах, и я улыбаюсь.

Ну, кем бы ни были мои биологические родители, они одарили меня чертовски упругой задницей.

Спустя три дня я лежу в кровати, любуясь потоком солнечного света сквозь разноцветные стеклянные бутылки, встроенные в перегородку моей спальни. Мне не нужно вставать, чтобы узнать, что Дэкс уже приехал в «Жемчужину». Я практически ощущаю, как его присутствие заполняет пространство, хотя я жалею, что оно заполняет только пространство. Я громко смеюсь над тем, насколько я возбуждена, но проведя

последние два дня с Дэксом и наблюдая за ним, пока он переодевал свои плавки на горячих источниках, я не могу думать ни о чем другом. У него большой.

Тогда он заставил меня перестать думать о непристойном, загружая другими вещами, например, открывая мне Таос с той стороны, с которой его могли знать только настоящие таосеньес.

Сначала мы остановились у Малой Пивоварни Таос Месса. Дегустация различных видов пива развязала мне язык, а, неся обязанность водителя, Дэкс с радостью остановился на яблочном сидре; после этого мы отправились к горячим источникам. Это была почти часовая поездка к купальням, в которые я была готова запрыгнуть, но не раньше, чем мы исследовали остатки каменной бани, которую построил Артур Мэнбай в надежде превратить ее в курорт мирового класса. К счастью, в своем багажнике я нашла купальник, и было таким наслаждением сидеть в горячем источнике после подъема, слушая, как Дэкс рассказывает мне истории о Мэнбайе. Несомненно, наши ноги все время касались друг друга, и это стало своеобразной игрой между нами, потому что купальня, которую мы выбрали, была просторной, чтобы вместить в себя пять человек.

Второй день мы провели в Арройо Секо, откуда мы поднялись к той части Рио-Гранде, которая известна местной рыбакой, после чего Дэкс отвел меня к винодельне, чтобы попробовать вино и шоколад местного производства, от которого я стонала в блаженстве, пока его кусочки таяли во рту. День закончился поездкой обратно в дом Наны, чтобы забрать свою машину, или, по крайней мере, так я планировала. Но Диами настоял, чтобы я осталась и сыграла с ним в «Операцию», и после этого в Монополию, я была вынуждена остаться и, в итоге, выпила столько привезенного нами вина, что мне стало совершенно без разницы, купила ли я недвижимость или оказалась в тюрьме, без шанса на следующий ход. К одиннадцати, уже давно пропустив время Диами ложиться спать, и, наверное, всех остальных, Дэкс отвез подвыпившего, но счастливого доктора в «Жемчужину». Даже переезд через Гордж-Бридж меня не напугал.

По крайней мере, я знаю, что мы оба друг с другом флиртуем. Но, черт меня подери, если Дэкс делает это только потому, что это сводит меня с ума. Это лучшее время в моей жизни, с тех пор как я шесть месяцев назад уехала из Нью-Йорка, и мне не терпится узнать о Таосе больше. Но, если быть честной, единственное, чего мне сейчас хочется от Таоса — это пещерного мужчину, находящегося на другой половине «Жемчужины», пока я лежу здесь, в постели, мечтая о том, что бы он со мной делал, а я с ним. Эти возможности безграничны.

Но моей рациональной стороне удается испортить все самое интересное, а Дэкс придерживается того, о чем мы с ним говорили, точнее, о чем говорила я — что он остается на своей половине «Жемчужины», а я на своей... ну, что-то в этом роде. Терпеть не могу устанавливать границы, потому что теперь я знаю, если кто-нибудь и нарушит их, то это буду я.

К тому времени, когда я завариваю кофе, от этого нервного ощущения так сильно стучит мое сердце, что мне становится интересно, а не развилось ли у меня какое-нибудь сердечное заболевание. Я практически ощущаю, как кровь протекает по моим венам. Дрожащими руками я наливаю кофе в две глиняные кружки и делаю глубокий вдох.

«Ты почистила зубы, умылась и расчесала волосы. Ты справишься. Теперь принеси ему кофе и поздоровайся».

Я вижу Дэкса до того, как он видит меня, но ничего не говорю. Насколько мне известно, последние три дня, проведенные с ним, это как длительная прелюдия, и сейчас, я вся горю. Я рада, что он слишком занят, чтобы заметить меня, пока я неловко торчу у двери, стараясь держаться как можно спокойней, несмотря на то, что творится у меня внутри, и что я переминаюсь с ноги на ногу.

«Что со мной?»

Дэкс вытаскивает что-то, что напоминает деревянный рубанок, хотя он использует его по-другому — он тянет его к себе, а не от себя, как я видела, делают плотники. Вместо

коротеньких деревянных щепок, я вижу тонкую полоску, похожую на бумагу, которая изящно скручивается, прежде чем Дэкс отбрасывает ее и возвращает рубанок обратно, на противоположный конец доски. Затем он начинает все заново.

Сквозь его тонкую белую рубашку я вижу, как с каждым движением напрягаются его мускулы. Если я захочу, то могу их все назвать: широчайшая мышца спины, трехглавая мышца плеча, дельтовидная мышца, подостная и большая круглая мышцы, но мне хочется намного большего, чем это. Мне хочется их коснуться, провести по ним пальцами и почувствовать, как они двигаются напротив моей кожи. И я знаю, что на этом не остановлюсь. Мне хочется опустить руки вниз по его спине, ощутить, как мои пальцы путешествуют по его загорелой гладкой коже. Мне хочется...

Внезапно Дэкс перестает делать то, чем он занимался, выпрямляется и поворачивается ко мне.

— Доброе утро, Харлоу.

— Привет, — запинаюсь я, надеясь, что по моему лицу не видно, о чём я думала. — Я... принесла тебе кофе.

— Спасибо, — отвечает он, и тогда я вижу, что он взял с собой термос, и чувствую себя идиоткой.

Конечно, бойскаут захватил с собой собственный кофе. Ведь это я установила правила, верно? Я не собираюсь его развлекать, а он не должен развлекать меня.

«Ах, но мне этого хочется!»

— Прости. Я не знала, что ты принесешь свой, — отворачиваюсь я, чтобы он не успел ничего сказать, но Дэкс — шустрой парень.

Внезапно он оказывается передо мной и берет у меня одну из кружек.

— Спасибо, — говорит он, и его взгляд опускается с моего лица на мои губы, а затем на вырез халата.

Я даже не удосужилась одеться. С чего бы мне это делать? Мне не хочется одеваться, когда этот мужчина стоит так близко ко мне со своим ароматом — этим мужским запахом, от которого у меня бушуют гормоны. Я облизываю губы.

— Пожалуйста.

— Я разбудил тебя? — спрашивает он, когда ставит кружку на столик возле нас.

Я качаю головой, не сводя глаз с его губ.

— Нет, я даже не поняла, что ты здесь, пока... мmm... готовила кофе на кухне.

«Лгунья. И вообще, где ты еще могла готовить кофе?»

— Так что я подумала, может...

Дэкс забирает у меня из рук вторую кружку и также ставит ее на столик. Я даже не протестую. Не знаю, смогу ли я вообще это сделать — что бы не захотел этот мужчина, часть меня хочет это узнать. Мне хочется знать, воображаю ли я все это — то, как он смотрит на меня, и то, как его взгляд переходит с моих глаз на мои губы, задерживаясь на них, после чего движется вниз. Мне хочется увидеть эту выпуклость на его джинсах, напомнив, таким образом, себе о том, что я по-прежнему привлекательна, даже красива.

— Харлоу, — бормочет он, и я чувствую, как его пальцы отбрасывают прядь волос с моего лица.

Он опускает голову, и теперь я смотрю ему в глаза. Голубые, такие насыщенные. Мое сердце стучит так громко, что я почти слышу, как по всей комнате разносится эхо.

Буб. Бум. Бум.

Я подавляю стон и сжимаю бедра, чувствуя, как тепло поднимается к моей груди. Я прикусываю нижнюю губу, опускаю взгляд и торжественно выдыхаю. У него встал, у него...

— Кто-то пришел, — произносит он, возвращая меня обратно к реальности.

— Что?

Затем я слышу. Кто-то пришел.

— Ах, да, — запинаюсь я и плотнее натягиваю халат, разворачиваюсь и выбегаю из его мастерской.

На мгновение я забываю, где находится входная дверь, а когда вспоминаю, то ощущаю вину за то, что я сейчас сделала.

«Харлоу, тебе не стыдно?»

Нет, по-видимому, нет.

Снова слышится стук, вместе со знакомым голосом:

— Харлоу. Это я. Открой дверь.

Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, что явижу Фрэнка Вестона — своего адвоката по разводу — по другую сторону двери со стеклянной вставкой, которая не скрывает моего нынешнего облика, такого далекого от той женщины, которую он знает. С растрепанными волосами, без макияжа, босиком и в флисовой белом халате я совершенно не похожа на хирурга, которого он знает, и на женщину, которая несколько раз в неделю обедает с его женой, при этом обсуждая, кто и что сделал из дамочек, состоящих в загородном клубе, и было ли это хорошо или плохо.

«*Но, я хотя бы почистила зубы*», — говорю я себе, когда открываю двери, но не приглашаю адвоката войти.

— Фрэнк? Что ты здесь делаешь?

Он вытирает пот, выступивший на лбу, и в свете солнечных лучей, освещавших Таос, мне отчетливо виден его зачес, скрывающий лысину. На Фрэнке белая рубашка и брюки, кожаные туфли, покрывшиеся пылью из-за короткой прогулки от его арендованного автомобиля до крыльца. На улице жарко, и солнце плавит засыпанную гравием дорогу. Моя машина припаркована прямо перед воротами гаража, чистая и блестящая. Я вздыхаю. Дэкс не должен был этого делать.

— Я мог отправить курьера, но решил, что так будет быстрее, — отвечает он.

— Что будет быстрее?

— Эти документы, — говорит он, вытаскивая из кожаного портфеля папку. — Два дня назад мне звонил адвокат Джейффа, и он хочет, чтобы ты их подписала.

— А что в них?

— Это на счет вашего поместья в Хэмптонсе. Последнее, что вам осталось решить, прежде чем вы сможете со всем этим покончить, — отвечает Фрэнк, выдыхая. — Послушай, Харлоу, ты сама мне говорила. Тебя не заботило раньше, что с ним будет, так же, как и с твоей недвижимостью на Манхэттене, которую ты отписала Джейффу. Так что он считает, раз ты всегда терпеть не могла ездить в Хэмптонс, он бы хотел, чтобы ты отписала и эту недвижимость ему, а он отдаст тебе твою долю деньгами за ту часть, за которую заплатила ты. Все элементарно просто, если ты меня понимаешь.

— Он с ума сошел?

С нынешними ценами на рынке недвижимости, их дом сейчас стоит миллионы.

— Нет, но ты ведь сама говорила, Харлоу. Даже Белинда рассказывала мне, что ты ненавидишь это место. Ты наняла трех прислуг, чтобы они присматривали за ним... ради чего? Ты никогда туда не ездишь, а Джейфф с удовольствием снимет с тебя этот груз. Кроме того, меньше, чем через месяц он женится, и ему бы хотелось там воспитывать своих детей.

Прежняя Харлоу тут же бы расплакалась, а Фрэнк бы обнял ее и похлопал по плечу со словами: «*Тише, тише, Харлоу. Все не так уж и плохо. Подпиши здесь, и чем быстрее ты это сделаешь, тем быстрее ваш бракоразводный процесс закончится, и, кто знает, может быть, твоя депрессия тоже пройдет. Некоторые вещи просто не получаются, как бы мы не старались*».

Но прежней Харлоу больше нет. На ее месте появился кто-то новый, или я надеюсь, что появился. Я смотрю вниз на папку, которую он протягивает, тыча ей в меня.

— Я наклеил стикеры там, где тебе нужно поставить подпись и иници...

— На чьей ты стороне, Фрэнк?

Фрэнк удивленно вскидывает голову.

— Что прости?

— Я спросила, на чьей ты стороне? Я думала, что ты мой адвокат.

— Конечно, твой, именно поэтому я здесь, в каком-то странном доме, расположенному непонятно где, и который сгодится только при чертовом апокалипсисе, — сердито отвечает он, и я вижу, как по его виску стекает капелька пота. — Ты знаешь, что моя поездка сюда не бесплатная, и мой офис добавит это к твоему счету.

— Тогда добавляйте, — говорю я, надеясь, что мой голос не дрожит, потому что у меня внутри все трястется.

Сердце вот-вот разорвется от шока из-за собственных слов, а под халатом дрожат коленки.

— И не забудь добавить обратный билет. Мы же не хотим, чтобы ты остался здесь, Фрэнк. Белинде бы это не понравилось. Теперь убирайся с моей территории.

Фрэнк снимает солнцезащитные очки и смотрит на меня так, словно у меня выросло две головы.

— Черт возьми, что на тебя нашло, Харлоу? Я думал, ты хотела упростить этот развод, и именно этим я здесь занимаюсь. Я на твоей стороне, понятно? Твое дело — доверять мне, забыла? Почему бы тебе, как хорошей девочке, просто не подписать эти документы и со всем этим не покончить?

— Потому что она не хорошая девочка — ни для тебя, ни для кого другого, — раздается глубокий голос, и я поворачиваю голову, чтобы увидеть Дэksа, который стоит позади меня, его голубые глаза пылают от гнева. — Она — женщина, никогда об этом не забывай.

Глава 12

Дэкс

Мне не требуется много времени, чтобы осознать, что что-то не так в тот момент, когда я слышу в дверях голос мужчины. Он кажется властным, от чего у меня по коже бегут мурашки. Какого хрена нью-йоркский юрист забыл в Таосе? Я рад, что спокойно подхожу к входной двери, тем самым получая возможность услышать все то дермо, о котором говорит ей этот ублюдок.

«Хорошая девочка, что б меня». Какой адвокат позволяет себе так вести себя с клиентом? К тому же он ожидает, что Харлоу отпишется от своей законной доли на дом в Хэмптонсе? Он совсем чокнулся?

Внезапно до меня доходит. *Пистолет, записка, и почему она в такой дали от дома.* И та грусть в ее глазах... теперь все обрело смысл. Если бы только Харлоу достаточно мне доверяла для того, чтобы самой об этом рассказать. Я просто надеюсь, что предсмертная записка была не для того придурка, который через всю страну отправил к ней адвоката, чтобы ее унизить. Я останавливаюсь позади Харлоу, а мужчина по имени Фрэнк пристально смотрит на меня, его глаза вываливаются из орбит.

— Черт побери, кто вы такой?

— Не твое дело кто я, но если бы я был на твоем месте, то сейчас же бы вернулся в свою машину и сделал, как велела дама.

Фрэнк поворачивается к Харлоу.

— Как твой адвокат и друг, Харлоу, я тебя предупреждаю, это не очень разумно с твоей стороны.

— Нет, Фрэнк, это самый разумный шаг, который я сделала за всю свою жизнь. Как мой адвокат, ты не имел права приезжать сюда и указывать мне, где ставить подпись, чтобы отказаться от своей собственности, и все же ты это сделал, также ты не имел права говорить мне, чтобы я отказалась от всего, над чем так долго трудилась, говоря, что это

для моего же блага, — произносит она, и ее голос обрывается, когда она делает глубокий вдох и продолжает. — Но впредь так больше не будет. С сегодняшнего дня, я отказываюсь от твоих услуг в качестве адвоката. Теперь уходи, или я буду вынуждена позвонить в Коллегию Адвокатов Нью-Мексико, чтобы они проверили твою лицензию относительно того, разрешено ли тебе осуществлять практику в этом штате.

Я достаю мобильный и протягиваю его ей.

— Если хочешь, можешь позвонить с моего.

— Джефф был прав. Ты определенно потеряла здравый рассудок после Маркуса, — фыркает Фрэнк, когда Харлоу ловит ртом воздух и подносит руку ко рту, ее глаза наполняются слезами.

«*O, черт, как он мог такое сказать?!*» Я не знаю, кто такой Маркус, но если он был так близок Харлоу, как можно судить по ее реакции, то Фрэнк только что пересек все воображаемые границы. В моих глазах все наливаются красным... и все, что я вижу, это физиономия Фрэнка.

Мой кулак врезается в его нос, и Фрэнк завывает, приземляясь задницей на землю. Не знаю, как люди из мира Харлоу улаживают проблемы, но в моем мире этот способ обычно помогает, особенно когда играют не по правилам и выбирают такие выражения, чтобы задеть побольнее.

— Ты ударил меня! Ты, бл*дь, ударил меня! — кричит Фрэнк, зажимая нос, который начинает кровоточить.

Через несколько секунд кровь будет литься ручьем, но мне пофиг, даже если он все вокруг зальет кровью. Мне нужно, чтобы этот мужик немедленно убрался с моей территории.

— Убирайся отсюда и больше никогда ее не беспокой, — говорю я, сжимая пальцы.

Черт, я уже несколько лет никого не бил, даже когда в последний раз попал в передрягу.

— Я подам на тебя в суд!

«*Тоже мне проблема*». Сейчас меня это не волнует. Он просто оскорбил своего клиента, женщину, от которой, не стыжусь признаться, я без ума.

— Вперед. Но сначала скажи, как называют то, когда человек вторгается в чужие владения и не уходит, когда ему говорят проваливать? — глаза Фрэнка становятся еще шире, пока он поднимается с земли. — А, точно, преступление. Правильно, Фрэнк? Было бы любопытно увидеть это в твоей лицензии, в дополнение к обвинению за работу в штате, где у тебя нет разрешения на работу.

Не говоря ни слова, Фрэнк залезает в свою машину и срывается прочь, колесами поднимая гравий. Я не жду, пока он выедет на шоссе. Я спешу обратно в дом, закрываю за собой двери и иду за Харлоу в гостиную, где она нервно расхаживает из стороны в сторону.

— Харлоу, поговори со мной. Что происходит?

— Ничего.

— Ничего? Твой адвокат по разводу прилетает в такую даль из Нью-Йорка, чтобы оскорбить и ранить тебя, и ты это называешь «ничего»? — как можно спокойнее спрашиваю я.

Харлоу продолжает расхаживать вдоль ряда комнатных растений, скрестив руки на груди. Она так зажата, и это сводит меня с ума. «*Почему она не может позволить себе с кем-то поговорить, вместо того, чтобы в одиночестве скрываться в «Жемчужине», еще и с этим дурацким пистолетом?*»

Эти мысли заставляют меня напрячься. Черт, сама мысль о том, что этот пистолет сейчас где-то в «Жемчужине» меня напрягает, даже когда я отбрасываю воспоминания о том, что в ту ночь видел его, лежащим на предсмертной записке. «*Неужели она и правда была адресована ее бывшему? И кто такой этот Маркус?*»

— Ты до сих пор его любишь?

Карие глаза Харлоу вспыхивают от гнева.

— Ты про Джейфа? Ты с ума сошел? Какого черта я буду до сих пор любить этого... этого засранца, который прислал сюда моего юриста, чтобы я отписала ему все, что имею? В том, что его прислал Джейф, даже не нужно сомневаться. Они с Фрэнком играют в теннис в загородном клубе, хотя Фрэнк заверяет, что они больше не видятся.

Она переплетает руки, и я ощущаю, как ее тревога растет, пока она продолжает:

— Я должна была прислушаться к себе и уже давно его уволить. Не могу поверить, что позволила этому зайти так далеко...

Я останавливаюсь перед ней и накрываю ее руки своими, останавливая ее нервную привычку. Если она не перестанет, то, глядя на нее, даже я начну нервничать.

— Харлоу, остановись на секунду. Пожалуйста.

Она поднимает голову и смотрит на меня своими большими карими глазами, в которых есть сила меня погубить. Но я не позволю этому случиться — не сейчас.

— Но ведь ты не сдалась, Харлоу, остальное не важно. Не спорю, он был в сговоре с адвокатом Джейфа, или, хуже того, с самим Джейфом.

Она делает глубокий вдох и кивает.

— Теперь я это знаю. Ну, всегда знала, но не могла... я не могла ничего с этим сделать, потому что была слишком... — она делает паузу, и я вижу уязвимость на ее лице.

— Ты не поймешь. Никто не поймет, если он не потерял... ребенка.

«Прости за то, что спасала всех остальных, в то время когда единственным, кого мне следовало спасать, был ты».

В этот момент я вспоминаю эти слова из ее предсмертной записки, и словно бревном в грудь меня ударяет осознание.

Маркус.

— О, Харлоу, мне очень жаль, — я не перестаю задаваться вопросом, верны ли мои догадки.

Я притягиваю ее в свои объятия и чувствую от того, что она меня не отталкивает, хотя она по-прежнему ската, как пружина. Это то, что она носит в себе все это время, пока ее вскоре бывший муж занят планированием своей свадьбы, ожидая, когда Харлоу наконец-то сдастся и все ему отдаст?

У меня много слов, которые мне не терпится сказать, но я приказываю себе успокоиться. Если кому-то и нужно высказаться, так это Харлоу. Но чем больше мне хочется узнать о Маркусе, тем больше я не хочу, чтобы она снова погружалась в тот мир, в котором она была, когда я впервые приехал в «Жемчужину». Оставим разговор о Маркусе на другой раз.

— У тебя уже есть кто-нибудь на примете? Новый адвокат?

— У Фрэнка есть партнеры, которые могут легко взяться за мое дело, но мне нужен кто-то совершенно новый. Тот, кто не имеет отношения к его фирме, — отвечает она, ее голос приглушен напротив моей груди. — Они, должно быть, все время надо мной смеялись.

— Теперь они больше не будут смеяться, остальное не важно. Единственной причиной, по которой кто-то стал бы шутить над тобой, может быть только то, что они боятся тебя и знают, что ты лучше их, — говорю я, отстраняясь, чтобы видеть ее лицо. — Послушай, может я и не так давно с тобой знаком, но, насколько я знаю, ты замечательная женщина, и я не могу понять, как тебе удалось держать всю эту боль в себе. Но если я могу чем-нибудь помочь, Харлоу, пожалуйста, позволь мне это сделать.

— Я не хочу никого беспокоить...

— Этим ты никого не побеспокоишь. Даже наоборот, меня напрягает то, что ты отказываешься от чьей-либо помощи, — я поднимаю ее подбородок, так чтобы она посмотрела на меня, и мой голос смягчается. — Главный офис моей компании и выставочный зал находятся в Нью-Йорке, там юридически зарегистрирована наша

компания. Именно там сейчас находится мой отец, он - финансовый директор компании. Так что, если тебе нужно найти юриста...

— Но я думала, что ты работаешь здесь.

— Я приезжаю во Флагстафф, потому что там я занимаюсь проектированием и сборкой мебели, а сюда я приезжаю, потому что это место для меня особенное. Кроме того, без Наны и ее стряпни я могу прожить только несколько месяцев. Так что, если тебе нужны рекомендации по поводу другого адвоката, который не имеет отношения к этому отморозку или его фирме, тогда я прямо сейчас могу обратиться с этим вопросом к моему юристу, но только с твоего согласия. Ты разрешишь мне помочь?

Харлоу делает глубокий вдох, и я почти ощущаю ее облегчение, когда она кивает головой и улыбается. И что мне точно никогда не надоест в Харлоу, так это ее улыбка.

— Если ты можешь, я буду признательна, — отвечает она. — Но что делать с Фрэнком? Что если он подаст на тебя в суд за то, что ты ударила его?

— Пускай подает. Для этого у меня есть мои юристы, и он был на моей частной территории. Не менять тему, Харлоу. Я могу тебе помочь, точнее, я уверен, черт побери, что готов сделать все, что в моих силах, чтобы свести тебя с кем-то получше, чем этот засранец. Потребуется парочка звонков, но с ним ты не будешь вести себя как послушная овечка или что-либо в этом духе.

Она сухо посмеивается.

— Думаю, на самом деле я больше Тельма, чем Луиза, правда?

— Я бы так не сказал, не после того, через что ты прошла. И ты по-прежнему не опускаешь рук, так что, кто его знает? Может, именно поэтому ты села в машину и отправилась на запад, и поэтому ты сейчас здесь вместо того, чтобы возвращаться обратно, — отвечаю я, убирая пряди волос с ее лица. — У тебя были какие-нибудь планы на сегодня?

— Нет, только избавиться от Фрэнка и сохранить то, что принадлежит мне.

— Хорошо. Как только я свяжусь с Коулом, и он даст мне имена адвокатов, с которыми ты сможешь поговорить, я сообщу тебе, чтобы ты не думала, что я бросаю слова на ветер, пока ты разбираешься со своими делами. Сойдет?

— У меня есть все необходимые документы, они в спальне, так что я просто пойду переоденусь и принесу их, — уходя, говорит она, но я беру ее за руку, и она останавливается, в недоумении глядя на меня. — Что?

— Ты больше похожа на Луизу, чем думаешь.

Спустя четыре часа, включая перерыв на обед, доставку которого я заказал из одного из моих любимых ресторанов, Харлоу по-прежнему разговаривает по телефону. Я мог бы съездить в город, чтобы перекусить, но мне не хотелось оставлять ее одну, на случай, если Фрэнк решил бы вернуться. Он оставил ей документы, которые хотел, чтобы она подписала, что очень пригодится, когда настанет время подавать на этого засранца в суд за злоупотребление служебным положением.

Но это дело Харлоу и ее новых юристов, и я очень надеюсь, что суд разрешит ей сменить адвоката. На этот раз, я хочу, чтобы она отобрала все у этого ублюдка, за которого вышла замуж, и из-за которого, черт побери, прошла через столь многое, что захотела всадить себе пулю в голову.

«Спокойно, Дэкс. Это не твоя битва».

Но мысль о том, как близка она была к тому, чтобы покончить со всем, меня по-прежнему приводит в ярость, особенно после всего услышанного из своей мастерской. Если я правильно понял, Маркус был ее мертворожденным сыном, и еще даже года не прошло после его потери, что означает, что Джекф подал на развод практически сразу после случившегося. Какой нужно быть хладнокровной сквальною, чтобы так поступить с горюющей матерью? «Мне плевать, что она сделала, чувак, но подавать на развод, пока она скорбит? Я этого не понимаю».

Доска из вишневого дерева передо мной испытывает всю тяжесть моих эмоций, японский рубанок выплевывает длинные развертывающиеся ленты древесины на пол. Теперь это доска бесполезна, правда, и если я продолжу в том же духе, то останусь ни с чем, кроме станка под ней.

— Привет. Ничего, если я зайду?

Голос Харлоу вырывает меня из моих мыслей, я поворачиваюсь и вижу, что она стоит у двери, босиком, в голубом топе и в хлопковых брюках свободного кроя. Ее волосы собраны в хвост, хотя пара прядей обрамляет ее овальное лицо.

— Тебе всегда здесь рады.

— Я только что оторвалась от телефона, и думаю, что все уладила со своей стороны. Они позвонят мне, как только узнают, что решил судья, — продолжает Харлоу, когда останавливается передо мной. — Итак, можешь показать мне, как это работает?

— Конечно, — отвечаю я, когда машу ей рукой, показывая встать между мной и станком.

Я чувствую аромат розового масла на ее волосах, и это возвращает меня к теплому ощущению ее тела, прижимающегося ко мне, все прочие мысли исчезают. Когда я направляю ее движения, одну руку вверх и в сторону от станка, а другую кладу на противоположную сторону станка, я ловлю себя на том, что прижимаю ее тело к своему.

«Просто покажи ей как это делать. Об остальном не думай».

Я кладу одну руку поверх ее, а другую на ее плечо, и делаю глубокий вдох.

— Готова к своему первому уроку по ручной резке в японском стиле?

Она кивает. Обожаю то ощущение, когда ее волосы касаются моей руки, но я заставляю себя сосредоточиться на своей руке, лежащей поверх ее, и медленно направляю ее руку, чтобы она придвинула к себе рубанок. Для этого требуется приложить усилия, и я чувствую, как напрягаются мускулы на ее спине, когда она отстраняется назад, двигая рубанок до тех пор, пока не доходит до конца доски. Затем мы еще раз повторяем этот процесс.

— Американские рубанки обычно отталкивают от себя, но японские, вроде этого *хира-кана*, тянут на себя. Это позволяет задействовать основные мышцы спины в помощь рукам для резки такой древесины.

Я направляю ее тело своим, и с каждым движением, тонкая лента дерева развивается в воздухе, но на третьем подходе она останавливается, чтобы одну из них поймать рукой и рассмотреть.

— Тонкая как бумага.

— Человеческий волос в диаметре около ста микрон, а капля воды, возможно, десять. Тем не менее, некоторые из лучших деревообрабатывающих инструментов для строгания могут сделать такую стружку толщиной всего в три микрона, даже тоньше, чем красная кровяная клетка, — говорю я, мой взгляд сосредоточен на ее профиле. — Та, что у тебя в руках, наверное, в десять или пять микрон.

— Ты любишь свою работу. В тебе столько страсти, — мягко произносит она. — Для других это просто кусок дерева, но для тебя...

— Это может стать шкафом, столом, опорной балкой, которые будут существовать веками, — говорю я. — Это сочетание инструментов, мастерства и страсти в простоте. Ни в одном из моих изделий не используются гвозди или винты, или клей, только стыки, — ну, кроме наших ванн, которым потребовался клей. Я трачу больше времени, натачивая лезвия для этого рубанка, чем трачу на саму работу, но когда я это делаю, результаты всегда оправдывают потраченное время и усилия на подготовку лезвия.

Когда я говорю, то остро ощущаю насколько близко лицо Харлоу к моему, даже ближе, чем раньше. Я вынуждаю себя свести все к шутке, не желая, чтобы все зашло туда, куда бы мне на самом деле хотелось, и что привело бы нас прямиком в ее спальню. Так что

я пожимаю плечами и улыбаюсь, как ни в чем не бывало, борясь в тот момент с желанием ее поцеловать.

— С хирургией все точно так же, как и с твоей подготовкой. Столько лет тренировок, только чтобы, не знаю, вогнать скальпель в почку, или что-то в этом роде.

Харлоу хихикает, и я чувствую, как напряжение покидает ее тело. Но когда она поворачивает голову ко мне, я чувствую, что моя решимость тает. Черт, я попал, и все что мне сейчас нужно, это отпустить рубанок и обвить ее своими руками.

«Соберись, Дэкс. Соберись. Со-бе-рись».

Но вся концентрация улетучивается, когда Харлоу вытягивает свою руку из-под моей и проводит ею по моему предплечью, а другой гладит мою бороду, все мои принятые решения испаряются. А когда ее губы слегка касаются моих, внезапно все, кроме нее, исчезает. Полностью и безвозвратно.

Глава 13

Харлоу

Сначала поцелуй нежный, просто легкое прикосновение губ, от которого по спине бегут мурашки. Затем он углубляется, легкость прикосновений губ Дэksа заменяется его намерением свести меня с ума. Сколько времени прошло с тех пор, как меня так целовали? Не просто касание губ, перед тем как попрощаться, а настоящий поцелуй?

После нескольких часов общения с адвокатами, мне хочется этого — чего-то такого, что заставило бы меня забыть обо всем, что мне следует и следовало бы сделать, чтобы сохранить свою карьеру. «*Мне нужно большие веселиться. Больше выходных. Я должна отказать в той транспланации, так как она все изменит между мной и Джоном*». Конечно, после такого мои коллеги начали уважать меня и мое имя, написанное на дверях под именем Джонса, но стоило ли оно того? Стоило ли это все того, чтобы вышибить себе мозги?

Я отстраняюсь от Дэksа, с удивлением ощущая на своих щеках слезы. «*Aх, отлично, какого черта я сейчас плачу? Он точно подумает, что я сумасшедшая*».

— Прости, — запинаясь, произношу я, поднимая руки к лицу, но Дэks большими пальцами вытирает мои слезы. — О, Дэks, это так неловко.

— Нет, это не так. Я плачу, когда смотрю рекламу пива, — говорит он, а его голубые глаза полны доброты.

— Ты так говоришь, чтобы я чувствовала себя лучше.

— Подожди, пока не начнется Суперкубок (*прим. финальная игра в американском футболе за звание чемпиона Национальной футбольной лиги*), и будут показывать рекламу, особенно ту, с лошадьми... и щенками, — бормочет Дэks, когда притягивает меня в крепкие объятия, которые должны успокоить меня, но, вместо этого, производят совершенно противоположный эффект, и, вот, я уже неудержимо рыдаю. Словно весь самоконтроль, который был у меня внутри, прорывает как плотину, которая наконец-то рушится. Но Дэks рядом, и он держит меня.

Прежняя Харлоу противилась бы тому, чтобы быть в его объятиях, не желая, чтобы кто-нибудь увидел ее слабой, но нынешняя Харлоу не сопротивляется — не тогда, когда ей так хорошо в объятиях Дэksа. Я уже давно такого не чувствовала.

— Все в порядке, Харлоу. Просто поплачь. Лучше поздно, чем никогда, верно?

Я усмехаюсь сквозь слезы, когда в памяти мелькают воспоминания последних лет, как кадры из домашнего видео, которое кто-то перематывает, не выключая экран. Наша первая встреча с Джоном в первый день моей хирургической практики. Затем «кадр», как я изучаю результаты лабораторных анализов в ординаторской или разгадываю загадочные симптомы пациентов из «Доктора Хауса». Потом свадьба, которая, на самом

деле, не была свадьбой, а больше походила на организованную в последний момент встречу, чтобы связать брачные узы в компании нескольких близких друзей в городской мэрии.

Я никогда не была фанаткой больших свадеб и всегда считала, что такие деньги лучше тратить на что-то более долговечное, например, на недвижимость в Хэмптонсе, которая свидетельствовала об успехе, даже, несмотря на то, что этот успех никогда не радовал. Затем последовала хирургическая практика, частная практика отдельно от Джейффа, и все остальное, что только способствовало нашему отдалению друг от друга. Мне следовало знать, что Джейф все дальше и дальше отдалялся от меня, пока я гналась за желаемым только ради того, чтобы доказать себе, что я была лучше, чем просто очередной приемный ребенок, которого никто не хотел, забывая, что единственное, чего от меня хотел Джейф, чтобы я сидела дома и рожала детей. Ему хотелось иметь жену и мать, не хирурга, а жену и мать, элементарные желания в данной ситуации. Он попросил меня сбить обороты и оставить карьеру, но я отказалась, и как же я потом за это поплатилась, родив Маркуса с обернутой вокруг шеи пуповиной, которого не смогло спасти даже кесарево сечение. Но я также проигнорировала признаки того, что Джейф мне изменяет, решив стать женщиной, которая справляется со всем сама, отказываясь демонстрировать свою уязвимость.

Мое тело дрожит, пока я рыдаю, а Дэкс продолжает спокойно поддерживать меня. Я рада, что он ничего не говорит, но, даже, если бы он что-то и сказал, я все равно не в состоянии что-либо слушать. Мне просто хочется, чтобы кто-то держал меня в своих объятиях, и я осознаю, что это впервые, когда я позволяю себе так расплакаться и разрешаю кому-либо увидеть себя в таком состоянии. После того, как друг Джейфа показал мне документы на развод, я все время ото всех убегала, а позже села в машину и умчалась, полагаясь не только на свой GPS, но и на старенькую карту Томаса (*прим. серия бумажных дорожных карт, впервые изданная в 1915г*), по которой я по-прежнему определяю свой маршрут. Черт, Дэкс наверное слишком молод, чтобы знать, что такое карта Томаса.

Но разве это важно? Он здесь... со мной.

Я слышу дыхание Дэкса, чувствую аромат этого проклятого одеколона снова, смешивающегося с его собственным запахом. Когда я отстраняюсь, то фокусируюсь на его груди, где от моих слез намокла рубашка. Если бы я накрасилась, то увидела бы черные пятна от туши. Но я уже несколько недель не наношу макияж, даже месяцев, пользуясь только обычными средствами по уходу за кожей, чтобы увлажнять и защищать свою кожу от солнца. К тому же, для кого мне здесь краситься, в этой глупши? Здесь я не хирург, работающий в кабинете со стенами завешенными дипломами — множеством наград, висящих рядом друг с другом, подобно колоде карт, разлетевшейся по ветру. Сейчас я всего лишь женщина в объятиях мужчины.

Когда я поднимаю взгляд на лицо Дэкса, то встречаю его голубые глаза, от которых перехватывает дыхание. Знает ли Дэкс, насколько он красив? Понимает ли, насколько точно высечены линии его челюсти, которые еще больше подчеркнуты его бородой, которая так идеально подстрижена, что в животе женщины начинают порхать бабочки? В курсе ли он, как хочется снова поцеловать его губы, что можно лишиться остатка самоуважения, чтобы заполучить хотя бы малость?

Когда я пробегаю пальцами по желобу, где позвоночник разделяет его широкую мускулистую спину, Дэкс напрягается, делая внезапный вдох. Его зрачки расширяются, когда я провожу языком по его верхней губе, пробуя остатки своих слез и его поцелуя. Он опускает голову, наши губы всего в нескольких сантиметрах друг от друга.

— Есть кто-нибудь дома? — раздается чей-то голос в дверях.

Дэкс ругается себе под нос и отстраняется. Он прислоняется ко мне лбом, когда я слышу на этот раз более громкий стук в двери.

— Это Бенни. Он, наверное, только что вернулся с работы, чтобы оставить мой грузовик, а это значит, что моя сестра тоже где-то недалеко.

Я жду, пока Дэкс выйдет из комнаты, прежде чем уйти в ванную, чтобы я смогла умыться, и, надеюсь, по мне не видно, что я плакала. Я слышу, как Бенни говорит, что Сара написала ему о том, что Дэксу нужно подогнать грузовик, и поэтому он приехал. Я пробегаю пальцами по волосам, и еще раз смотрю в зеркало, прежде чем выйти к Дэксу и Бенни.

— Привет, Бенни. Ребята, чего вы стоите на этой жаре? Заходите в дом, — говорю я, когда вижу, как к «Жемчужине» подъезжает машина.

— Я бы зашел, но Сара начнет психовать. У нас сегодня свидание, и она не хочет отвлекаться, — смеясь, отвечает Бенни и протягивает Дэксу ключи от его грузовика. — Она полна решимости пойти поужинать и посмотреть этот фильм, который она так ждала.

— А где Диами? — спрашивает Дэкс.

— Дома. С ним Нана, так что ты свободен от обязанностей няни, — говорит Бенни, поворачиваясь ко мне. — Знаешь, что? Диами попросил меня скачать какую-нибудь игру по анатомии после ваших разговоров о почках и прочем. И она показывает детям, как работает организм, например реакцию организма при аллергии, работу органов пищеварения, дыхания. Это потрясающе. Теперь ему интересен не только Майнкрафт (*прим. компьютерная игра*).

— Скажи ему, что он в любое время может задать мне вопросы, — говорю я, когда Сара останавливается рядом с грузовиком Дэкса и выходит из машины.

— Скажу, — отвечает Бенни, и мы все смотрим, как Сара открывает заднюю дверь и вытаскивает портативный куллер.

— О, точно. Совсем забыл. Нана кое-что тебе передала.

— О, нет, она не должна была, — протестую я, когда Сара обнимает меня и передает мне куллер.

Он тяжелый, и я ставлю его на скамью возле двери.

— Что в нем? Еда? — Дэкс тянется к крышке контейнера, но Сара отмахивается от него.

— Это не тебе, Большой Д, так что руки прочь, — говорит Сара, смеясь, когда смотрит на меня. — Нана сегодня была на фермерском рынке и кое-что для тебя раздобыла, она решила, что пока ты здесь тебе нужно это попробовать. Местные продукты, что-то в этом роде. О, и она еще сделала для тебя немного тамале (*прим. мексиканская блюдо, лепешка из кукурузной муки*).

— Скажи ей от меня спасибо. Я очень это ценю.

— Если мой младшенький братец начнет доставать тебя, просто выгони его, — говорит она, рассмеявшись, когда Дэкс сердито на нее смотрит. — В любом случае, нам уже пора, иначе мы опоздаем на ужин.

Они прощаются, оставляя нас у двери, наблюдать за облаком пыли позади машины.

— Так на чем мы остановились? — спрашивает Дэкс, когда закрывает двери и поворачивается ко мне.

В этот раз, я не колеблюсь.

— На этом.

Я целую его, и мои действия застают его врасплох. Но я хочу Дэкса, и я устала притворяться, что мне этого не хочется. На этот раз, в моем поцелуе чувствуется настойчивость. Я очень хочу его, прямо сейчас. Чем скорее, тем лучше, потому что знаю, если мне дать время для раздумий, появится большая вероятность, что я решу, что это ошибка. Я скользжу руками под его рубашку, ощущая упругие мускулы. Когда я дергаю его рубашку и задираю ее вверх на спине, Дэксу больше не требуется никаких намеков. Он стягивает рубашку, бросает ее на скамью возле двери, после чего притягивает меня к себе.

— Мне нравится то, на чем мы остановились, — бормочет Дэкс.

Его руки ласкают мое лицо, когда он смотрит на меня, именно на меня, словно поедая. Его глаза такие голубые, что напоминают мне небо Нью-Мексико. Мне нравится, как он пожирает меня своим взглядом и как жадно целует языком и губами, словно время хождения вокруг да около, наконец-то, закончилось.

Я отпускаю все свои мысли и позволяю своему телу взять верх. Я задыхаюсь, когда он ласкает мою грудь сквозь рубашку, большим пальцем надавливая на сосок. Другой рукой Дэкс снимает резинку с моего хвоста и зарывается пальцами в мои волосы. Его губы отстраняются, и я чувствую, как он осыпает поцелуями мою шею, оттягивая мою голову назад, таким образом, увеличивая доступ к моей коже. Когда он находит чувствительную точку у меня за ухом и нежно посасывает ее, я впиваюсь пальцами в его спину. У меня подкашиваются коленки, и я цепляюсь за него как раз в тот момент, когда Дэкс отстраняется.

— Что? — растерявшись, спрашиваю я.

— Не здесь, — говорит он, беря меня за руку и ведя в спальню.

Дэкс останавливается у кровати и снова смотрит на меня, опуская голову, чтобы поцеловать, на этот раз игриво покусывая мою нижнюю губу. Он неторопливо раздевает меня, наслаждаясь каждым миллиметром кожи, отbrasывая мою рубашку в сторону и проводя по коже языком, когда стягивает мои брюки вниз. Дэкс смотрит на меня, пока я извиваюсь перед ним, чтобы помочь спустить свои трусики, и, видя, как его член натягивает джинсы, мне нравится, что мое маленькое представление не осталось незамеченным. Смеясь, я толкаю его на кровать, мое нетерпение одолевает меня.

Я расстегиваю его джинсы и снимаю их вместе с боксерами, чтобы увидеть его полностью обнаженным. Какое-то время я просто пристально смотрю на него, пока не пересыхает в горле. Он совершенно красив, и единственное, о чем я могу думать — это о том, как прекрасно ему подходят определения «высокий», «порочный» и «красивый». Дэкс поднимается на локти, чтобы посмотреть на меня; я могу назвать каждую мышцу на его теле, эти шесть кубиков так и просятся, чтобы к ним прикоснулись, именно это я сегодня и планирую сделать. Даже не знаю, с чего начать, но я позволяю опуститься своему взгляду ниже, к его подкаченным бедрам, после чего перевожу свое внимание на его пенис... нет, то есть, на его член. Его член. Почему я должна быть настолько формальной и называть все анатомическими терминами? Но, черт побери, у меня не получится соблюдать формальность, думая о его члене. У него большой. У меня перехватывает дыхание, щеки горят. Тогда я понимаю, что я была только с одним мужчиной... до этого момента. Я останавливаюсь, эта мысль вгоняет меня в панику.

— Иди ко мне, — бормочет Дэкс, беря меня за руку и притягивая к себе на кровать.

Его взгляд блуждает по моему телу, и когда я начинаю паниковать, то тщетно пытаюсь прикрыться руками.

— Харлоу, мы не должны этого делать, если тебе не комфортно.

— Но мне *комфортно*, — почти сердито отвечаю я, убирая руки с груди, прежде чем Дэкс меня снова целует.

И в течение следующих нескольких минут это все, что он делает, — нежно целует меня и успокаивает мою внутреннюю тревогу, пока на ее месте не появляется потребность заняться с ним любовью.

— У тебя есть какая-нибудь... защита? — спрашиваю я, а Дэкс садится, тянется к джинсам и достает из бумажника упаковку презервативов, кладя ее на тумбочку.

— Конечно.

Глядя на презервативы, я еще сильнее краснею только потому, что давненько ими не пользовалась. С Джейфом мы пытались забеременеть, а не предотвратить это.

— Одного тебе будет мало, — вырывается у меня, прежде чем я успеваю остановиться и спрятать лицо у него на груди, когда он возвращается, чтобы лечь рядом со мной. — О, боже, не могу поверить, что только что это сказала.

— Не волнуйся, потому что до конца дня нам точно одного будет мало. Но пока нам это не нужно. Не люблю торопиться, Харлоу.

Дэкс толкает меня на спину, пока оставляет дорожку из долгих, неторопливых поцелуев на моей шее, груди и животе. После этого он устраивается у меня между ног, раздвигая бедра руками.

«Подождите! Он же не собирается этого делать, да?»

Я поднимаю руки, чтобы прикрыться.

— Дэкс, подожди...

Он поднимает глаза и вопросительно смотрит на меня.

— Если ты не хочешь, только скажи, и я не буду.

— Просто это так... никто никогда... то есть, никто...

Я не могу закончить. Это звучит печально. Словно это какая-то неизведанная страна, и во многих смыслах так оно и есть. Даже я сама еще ее не изведала.

Дэкс хмурит брови, когда снова приподнимается так, чтобы мы были на одном уровне. Отлично. Думаю, я все испортила.

— Что значит «никто»?

Я прикрываю лицо руками, но Дэкс убирает одну руку. Я открываю глаз и вижу, что он пристально изучает выражение моего лица.

— Но если ты хочешь, тогда...

— Это не только касается меня или того, что я хочу, Харлоу. Это касается тебя и того, чего хочется тебе. Ты хочешь?

Его слова удивляют меня. Не вопрос, а то, что это касается меня и того, чего хочется мне. Конечно, поначалу секс с Джейфом мне нравился, но это больше напоминало занятие сексом двух заучек, а вскоре это стало просто обязанностью из-за того, что нам очень хотелось завести ребенка. А после ЭКО его практически не стало. И дело было не в том, что член Джейфа был не таким уж и большим, в чем бы я никогда не призналась, даже Джейфу. Вместо этого, я годами убеждала себя, что дело не в размере парохода, а в движении океана.

— Ты бы хотела, Харлоу? — снова спрашивает Дэкс.

— Думаю да, но я должна предупредить...

Он еще больше хмурится, теперь выглядя озадаченным.

— Предупредить о чем?

— Я фригидна.

Дэкс пристально смотрит на меня.

— Ты, что?

— Я фригидна, — шепчу я так громко, насколько могу, словно это секрет, о котором я не хочу, чтобы кто-нибудь еще узнал.

Это тоже смущает.

— Точно? Так сказал доктор? Типа диагноза?

Я делаю паузу. Джейф действительно доктор.

— Ну, вроде того, но это не с профессиональной точки зрения.

— Так это он назвал тебя фригидной.

Говоря это, Дэкс кажется практически раздраженным, и теперь мне действительно не комфортно.

— Ну, да, — запинаюсь я. — Наверное, я просто... знаешь...

— Нет, не знаю, Харлоу. Скажи мне. Я не могу читать мысли.

— Я не достигаю... понимаешь... кульминации. Оргазма... что-то в этом роде.

— Это две разные вещи, Харлоу. Быть фригидной и не получать оргазма, — хмурясь говорит он. — А он?

— Ты имеешь в виду, была ли у него эякуляция?

— Нет, я имею в виду, он кончал?

Я чувствую, как мои щеки краснеют.

— Ну, да. Парни всегда это делают, — я вижу изогнутую бровь. — Разве нет?

На этот раз Дэкс отвечает не сразу. Как будто он гадает, как, черт возьми, ему как можно быстрее удрать от этой сумасшедшей женщины и, вместо этого, подцепить в городе кого-то нормального, без такого глупого багажа, как этот.

— Боже, Дэкс, мне так жаль, что я все испортила.

— Нет, не испортила, — отвечает он, убирая мне за ухо волосы. — Послушай, почему бы нам не начать сначала?

— Что начать? То есть, как?

— Вот так.

Дэкс опускает голову и нежно целует меня, его язык проходится по моей верхней губе. От такого поцелуя у меня в животе начинают порхать бабочки.

— Больше ни о ком не думай. Сейчас есть только ты и я. Ты. Я. И больше никого.

Его слова чередуются с поцелуями, и я не могу удержать вздох от переполняющих меня эмоций.

— Это все для тебя, Харлоу.

Другой рукой он скользит по моей груди, лаская ее. Большим и указательным пальцами он трет мой сосок. Затем он пощипывает его, и я задыхаюсь, мои глаза расширяются. Он наблюдает за мной, изучая меня своим взглядом, тяжелым от желания ко мне, его ноздри раздуваются. Такое впечатление, словно он всецело поглощает меня, каждым взглядом, каждым поцелуем, каждым прикосновением.

— Просто расслабься.

Губы Дэкса покидают мои, его язык проводит неторопливые круги по моей шее, вплоть до впадины у основания горла. Я чувствую, как дрожу от этих ощущений, которые настигают меня, мои ноги инстинктивно раздвигаются, когда он устраивается между ними, наши бедра встречаются, а его реакция упирается мне в живот.

— На счет меня или того, кончу ли я, не беспокойся. Я могу позаботиться о себе, но прямо сейчас, позволь мне позаботиться о тебе.

— Но...

Мое возражение сменяется стоном, когда его рука опускается на мою промежность, и он пальцами ощущает мою влажность. Он губами накрывает мой сосок, и я хватаюсь руками за простины.

— Просто позволь себе расслабиться и забыть об окружающем мире. Есть только эта комната. Только ты и я, под звездами в полнолуние, — бормочет Дэкс, когда скользит одним пальцем в меня, и я закрываю рот рукой, заглушая стон. Когда он большим пальцем находит мой чувствительный клитор, я сгораю от нетерпения. Он вводит в меня еще один палец, когда накрывает губами вторую грудь, покусывая сосок зубами.

— Дэкс...

Я перегружена от эмоций, то, что он делает со мной, — толкает меня за край, прежде чем вернуть обратно, не позволяя мне полностью потерять контроль. Еще не время. Дэкс прав. Мне нужно отключить свой разум и позволить своему телу взять верх. Когда он опускается вниз, его борода щекочет мне живот, а потом бедра, но я не сопротивляюсь. Он прижимается языком к моим скользким складочкам, и я откидываюсь назад на подушки, ощущая его теплый, райский язык.

Он хватает меня за бедра, удерживая на месте, когда я теряюсь в своих ощущениях. Я чувствую, как напрягается мое тело, как зарождается оргазм, пока Дэкс то посасывает мой чувствительный клитор, то трахает меня своим языком и пальцами. Наверное, я кричу, когда меня накрывает первый оргазм, а после него второй и третий. И когда я полностью расслабляюсь, наконец-то расслабляюсь, клянусь, я вижу звезды.

Глава 14

Дэкс

Когда Харлоу сказала мне, что ее никогда никто так не ласкал, сказать, что я удивился, было бы преуменьшением. Что она имела в виду, сказав такое? Она восхитительна на вкус, и я мог бы делать это еще дольше, чем час, который уделил этому, слушая, чувствуя, как она кончала для меня четыре раза подряд, а ее крики разносились по всей комнате, пока ее тело содрогалось от очередного оргазма. Малыш Дэкс умолял о разрядке, но ему придется подождать, не в то время, когда у меня была чертова миссия доказать Харлоу, чего она все это время была лишена.

Ее бывший что, слепой? Харлоу — самая красивая женщина, которую я когда-либо встречал. Обнаженная и уязвимая, она совершенна. Ее кожа пахнет ванилью и лавандой, она — женщина с мозгами и телом, созданным для греха, со своими идеальными изгибами; от всего этого я становлюсь твердым только при одном взгляде на нее. Ее грудь, ее тонкая талия, ее широкие бедра, даже горизонтальный шрам внизу живота — все это исключительно ее. А вкус этой женщины... не могу им насытиться, и мысль о том, что до сегодняшнего дня ее никто и никогда не пробовал, вызывает возбуждение, которого я никогда не ощущал ранее. Я чувствую себя долбаным Колумбом, открывшим Америку. Конечно, излишне говорить, что я мужик, и знание того, что я у нее первый в чем-то подобном, — ужасно заводит. С Харлоу для меня все ясно, и мне хочется, чтобы это все было только для нее.

Следующие пару минут я наблюдаю за спящей Харлоу. Теперь на ее лице не осталось ни следа напряжения, она вся сияет, полностью насыщенная, спящая со слабой улыбкой на губах. Это не миф, когда говорят, что секс помогает избавиться от накопившегося стресса. Он помогает, и даже не сам секс, а просто сексуальная разрядка, которая позволяет телу расслабиться. И, о, боги, Харлоу действительно расслабилась.

Я аккуратно убираю руку из-под ее головы и тихо поднимаюсь с кровати. Мне не выносимо оставлять ее, но я должен сделать пару звонков. Я должен был их сделать, как только приехал к Нане, в тот вечер, когда Харлоу вытащила свой пистолет, но у меня были дела за пределами главного офиса. Да мне и не хотелось тогда разнюхивать. Любопытничать не в моем стиле.

Но теперь все изменилось. Мне нравится Харлоу, очень, и это может стать опасным, как и говорила мне Нана в тот вечер, после нашей поездки в Национальный парк Бандельера.

«Я слишком тебя люблю, сынок. Просто будь осторожен, ладно? Она разобьет тебе сердце, так же как...»

«Со мной все будет хорошо, Нана» — пытался убедить ее я, не желая слышать их имена. Они неспроста стали бывшими. — «У меня все в порядке».

Но после сегодняшнего дня с Харлоу, я уже не так уверен в том, что у меня все в порядке. Я только что ударил ее адвоката, из-за того что он повысил на нее голос. И даже если засранец этого заслуживал, это все равно считалось нападением и избиением.

Я возвращаюсь в свою мастерскую, чтобы взять телефон. Подхожу к окну, луна скрыта за густыми облаками. Из-за ламп на солнечных батареях, которые я установил по периметру «Жемчужины» и даже на крыше, в темноте здание напоминает маяк, с фонарями, окаймляющими подъездную дорожку. Это хорошее место для тех, кто ищет покоя, хотя в данный момент, покой — это самое последнее, о чем я думаю.

Я хочу получить ответы.

Зачем ее адвокату лететь в такую даль, чтобы доставить ей документы? Сколько стоит эта недвижимость в Хэмптонсе? Должно быть достаточно много, чтобы заставить его тащить свою задницу сюда.

Я набираю номер своего друга, Коула Чемберса, юриста из компании «Чемберс, Мэйнард и Липман». Он пока не старший партнер, но его отец, Лионель Чемберс, возглавляет фирму, представляющую корпорации, наподобие моей. Лионель и мой отец дружат уже сто лет, и когда я начал делать себе имя на рынке мебельного бизнеса, стало

логичным, чтобы они представляли мою компанию. И хотя на меня никто не подавал в суд из-за сломанной ручки и не обвинял в неправильном дизайне, были люди, которые заявляли, что они изобрели что-либо раньше меня, но иски против меня не приносили им никакой пользы. Хотя, если благодаря этому их имена появлялись в заголовках новостей, риск того стоил.

— Здорово, приятель, как ты? — отвечает Коул после третьего гудка, когда я направляюсь в дальнюю часть «Жемчужины».

Не хочу, чтобы Харлоу услышала, о чем я собираюсь говорить.

— Слышил, Фиби Тэйлор будет представлять твою подругу, как только судья даст свое согласие.

— Думаю, на это потребуется время, верно?

— Возможно, но Фиби специализируется на таких вещах, именно поэтому я порекомендовал ее, — говорит Коул. — Итак, дружище, что случилось?

— Что ты знаешь о Джейффе? О ее бывшем?

— Может Манхэттен и невелик, Дэкс, но не настолько, — смеясь, отвечает Коул. — Он регулярно появляется в клубе, это я точно могу сказать.

— В том, куда ходит отец?

Коул смеется.

— Да, где твой отец восторженно болтает о твоих последних успехах и разработках.

— О, прекрасно. Он до сих пор это делает?

— Абсолютно точно. Как, по твоему мнению, ты получаешь все эти заказы, которые супятся на тебя практически без рекламы? Твой отец гордится тобой, приятель. Эй, я в курсе, что ты сейчас в своей берлоге, но твой старик еще во Флагстаффе?

— Да, и, наверное, ненавидит каждую минуту пребывания там, — посмеиваясь, отвечаю я.

На самом деле нельзя сказать, что отец ненавидит это место. Он просто терпеть не может оставаться там один, потому что ему становится грустно. В этом городе умерла мама, после того как у нее обнаружили рак; она влюбилась во Флагстафф, когда посещала своего старого школьного друга, который жил там. Также, именно там она попросила развеять часть ее пепла, и сейчас на том месте, где она обычно сидела у ручья за домом, растет береза. И, могу спорить, теперь отец общается с ней. Мы оба это делаем.

— Так, почему ты спрашиваешь об этом Джейффе? Из того, что я слышал, он какой-то известный хирург, но и его жена тоже. Она одна из ведущих хирургов-трансплантологов в стране. Или была, если верить слухам, — говорит Коул.

— Каким слухам?

— Моя кузина, Джен, работает в Общественной больнице Миллера, и она рассказывала мне, что доктор Джеймс полгода назад покинула больницу. Вот она занимается своими повседневными делами, а уже на следующий день — ее нет, — отвечает Коул.

— Халатность?

— Я не особо в курсе, но Джен сказала, что Джейф пригрозил Совету директоров, что перейдет в другую больницу, если они не отпустят ее. Так как он — глава трансплантационной хирургии, я уверен, что Совету пришлось тщательно обойти эту ситуацию, чтобы она не подала на них в суд. Но знаешь что? Джен говорила, что у доктора Джеймса были причины их засудить. Медсестры считают, что это было преследование, и что ее репутация безупречна. У них совершенно не было причин убирать ее таким образом. Меня не волнует, что два доктора находятся в разгаре тяжелого развода под одной крышей — это, конечно, плохо, но существуют способы обойти ситуацию юридически, — выдыхает Коул, прежде чем продолжить. — Джен также сказала, что у доктора Джеймса случился нервный срыв, после того, как она родила. Врачи не смогли спасти ребенка, и после такого ничего не могло спасти их брак. Они пять лет пытались завести детей.

— Джен хорошо осведомлена, — бормочу я, мои мышцы напрягаются при мысли о Харлоу и ее ребенке.

— Она работает в операционной, поэтому была там, когда все это происходило. Джен говорила, что все то время, пока его жена была беременна, у Джеффа был роман со своей помощницей. Все, кроме его жены, знали об этом. Доктор Джеймс была слишком занята, занимаясь своими рабочими делами и беременностью. Не могу понять, почему она просто не ушла в ранний декретный отпуск?

Если до этого я ненавидел этого мужика, то теперь я ненавижу его еще больше.

— Что-нибудь еще происходило?

— Не, просто обычное дерьмо при разводе, которое ты бы никому не пожелал, — отвечает Коул. — А у двух успешных людей, таких как Джефф Гарднер и Харлоу Джеймс, в итоге все сводится к деньгам. Кто что получит, сколько, снижение, повышение стоимости недвижимости, и так далее. Жаль, что она затянула с разводом, потому что теперь ему точно не удастся провести свою помпезную свадьбу в Хэмптонсе.

— Как ты можешь ее винить? И свадьба так скоро после смерти их ребенка? Еще ведь даже и года не прошло, — кипя от гнева, говорю я.

— Да, не прошло.

— Ты можешь поверить, что ее адвокат прилетел в такую даль, чтобы она подписала согласие отдать свою часть недвижимости в Хэмптонсе? Как он сказал, дословно: «Будь хорошей девочкой и подпиши», после такого она и сказала ему проваливать.

— Это было непрофессионально с его стороны. И пролететь весь путь до Нью-Мексико к своему клиенту — не очень разумно, — говорит Коул, теперь его голос звучит серьезно.

— Я ударил его.

— Это тоже было не очень разумно с твоей стороны. Очень надеюсь, что когда ты это сделал, он был на твоей территории. Тем не менее, это то, с чем я буду разбираться, когда он подаст на тебя в суд.

— Когда он подаст на меня в суд?

Коул посмеивается.

— Что я могу сказать? Он — юрист, и я тоже. Мы одного поля ягоды. Но тебя представляет одна из лучших фирм в городе, так что, даже если он это сделает, ты в надежных руках.

— Спасибо за поддержку, — с иронией отвечаю я. — Я это припомню, когда Майли пришлет мне информацию о размерах ванны, которую она хочет в качестве свадебного подарка для вас.

— Эй! Не делай мне проблем с моей девочкой, — протестует Коул, после чего на несколько секунд замолкает. — Дэкс, скажи, если это не так, приятель, но эта женщина тебе действительно нравится.

Ко мне возвращаются воспоминания о том, как Харлоу проявляет первые шаги мне навстречу, и внутри все сжимается. Этот поцелуй стал сюрпризом, хотя он, безусловно, не был нежеланным.

Я смотрю в сторону главной спальни, где спит женщина, которая никак не выходит из моих мыслей.

— Даже если нравится, не болтай об этом, хорошо?

Спустя час Харлоу просыпается, но она ничего не говорит, просто лежит, глядя в потолок. Все это время я наблюдаю за ней, запоминая контуры ее скул, форму носа, даже точное местоположение того, что похоже на шрам от ветряной оспы на ее левом виске.

Вернувшись в постель, я решил, что буду глазеть на самую красивую женщину из всех, какую я когда-либо встречал, — хирурга-трансплантолога и профессора. Меня даже не волнует, что она до сих пор, технически, замужем за сволочью.

Пока Харлоу спала, в ней была заметна уязвимость — в том, как она прижималась лицом к моей груди, когда я держал ее в своих объятиях. В ней не наблюдалось ни следа

хирурга-трансплантолога, который знает намного больше меня, я видел только женщину, в которую слишком быстро и сильно влюбился.

— О чём задумалась? — бормочу я, когда она поворачивается ко мне.

— Спасибо, что остался, — говорит Харлоу, ее голос хриплый.

— Я бы не хотел злоупотреблять гостеприимством, ты ведь оплатила свое *отдельное* проживание.

— Это всего лишь деньги, Дэкс. Сегодня есть, завтра нет.

— Ты права, — отвечаю я, сожалея о своих словах.

Мне пофиг на деньги. Единственное, из-за чего я сдаю «Жемчужину», — чтобы она не пустовала большую часть года. Мне нравится, что тезка моей матери служит пристанищем для людей со всего мира.

— А что если Фрэнк вернется? — спрашивает Харлоу, когда поворачивается ко мне лицом.

Обоснованное беспокойство, и я замечаю тревогу в ее глазах.

— Не вернется, если он понимает, что для него будет лучше. Думаешь, он вернется после того, что случилось?

— Нет, я просто поняла, насколько это изолированное место.

Я усмехаюсь.

— Правда? Только теперь?

— Нет, я поняла это, когда ты был, гм... — она опускает взгляд вниз, между нашими бедрами, укрытыми простынями, — занят там внизу; ты заставил меня так сильно кончить, что, могу спорить, я кричала.

— Кричала. Но я не жалуюсь.

— Это заставило меня подумать, что, хотя мне вряд ли придется беспокоиться на счет жалоб соседей, наверное, это не очень хорошо, если у меня вдруг возникнет какая-то проблема. Типа непредвиденной ситуации.

В ее словах есть смысл, но я тысячу раз оставался здесь один. Хотя, с другой стороны, ко мне не прилетают адвокаты с другого конца страны, чтобы я подписал документы, и если что, рядом живут братья Виллер, один из них бывший морской пехотинец.

— Ты бы хотела, чтобы я остался?

— Только сегодня, если у тебя нет других планов.

Я качаю головой.

— Ну, когда ты напомнила мне... Мне нужно отменить свидание с одной горяченькой цыпочкой.

— Ты бы не посмел, Дэкс Дрексел!

Она в шутку толкает меня в грудь, и я прижимаю ее к себе, вдыхая запах ее волос. Отлично, мой член реагирует на аромат ванили и лаванды. Харлоу смотрит на меня.

— Ты так и не понял...

— Нет, я не понял. Скажи мне, — отвечаю я и прищуриваюсь, когда она опускает взгляд, а ее щеки краснеют.

Я ошибаюсь, или Харлоу стесняется произносить слова? Конечно, это не возможно. Мне даже в голову не приходит, какое это может быть слово, но учитывая, что ее никто раньше не ласкал орально, может ли быть такое, что ее сексуальная жизнь была довольно скучной?

Но прежде, чем я делаю вывод о ее скучной сексуальной жизни, которая у нее была, пока не появился я, Харлоу засовывает руку под простынь и проводит рукой по моей груди до пупка. Ее рука опускается ниже, застигая меня уже твердого и пульсирующего. Когда она скользит ладонью по нижней части моего члена, обхватывая и нежно сжимая яички, я готов сорваться. Возможно, ее сексуальная жизнь до меня и была скучной, но Харлоу полна сюрпризов.

— Я очень надеюсь, что ты не просто дразнишь меня, Харлоу, — говорю я, полагая, что если она этого и не скажет, то я не против практической демонстрации. — Если ты дразнишься, то ты за это заплатишь.

Она наклоняется ближе и нежно целует меня в губы.

— Этого поцелуя хватит в качестве платы?

— Не-а.

— А как на счет еще одного?

Харлоу оставляет поцелуй на моей груди, ее язык кружит по моему левому соску, когда она обхватывает мой член рукой и снова сжимает.

— Уже лучше, но этого еще не достаточно, доктор Джеймс. Могу я предложить вам спуститься немного ниже?

— Серьезно?

— Серьезно.

Харлоу сползает ниже по кровати, ее язык проводит линию вниз по моему торсу. Когда она оказывается у меня между ног, я позволяю ей прижать меня спиной к кровати, пока я подкладываю под голову подушку так, чтобы я мог наблюдать за ней.

— Достаточно низко? — спрашивает она, и на этот раз я не могу произнести ни слова, когда Харлоу сначала проводит языком по нижней стороне моего члена, неспешно двигаясь от основания к кончику. Затем она накрывает головку ртом, посасывает, а после этого отпускает с тихим причмокиванием, прежде чем снова повторить эти движения, и делает так еще несколько раз, от чего я хватаюсь за простины и издаю стон.

Ее техника безупречна, ее руки тоже заняты, заставляя меня покрываться мурашками от спины до самых кончиков пальцев. Черт! Это все, что я могу делать, прежде чем наконец-то сдаться и кончить, и я уверен, что при желании смог бы это сделать, но я не хочу. Мне хочется быть внутри нее. Прямо сейчас.

— Черт, Харлоу! Ты изучала какое-то руководство?

Я притягиваю Харлоу к себе, так чтобы ее лицо было на одном уровне с моим. Еще немного ее губ на моем члене, и все закончилось бы.

Она игриво проводит языком по своим губам.

— Ну, благодаря твоему бесплатному Wi-Fi, не все мои интернет-исследования относились к трансплантационной медицине.

Я понятия не имею, как женщина может так возбуждать меня, заставляя желать рискнуть всем. Все, что мне известно, это то, что я хочу Харлоу Джеймс, если это вообще ее имя, хотя меня оно не особо волнует. Она может быть хоть Тельмой и Луизой в одном лице, с ружьем в руках и невероятной историей, которая мне вряд ли понравится.

Но сейчас мне плевать на детали. Единственное, что имеет значение, — это ощущение ее тела напротив моего, вкус ее губ на моем языке и то чувство, когда я внутри нее. Я толкаю ее на спину и целую в шею, проводя языком по коже между шеей и плечом. Она впивается пальцами мне в спину, когда я продолжаю, целую ее грудь и посасывая соски, один, затем второй. Я опускаюсь ниже, пробегая пальцами по спине, пока целую ее живот, проводя языком по шраму чуть выше лобка.

Я тянусь за упаковкой презервативов на тумбочке, разрываю ее зубами. Харлоу садится, как только я начинаю раскатывать презерватив по своему члену, и опускает свою руку на мою.

— Можно я? Это также часть моего исследования.

Я убираю руки, позволяя ей взять инициативу на себя, когда она приступает к делу с хирургической точностью, в то время как мой член пульсирует перед ней. Черт, она убивает меня.

— У тебя же есть еще, да? Потому что тебе точно одного будет мало, — дразнит она, когда я толкаю ее на кровать и располагаю свой член у нее между ног.

Я ощущаю, какая она уже влажная, и это ощущение такое пронзительное.

— У меня есть еще, — усмехаюсь я, — у меня еще целая пачка.

Глубоко целуя ее в губы, я погружаюсь в нее, чувствуя, как ее ногти впиваются в мою спину. Я чувствую, как она сжимается вокруг меня, приспособливаясь ко мне. Я начинаю задыхаться от ощущения, которое поражает меня.

Ее стоны заполняют комнату, голова откинута назад, когда она выкрикивает мое имя. Я двигаю бедрами, чувствуя, как ее внутренние стенки обволакивают мой член, и знаю, что больше не могу произнести ни слова. Я позволяю своим действиям сказать ей то, что мне хочется, чтобы она знала, — что она красива и восхитительна, и идеальна сама по себе, не важно, что там говорят голоса в ее голове.

Единственное, чего мне хочется в этом мире, это сделать ее счастливой, и если это еще одна пачка презервативов и изнеможение с утра в итоге, тогда так тому и быть. Но также я знаю, что дело не только в сексе. Есть кое-что еще, но я не собираюсь этого озвучивать. Пока нет.

Но когда я смотрю в карие глаза Харлоу, есть одна вещь, которую я не могу отрицать. Я растерян намного больше, чем раньше. Это ощущение затихает, только когда она прикасается к моему лицу, пока мы оба кончаем, и от вкуса ее губ, когда она выдыхает мое имя.

Глава 15

Харлоу

Вот, я это сделала. Фактически у меня только что случилась первая внебрачная интрижка! А ведь я, между прочим, все еще замужем, хотя в данный момент мне все равно. Честно говоря, на самом деле мне хочется сказать: «*Плевать я хотела на то, были ли это интрижка или нет*».

Мне понравилось. Кого я обманываю? Мне безумно понравилось!

А когда Дэкс занимался со мной любовью во второй и третий раз, мне нравилось это все больше и больше. Думаю, я на это подсела. Подсела на член. Член Дэкса. Ах, отлично. Я даже теперь произношу слово «член».

В голове все смешалось. Тело онемело. А может и не онемело. Оно болит. Особенно внизу. Лучше сказать ноет. А у кого бы не ныло, после того как оно всю ночь было в деле, всего лишь с перерывом на поздний ужин, который на самом деле был уже завтраком? У женщин такое бывает? Вполне может быть, однако не могу сказать, что мои исследования затрагивали тему того, что ощущают другие женщины, хотя я и занималась исследованием поз и минета, в частности, как сделать самый лучший, умопомрачительный минет. «*Спасибо тебе, Cosmo*».

У меня даже губы онемели, как и предплечья. Кто же мог знать, что мне нужно было больше тренировать руки? Может, они онемели из-за техники? Или может из-за того, что до Дэкса я никому не делала минет? Джейф, естественно, этого не желал, по крайней мере, от меня, мол, ему не хотелось видеть, как я занимаюсь «такими вещами», потому что я была выше этого, что бы он под «этим» не подразумевал. Конечно, тогда я повелась на его слова и после думала, что я совершенно особенная, настолько особенная, что он не может видеть меня, опускающуюся перед ним на колени, что, в свою очередь, давало ему оправдание не делать подобное для меня. Но это было до того, как я случайно услышала разговор медсестер о том, что Лейлани делала ему минет, чем потом она хваталась на вечеринке, на которой была одна из девушек. Вот так начался их роман — она в кабинете делала ему минеты, когда он задерживался допоздна, якобы заполняя карты пациентов. Конечно.

Мои мысли и вопросы смешались в голове, и это уже становится похоже на полномасштабную конференцию. Все наблюдения касаются моего тела и того, как я себя чувствую. Такое впечатление, словно я снова вернулась в свое тело после долгого отсутствия, хотя всегда при этом находилась в своих мыслях, думая обо всем подряд.

И вот я вернулась, хотя даже не вспомню, когда я вообще была со своим телом единственным целым. Я всегда оставалась приемным ребенком, который переходил из одной школы в другую, прячась за учебниками, в надежде, что однажды этой одинокой девочке, какой я была, не нужно будет, чтобы ее кто-нибудь захотел удочерить. Она бы не попала в какую-нибудь захудалую семью, которая не заслуживала даже одного ребенка под своей крышей. Эта девочка мечтала, как отгородится от остальных, станет преуспевающей, если не лучше, и самостоятельной.

«Ну, ты, действительно, ото всех отгородилась, Харлоу. Ты оттолкнула всех своим дурацким великолепием; и вот, ты здесь, в полном одиночестве».

Я заставляю себя вернуться к настоящему, обратно в постель, которую делю с Дэксом. Он еще спит и совершенно измучен, бедный мальчишка. Я терпеть не могу называть его мальчишкой, но он такой и есть. Я даже не знаю, сколько ему лет, но уверена, что ему еще нет тридцати, что значит, он младше меня более чем на десять лет. Он, должно быть, думает, что я изголодалась по сексу, как охотница на молоденьких самцов в погоне за следующей жертвой.

Но Дэкс бы не ошибся, подумав так. У меня не было секса с тех пор, как я забеременела Маркусом, то есть почти два года. Мы с Джейффом перестали заниматься сексом из-за стресса от лечения бесплодия, и, вероятно, потому что ЭКО позволило нам даже не утруждать себя попытками. Он эякулировал в стаканчик, в то время как мои яйцеклетки созревали в лаборатории, а после все сделало за нас оборудование. Мой график хирургических операций и конференций создал идеальные условия для того, чтобы убить сексуальное влечение у любого, включая меня. Я до сих пор помню, когда это случилось, хотя это никак не относилось к стрессу, но я сказала себе тогда, что больше никогда не стану об этом просить.

Той ночью я стояла у двери его кабинета в нашей квартире на Верхнем Истсайде, на мне было, как мне сказали, сексуальное белье, перед которым не устоит ни один мужчина — или женщина, если на то пошло. Но, видимо, об этом никто не сказал Джейффу. Он над чем-то работал в своем ноутбуке, на нем были наушники; наконец, он поднял глаза, после того как яостояла там почти две минуты, с каждой секундой чувствуя себя все неуютнее.

— Решила поиграть? — спросил он, подняв брови и довольно рассмеявшись.

Слова задели, но я не стала сдаваться. Я была настолько возбуждена, что мне было плевать, удовлетворит ли он меня своим крошечным членом, мне просто хотелось чувствовать себя сексуальной. Чувствовать себя женщиной. Мне хотелось, чтобы он желал меня не потому, что мне нужно было забеременеть, а просто так, желал как женщину.

— Я просто подумала, может мы с тобой...

— Брось, Харлоу. Ты ведь выше этого. Ты же моя жена, а не какая-то дешевая шлюха. Теперь сними это, и давай сделаем вид, что этой чертовщины не было. Если ты хочешь, чтобы мы занялись этим, выбери время получше.

И после этого Джейфф усмехнулся, качая головой, прежде чем вернуться к тому, что он рассматривал на своем ноутбуке.

До этого момента я думала, что он работает над новой исследовательской работой, но это было не так. По отражению какой-то женщины в его очках для чтения, мне стало совершенно ясно, что для него в ту ночь было важнее, как и каждую ночь после этой. Но я не собиралась опускаться до его уровня и делать ему выговор, не после того, как меня только что отвергли, как дешевую шлюху, чья пригодность уже давным-давно истекла.

Два года спустя, после того как он посмеялся надо мной, я все еще слышу его колкости каждый раз, когда чувствую себя уродливой. Но, в тоже время, мне стоило узнать, насколько он ненавидел меня, и, привыкнув слышать, как меня представляют «супругой доктора Гарднера», он внезапно обнаружил, что ощущает себя в роли «мужа доктора Джеймса».

«Мне нужна жена и мать для моих детей, Харлоу», — сказал он мне после того, как кто-то представил его как мужа доктора Джеймса на конференции, где мы оба выступали докладчиками, — «а не та, которая будет соревноваться со мной за каждое проклятое достижение».

Мне стоило больше времени проводить дома, как того и хотел Джейф. Мне стоило сократить свои часы в больнице и больше заботиться о себе, чтобы тело стало готовым к вынашиванию плода, вместо того чтобы считать, что я могу успеть все: быть женой, матерью и хирургом.

Но что хорошего из этого бы вышло? Мне не хочется быть женой Джейфа. Конечно, тот день, когда кто-то вручил мне документы о разводе на глазах у моих пациентов, стал самым унизительным днем в моей жизни, но и тот момент, когда Джейф посмеялся надо мной, тоже был унизительным. После той ночи, мне больше не хотелось быть его женой или партнером, быть тем, кого он явно терпеть не мог, но с кем оставался из-за того, что развод мог плохо сказаться на его репутации. *«Нашей репутации»*. Мы были командой, именно поэтому я тоже не уходила от него до тех пор, пока мы внезапно не перестали быть командой. Несколько месяцев спустя, в одиночестве держа Маркуса на руках в больничной палате, до моего упрямого разума наконец-то дошло: Джейф даже не смог поддержать на руках своего мертворожденного сына.

Я поднимаюсь с кровати и накидываю халат. *«Почему эти воспоминания не могут оставить меня в покое?»* Черт побери, я хочу, чтобы настоящий момент касался только Дэksа, а не Джейфа. Я выхожу в гостиную, на столе еще осталась еда, из того что передала Анита. Тамалес для него и немного греческого салата из местных продуктов для меня. Я слишком нервничала, чтобы полноценно поесть, ведь все, чего мне хотелось, — это оседлать Дэksа на любой поверхности, которая могла бы нас выдержать. Мы даже смотрели на восход солнца из внутреннего дворика, прежде чем поспешить обратно в спальню и снова заниматься любовью до тех пор, пока он не пожаловался, что Малышу Д, который на самом деле был совершенно не маленьким, нужен перерыв. Ему тоже нужно было поспать.

Я не могу сдержать улыбку. Все, что окружает Дэksа, — это молодость и счастье, которые сейчас мне очень необходимы. С тех пор как я остановилась в *«Жемчужине»*, сегодня утром я впервые наблюдала за восходом солнца с настоящей улыбкой на лице. Казалось, солнце очищает меня от всякого сожаления, за которое я держалась как за броню.

Поэтому прямо сейчас я беру то, что могу. Через две недели моя жизнь вернется в обычный режим. Даже с отсрочкой развода, Джейф, вероятно, проведет церемонию в нашем доме в Хэмптонсе просто потому, что он это может сделать, — я дала свое разрешение через Фрэнка по плохой связи, когда останавливалась в Хьюстоне, тем самым впервые пойдя на попятный. Меня тогда не волновало, женится ли он на нашей лужайке или нет, но я точно уверена, что теперь мне определенно не все равно.

Проведенное время с Дэksом что-то пробудило во мне, и порой меня это «что-то» пугает. Такое ощущение, словно во мне живет новый человек, которого я едва знаю, но хочу узнать. После долгого эмоционального оцепенения я чувствую себя более живой, чем когда-либо прежде, и теперь я не могу не чувствовать себя эгоисткой. Мне хочется, чтобы все, что когда-либо было моим, вернулось ко мне.

Кроме Джейфа. Его Лейлани может оставить себе.

Пару минут спустя я вижу у себя в телефоне сообщения. Два от Кэти, в которых говорится о том, что ей нужно, чтобы я просмотрела несколько медицинских карточек на приватном сервере. Она также пишет, что мне нужно ответить на приглашение на вечеринку Пэнни, и что мне следует проверить свою электронную почту, поскольку приглашение еще не было просмотрено. Остальные два сообщения были от отца Пэнни, сенатора Леона Кингстона, который просит меня перезвонить, как только я получу его сообщение. Он отвечает после второго гудка.

— Здравствуйте, сенатор, это я, доктор Джеймс.

— Я слышал вы уехали из города? Кэти сказала, вы в... как там его... в Таосе? В Нью-Мексико?

— Да, так и есть, здесь чудесно.

Сенатор Кингстон ухмыляется.

— Я не хочу лезть не в свое дело, но когда Кэти сказала, где вы находитесь, моя малышка немного встревожилась. Она боится, что вы вообще не вернетесь в Нью-Йорк. Ей нужно было узнать, где находится Таос.

— И я надеюсь, она узнала. Многие думают, что этот штат по-прежнему относится к Мексике.

Он смеется.

— Нет, она довольно хорошо разбирается в географии. Она сохранила все открытки, которые вы ей присыпали, и Пенни рассказала мне, что последнюю она получила из Альбукерки месяц назад.

Я вздыхаю. Неужели уже прошло больше месяца с тех пор, как я впервые остановилась в Альбукерке и провела бесплатный прием для пациентов Андрея? Было приятно вернуться к своей работе — консультировать пациентов, которые больше всего нуждались во мне, но которые не смогли бы позволить себе оплатить мои услуги. Неспроста я доктор Пенни Кингстон, а у ее отца есть номер моего мобильного.

Я стала своего рода элитным хирургом, которому отдают предпочтение богатые и знаменитые, не волнующиеся на счет страховых доплат и растрат, желающие, чтобы я проводила для них необходимые операции или консультации, когда нахожусь в Хэмптонсе. Прием пациентов в клинике Андреа практически напоминал покаяние, и, возможно поэтому, она в итоге предложила посмотреть на остальную часть штата и найти работу.

«Ты не можешь всю жизнь принимать пациентов бесплатно, Харлоу. Только то, что тебе здесь хорошо, не меняет того факта, что ты от чего-то бежишь, и я боюсь, что ты бежишь от самой себя».

— Прошу, скажите ей, чтобы она не волновалась. Я приеду.

Но когда я произношу эти слова, то понимаю, что если поеду обратно, мне нужно уже начинать готовиться к отъезду. Вместо этого, единственное, что я делаю, — это думаю о спящем на кровати в спальне позади меня молодом человеке и задаюсь вопросом, когда же я снова смогу быть с ним.

— Если хотите, я могу отправить за вами самолет. Думаю, в Таосе есть муниципальный аэропорт, а если нет, то он, безусловно, есть в Санта Фе. Мы летаем туда несколько раз в год, — говорит он перед паузой. — Но это не единственная причина, по которой мне нужно было с вами поговорить. У меня также есть для вас предложение.

— Предложение?

— Я знаю, вы никогда не расскажете о том, что произошло в больнице Миллера, и я отдаю вам за это должное, но один из моих приятелей упомянул, что имеется должность, которая бы идеально вам подошла.

— Какая должность?

— Директора детской трансплантационной хирургии в Больнице Нью-Хейвена, — отвечает он. — Видимо, они ищут кого-то, кто уже преуспел в качестве директора, но, рассказывая о состоянии Пенни, безусловно, было упомянуто ваше имя.

— Ничего себе, — это все, что мне сначала удается произнести. — Но я не искала работу.

— Ну, теперь у вас есть повод, — отвечает сенатор. — Она ваша, если хотите, и я знаю из первых уст, насколько вы компетентны для этой должности, и люди в Нью-Хейвене тоже знают. Просто нужно, чтобы вы дали им знать, если вы заинтересованы, и эта должность ваша, но у вас есть только две недели, чтобы сообщить им ответ, после этого у вас будет еще около полугода, чтобы устроиться.

Это значит, мне понадобится переехать в Коннектикут, что не так уж и плохо. И это не так далеко от Нью-Йорка. Я даже смогу начать все заново. Я слатываю, у меня внезапно пересохло в горле. «*Тогда почему я ничего не отвечаю? Почему я не прошу у него контакты?*»

— Я знаю, это шок, но подумайте об этом. Мой ассистент отправит вам все детали, — добавляет он. — Нью-Хейвен совсем недалеко, и вы по-прежнему будете личным доктором-хирургом Пенни, как она вас называет.

— Благодарю вас, сенатор, — удается произнести мне, мой голос охрип. — Вы не обязаны этого делать.

— О, но я хочу. Вы подарили моей дочери новую жизнь. Скоро она побежит на улицу играть со своими друзьями и снова вернется к нормальной жизни. Вы даже не представляете, насколько осчастливили нас. На самом деле, моя дочь скучает по вам больше, чем вы думаете.

— Я тоже скучаю по ней, но вы должны помнить, что я всего лишь ее хирург. Доктор Рой — ее терапевт.

Я слышу, как сенатор Кингстон вздыхает.

— Да, но вы были первой, кого она увидела после операции. Вы остались с ней на всю ночь, когда я думал, что моя жена все это время была в больнице, а она уехала домой. Помните? Вы даже не представляете, что это значит для меня.

Конечно, я помню. Я не могла поехать домой, в нашу пустую квартиру в Ист-Сайде, зная, что там все еще имеется детская комната, которую нужно было разобрать. Наша домработница не хотела принимать ничего, из того что я хотела ей отдать, говоря, что все, что я купила для Маркуса было проклято. Она была суеверной и ужасно впечатлительной. Я решила ночевать у постели Пенни больше по собственным причинам, чем из-за самой Пенни. Она дала мне повод не возвращаться домой, особенно, когда это был уже не дом, а просто очередное дорогостоящее пространство, окруженное четырьмя стенами, с видом на Центральный Парк.

— Я просто сделала то, что сделал бы любой другой врач, сенатор, — бормочу я, слыша движение в спальне. — Простите, но я должна идти. На днях я свяжусь с вами на счет дня рождения Пенни. Я ни за что не пропущу его. Пожалуйста, обнимите ее за меня.

Я отключаюсь, как раз когда Дэкс выходит из спальни уже одетый в джинсы и рубашку, в которых он был вчера. Он даже надел обувь.

— Ого, ты уже на ногах и оделся. А я думала, у нас будет еще один раунд.

— Может, позже, — говорит он, усмехаясь. — Ты вымотала меня, ненасытная женщина.

— Так поэтому тебе не терпится удрать от меня, пока я снова не наброшусь на тебя?

Дэкс подходит ко мне и целует в кончик носа.

— Нет, но Нана волнуется. Я не вернулся домой вчера вечером и даже не предупредил, — он делает паузу, когда на моем лице появляется тревога, после чего продолжает. — Мне написал Бенни и сообщил, что они с Сарой составляли ей компанию за просмотром мексиканской мыльной оперы до четырех утра. Она сказала, что не может заснуть, потому что слишком поздно выпила кофе, но они подозревают, что она ждала меня. Бенни пишет, что теперь он больше ценит мексиканские сериалы.

— Я понятия не имела, что у тебя есть комендантский час, Дэкс.

— Я тоже. Но это я виноват. Я не сказал ей, что не вернусь ночевать. Насколько мне известно, предполагается, что здесь мне можно оставаться только днем.

— Так что ты ей скажешь?

Он пожимает плечами.

— Правду.

— Что ты спиши со своей гостьей?

— Что я остаюсь здесь переночевать, — прямо отвечает он. — Ты сама говорила. В «Жемчужине» шесть спален, три ванные и...

— Хорошо, хорошо, я тебя поняла, — смеясь, говорю я, пока Дэкс продолжает игриво перечислять преимущества «Жемчужины», он понижает голос, когда прижимается носом к моему лицу. — Забавно, что даже со всеми этими удобствами, в итоге ты все равно оказываешься в комнате, которая уже занята.

— Это потому, что та комната самая лучшая. Как в сказке про Златовласку и три медведя. Она выбрала лучшую комнату в доме.

— Правда? — я игриво смотрю на него. — Так, значит, ты — Златовласка?

— Тихо, — улыбается Дэкс, обнимая меня за талию. — Нет, я маленький мишка, и сейчас ты спиши в постели маленького мишкы. Но его учили делиться, именно это он и делает.

— Но ты не такой уж и маленький, как думаешь. Ты больше, чем тебе кажется, больше чем... О!

Я останавливаюсь, когда лицо Дэкса мрачнеет, и я могу догадаться, о чем он думает. Прошлой ночью, пока мы пробовали разные позы, его презерватив порвался, и это его напугало.

— Харлоу, — отстранившись, произнес он, — я не хочу, чтобы ты...

Я не позволила ему закончить, прижав палец к его губам.

— Я не забеременею, если это то, что тебя беспокоит, Дэкс. Я на таблетках.

На самом деле, я не должна была этого делать, но последнее, чего мне хочется, так это чтобы он переживал, что я залетела, — не при том, когда моя единственная беременность произошла благодаря ЭКО.

Дэкс улыбается, прислонившись ко мне лбом.

— Тогда я должен называть себя Большим Медведем? Это сделает Златовласку счастливой?

Дэкс не дожидается ответа и целует меня, его язык проскальзывает между моих зубов, и я чувствую, что у меня подкашиваются коленки, а в животе неистово порхают бабочки. Мои руки опускаются вниз, скользя по его широкой груди к узким бедрам, к его джинсам, где он уже в боевой готовности. Я провожу ладонью по его эрекции через джинсы, моя фантазия разыгрывается на тему того, что мне хочется сделать с ним при свете дня.

— Ты опять готова приступить к делу, — бормочет он.

Я дуюсь.

— Да, но, к сожалению, ты уезжаешь домой.

— Я должен, — говорит он, выдыхая, когда я убираю руку от его джинсов и даю ему передышку. — Мне нужно убедить Нану, что со мной все в порядке.

— Ты вернешься?

— Ты бы хотела? — спрашивает Дэкс.

— Да. Я даже пообещаю тебя не лапать.

Я замечаю румянец на его щеках, когда он смотрит вниз.

— Не уверен в этом обещании, но вечером я вернусь. Может у нас получится как-то развлечься... поужинать вместе, или еще что-нибудь.

— Было бы здорово.

— Если вернется Фрэнк, не впускай его. Позвони мне, ладно? Я скажу братьям, чтобы за ним присмотрели, если что.

— Братьям?

Дэкс кивает головой в сторону окна и показывает на ближайший эподом, находящийся где-то в четверти мили от «Жемчужины». Он намного меньше, и я вижу два грузовика, припаркованных снаружи, их стекла отсвечивают солнечные лучи.

— Там живут Тодд и Сойер Виллер. Они помогли мне построить «Жемчужину», и иногда они приглядывают за домом, когда его кто-нибудь арендует.

— О!

— Они хорошие люди.

Дэкс еще раз целует меня, после чего я провожаю его к двери и заставляю себя отвернуться, когда он уезжает. Мне не хочется смотреть ему в след, «Жемчужина» и так уже кажется без него слишком опустевшей. Но, может, у меня такие ощущения только потому, что Дэкс ужасно хорош в постели, и вскоре мне надо будет вернуться домой.

«Это временно», — говорю я себе, когда заставляю себя выбросить из головы все мысли о Дэксе, затем включаю ноутбук и приступаю к работе.

Глава 16

Дэкс

«Мне двадцать семь, и в последний раз, когда я гостил у Наны, у меня не было гребаного коменданского часа».

Вот, что я повторяю себе снова и снова, по дороге к дому бабушки. Разумная мысль, но тогда почему все это происходит? Потому что, в действительности, я чувствую себя ужасно, так как нарочно не сказал Нане, что не вернусь на ночь, понимая, что она догадается, что я сплю с Харлоу?

По тому как я бегаю за Харлоу, словно собачонка, Нана уже поняла, что эта женщина меня зацепила. Я вслушиваюсь во все, что она говорит, хотя Харлоу почти ничего и не рассказывает о своей жизни. Все, то немногое, что мне известно о ней, — это информация, предоставленная чертовой PR-компанией.

«Сынок, она никому не доверяет. Ей сделали больно, и я боюсь, что она тоже причинит тебе боль».

Кто знает? Возможно, Нана права. Но я не могу отрицать того, что говорит мне мое сердце, черт, все мое тело кричит с тех пор, как я впервые столкнулся с ней. Рядом с Харлоу оно трепещет, заставляя чувствовать себя таким живым. Все, о чем я могу думать, так это о том, сколько всего мне хочется сделать, фантазируя о ней. Изысканные ящики, шкафы, дверные рамы с луной и звездами, — именно так я представляю ее, озаряющую мое ночное небо. Мне хочется создать ванную в форме цветка лотоса и назвать ее именем, может, из какой-то экзотической древесины, которой у меня пока нет. Черт! Коул прав. Мне нравится Харлоу. Нет, она мне не просто нравится. Я влюблена в нее. Сильно.

Прямо перед перекрестком на пути к дому Наны я разворачиваюсь обратно в город. Сначала мне нужно кое-что сделать, даже если это значит, что я слишком много на себя беру. Будет ли вообще для нее что-то значить тот факт, что я делаю для нее то, чего никогда не делал раньше? Пофиг. Сейчас это важно для меня. Я поеду к Нане после того, как все сделаю.

Я смотрю в зеркало заднего вида, радуясь, что не вижу признаков того, что произошло несколько часов назад. Нет никаких отметин, и это хорошо. Я уже выгляжу как влюбленный щенок, каким и являюсь. Последнее, что мне нужно, так это люди, которые увидят на мне следы, оставленные Харлоу. *«Черт, а у этой женщины острые зубки!»*

Спустя десять минут я вхожу в офис «Семейная Практика Вассеса» и подхожу к стойке администратора, откуда на меня с подозрением поглядывает Клаудия Ромеро. Она поразительная женщина с карими глазами, которые она подчеркивает излишним слоем подводки для глаз, и тонкими губами, которые она красит ярко красной помадой. На самом деле, под этим слоем макияжа она сама по себе очень красивая девушка, но, в то же время, макияж — это ее хобби. Когда она не мучает посетителей вроде меня из-за стойки, то делает макияж для подростков на кинсињеру и невест (*прим. день совершеннолетия в странах латинской Америки, 15-летие*). Она точно не рада видеть меня, но я здесь в качестве пациента, а не как друг детства или бывший парень.

— Чего ты хочешь, Дэкс? — ее голос звучит резко, соответствуя сердитому выражению лица, и я насмешливо смотрю на нее.

«Черт, что мне теперь делать?»

— Мне нужно к врачу.

— Ты записан?

Я оглядываюсь по сторонам и вижу, что все места пусты, а журналы валяются в беспорядке.

— Нет, Клаудия, но здесь больше никого нет, так что, думаю, он может принять меня сейчас.

— Здесь никого нет, потому что у нас обед, и я как раз собираюсь запереть двери. Тебе нужно будет вернуться, когда мы откроемся, в три.

Она указывает на часы позади нее, давая мне понять, что сейчас только начало второго.

— Мне нужно к нему сейчас, Клаудия, если он свободен. Я знаю, что он здесь, потому что его машина снаружи, — я ставлю локти на стойку и вовлекаю ее в противостояние «кто кого пересмотрит». Габриель «Гейб» Вассес — один из моих лучших друзей, будучи первым врачом в своей семье, все время работает. Он мог бы работать полный рабочий день в какой-нибудь большой клинике в крупном городе, но, вместо этого, он решил открыть небольшую частную клинику поближе к дому. Чтобы было легче оплачивать свои студенческие ссуды, он каждые выходные ездит в Альбукерку, чтобы отдежурить две смены в качестве врача скорой помощи какой-то крупной частной больницы.

— Нет, — нахмутившись, отвечает Клаудия. — Он занят.

— Мне не послышалось, это Большой Д? — доносится голос из коридора, и Клаудия закатывает глаза, пока губами произносит «везучий гад», и отодвигается от стойки.

Я морщу нос на ее реакцию, и она еще больше раздражается.

Сказать, что наш разрыв с Клаудией не прошел гладко, было бы преуменьшением, учитывая, что она до сих пор на меня злится. Гэйб, Клаудия и я выросли вместе, и я встречался с ней со старшей школы. За всю жизнь серьезные отношения у меня были только с двумя девушками, с ней и Мэдисон. Но почему-то Клаудия считает, что я бросил ее ради Мэдисон, даже несмотря на то, что это она первой изменила мне с каким-то парнем, с которым познакомилась у бара в Альбукурке, не зная, что я тоже был в городе на тех выходных, и в том же клубе, надеясь удивить ее. Парень сам все разболтал, когда пошел отлить в мужской туалет.

«Приятель, тебе нужно больше внимания уделять своей подружке. Я только что трахнул ее, и ей понравилось».

Парень был настолько пьян, когда говорил это, что едва мог держаться в вертикальном положении, но мне было плевать. Менее чем через минуту он стал пьяным, лишившимся парочки зубов и цепляющимся за писсуары, пока в итоге не поскользнулся и не упал лицом в мочу. Он был первым на кого я напал и был бы последним, если бы не адвокат Харлоу. Мои родители и Нана потратили все лето на мое обуздание, решая проблему управления гневом, хотя позже мама призналась, что поступила бы также, будь она мужчиной.

Помню, я спросил ее: «*А что бы ты сделала, если бы это была женщина?*»

«*Точно также врезала бы ей, чтоб искры из глаз полетели».*

Позже Клаудия сказала мне, что она сделала это, чтобы заставить меня ревновать, надеясь, что я буду больше времени проводить с ней, нежели со своим наставником Такэши-сан по искусству японских столярных изделий. Прошло четыре года, а она по-прежнему смотрит на меня, как будто я самый презренный человек на земле, отдающий предпочтение своему ремеслу. Я бы ни на что не променял этот опыт, учитывая, что годом позже Такэши-сан не стало.

Гейб выходит из кабинета и приглашает меня войти. Я открываю дверь, игнорируя Клаудию, когда она раздраженно проходит мимо меня. Если бы она не была кузиной Гейба, то ее давно бы уже уволили, но она знала, что ей это не грозит. И, естественно, я закрываю на это глаза. Таос — маленький город, и мы трое выросли вместе. Мы с

Клаудией были первыми друг у друга — первой любовью, первым сексуальным опытом, первым разрывом, хотя последнее повторялось несколько раз. Возможно, однажды мы просто посмеемся над этим, но это случится не сегодня.

— Говорю тебе, ты ей до сих пор нравишься, — посмеиваясь, произносит Гейб. — Ты же до сих пор один, верно?

— Заткнись.

Гейб смеется, когда быстро обнимает меня. Вероятно, он бы возненавидел меня за то, что я разбил сердце его кузине, если бы не был в той уборной вместе со мной и не услышал того, что сказал тот паренек.

— Думал, что ты появилась в городе не раньше, чем через две недели.

— Да, но в моем графике все изменилось, — отвечаю я. — Неудивительно, что отец ведет себя, словно «что значит, я должен приехать туда и взять все под свой контроль?». Но он знает, что ему не стоит возмущаться. Он тоже считает, что мне нужно восстановить свои силы, как и Нана.

Гейб закатывает глаза.

— Ну, ты должен делать то, что должен, приятель. Ты получаешь награды, безусловно, но иногда, ты просто обязан найти время встретиться со мной, — он делает паузу и глубоко вздыхает. — Итак, ты здесь в качестве пациента. Впервые. Что-то подцепил, или как?

Я уставился на него.

— Кажется, ты потерял чувство юмора где-то по пути между Флагстаффом и Таосом.

— Мне нужно, что бы ты сделал мне анализ, — говорю я, перенеся вес с ноги на ногу. — Знаешь, что-то из того, где видно, есть ли у тебя венерическое заболевание, что-то в этом роде. И есть ли ВИЧ. Что там нужно взять, чтобы доказать, что человек чист?

— Ты на полном серьезе, да?

— А ты как думаешь?

— Тебе придется пописать в стаканчик.

— Будет сделано.

— Я возьму у тебя соскоб со щеки, как показывают в «Место преступления» (*прим. американский сериал про работу сотрудников криминалистической лаборатории*).

Я пожимаю плечами.

— Зубы я почистил, так что мое дыхание тебя не убьет.

— Мне придется взять кровь.

Я улыбаюсь.

— Вперед, приятель.

Гейб глубоко вздыхает и хлопает меня по плечу.

— Ладно, начнем.

Одна из его медицинских сестер еще была в офисе, наклеивая стикеры на флаконы, — сегодня точно удачный день. После того как она берет у меня соскоб со слизистой оболочки щеки и просит помочиться в стаканчик, она предлагает мне присесть напротив нее и зажать руку в кулак, пока завязывает резиновый жгут вокруг моего бицепса. Я даже не могу посмотреть на бейджик с ее именем, чтобы завести непринужденный разговор, не с таким сумасшедшим сердцебиением, когда я ощущаю, как игла пронзает мою кожу. Через пару минут она заканчивает, и я глубоко вздыхаю, когда она говорит мне прижать пальцем кусок марли и заклеивает его пластырем. Так как я — тот, кто не выносит иглы и вид крови, мне не верится, что я это делаю.

— Пожалуйста, еще раз проверьте свое имя на стикерах, — говорит она, прежде чем указать на несколько листков медицинских бланков, и вручает мне ручку. — Подпишите здесь и укажите свое имя.

Как только я заканчиваю подписывать бланки, я спешу из комнаты и встречаю в коридоре Гейба.

— Итак, кто она? — спрашивает он, подзывая меня в свой кабинет и предлагая присесть. — Раньше ты никогда не просил меня о таком. Но не волнуйся. Я никому не скажу. Твоя информация конфиденциальна.

— А Клаудия?

— Если она не хочет, чтобы наш офис имел проблемы с законом о конфиденциальности медицинских данных пациентов, тогда она не проболтается. Но я могу завести результаты в «Жемчужину», как только их получу, так чтобы их больше никто не увидел. Хочешь, чтобы я это сделал?

— Было бы отлично. Сначала набери меня, на случай, если меня не окажется в «Жемчужине».

Гейб хмурится.

— Ты остановился у Наны? Чего вдруг?

— Потому что мой дом арендуют, — я задаюсь вопросом, как много я должен ему рассказать, но решаю, что сегодня неподходящий день для объяснений. — На самом деле, все запутанно.

— Чего так? — Гейб с любопытством смотрит на меня. — Ты же не думаешь, что что-то подцепил?

Я качаю головой.

— Черт, нет. Может быть, я и таскаюсь по бабам, но я за безопасный секс.

— Но...?

Я вздыхаю. Нет, пока я не готов никому рассказывать.

— Ты же знаешь, что делать, приятель.

— Это она тебя попросила?

Я начинаю подниматься с кресла.

— Нет. Это моя инициатива. В любом случае, позвони мне, как только получишь результаты, ладно? Не хочу занимать твой обеденный перерыв.

— Это та женщина, с которой ты на днях ужинал? Все только и говорят об этом.

Нахмурившись, я сажусь обратно. Я знаю, что Таос — небольшой городок, но чтобы *настолько*.

— О чём все говорят?

— Диами рассказывал своим одноклассникам о тете-докторе, которую Дэкс привел к ним на ужин, — усмехаясь, отвечает Гейб. — Он сказал, что она рассказала ему, как работает пи-пи.

— О, здорово, и я не сомневаюсь, что многое из того, что она поведала, теперь утрачено в этом рассказе.

Я делаю мысленную пометку сказать Диами перестать трепаться о моей личной жизни, или я скажу Санте, не дарить ему на Рождество X-box.

— Теперь ты в курсе, почему Клаудия пререкается с тобой, опять.

— Она не может перестать надеяться, что мы снова сойдемся, — говорю я. — Разве она не встречается с, как его, Тони?

— Тони? Не-а, больше нет. Он работает над каким-то сериалом в Ванкувере, но она не захотела туда переезжать. Можешь представить Клаудию там? Она типичная жительница юго-запада, это даже не смешно.

Мы оба, смеясь, качаем головами, понимая, что ничем не отличаемся от нее. Я даже себя там не могу представить. Я слишком люблю солнце. Точно также, как и мама, я терпеть не могу снег, и поэтому никогда не мог понять, как она вынесла Нью-Йорскую зиму, когда училась в Колледже Хантера. Она познакомилась с отцом, когда вместе с друзьями зависала в одном из баров в Мидтауне. Он по старинке ухаживал за ней, даря ей букеты цветов, водя на ужины и пикники в парке, и даже писал ей любовные письма, когда она возвращалась на каникулы в Таос, что по существу покорило даже сердце Наны.

После того как они поженились и родилась Сара, мама попыталась прижиться на Манхэттене. Брокерская компания отца находилась как раз в Финансовом Округе, но в

итоге, она больше не смогла терпеть ежедневные автомобильные сигналы и крики сердитых жителей Нью-Йорка. К тому времени, как она забеременела мной, мама решила переехать обратно, к Нане, и папе пришлось смириться с этим. Черт возьми, он до сих пор с этим мирится, хотя на этот раз, он может следить за делами моей компании из Флагстаффа, и время от времени заскакивать, чтобы поздороваться с Сарой и Наной.

— Почему бы вам обоим завтра не приехать к нам? У нас будет барбекю, — говорит Гейб. — Теперь мне любопытно узнать все про эту женщину, особенно если она может произвести такое впечатление на Диами, или заставить тебя приехать сюда и позволить, чтобы кто-то проткнул тебя иглой, не получив за это от тебя между глаз.

— Она просто может быть занята, но я спрошу у нее.

— Она же в отпуске, верно? — говорит Гейб. — Приезжайте к двум или трем. Черт возьми, да в любое время, если на то пошло. Приятель, я буду жарить стейки на гриле.

— Поживем — увидим.

— Мы устраиваем барбакоа (*прим. с исп. барбекю*), — добавляет он, напевая.

Я несколько секунд пристально смотрю на него, во рту появляется слюна при мысли о мясе средней прожарки, с соусом со специями и рисом с соком лайма, и бутылках охлажденного пива.

— Тебе лучше все-таки устроить барбекю, приятель. Не мучай меня.

Гейб усмехается, изучая меня.

— Должно быть, она тебе действительно нравится, Дэкс. Ты никогда таким не был.

— Заткнись, — отвечаю я, когда звонит стационарный телефон Гейба, но он ждет пока звонок не перейдет на голосовую почту.

Я поднимаюсь с кресла. Еще немного разговоров о Харлоу и я начну заливаться о том, как сильно она мне нравится и как быстро все завертелось. Это совершенно на меня не похоже.

Гейб тоже поднимается со своего кресла.

— Ну, если у тебя получится, то будет отлично. Если нет, тогда увидимся в другой раз. Народ с удовольствием встретился бы с тобой. Но я постараюсь заехать сразу, как только получу результаты.

— Только не проболтайся.

— Конечно, нет. Приятель, я же все-таки врач. Мы никому ничего не рассказываем.

Я не могу удержаться от смеха. Это напоминает одного доктора, с которым я знаком, хотя я не представляю Гейба, сидящего где-то возле пистолета и записки с мольбой о прощении

Когда я добираюсь до Наны, она работает в своем огороде. Бабушка выращивает капусту, салат-латук, баклажаны, лук, огурцы и помидоры, еще кинзу, укроп и базилик. Я обожаю потирать пальцами листья лимонной вербены, которая растет прямо на подъездной дорожке, и вдыхать ее аромат на своей коже. Иногда она разрешает деткам постарше из подготовительной школы, которая находится недалеко, приходить и помогать ей собирать урожай, взамен обучая их, как определить, созрел ли баклажан или огурцы, семена которых нужны для рассады.

Также она выращивает перец. Как по мне, то я бы везде добавлял зеленый чили, даже в яичницу. Папа обычно закатывал глаза, когда я возвращался от Наны с полными сумками красного и зеленого перца в кабине моего грузовика, но я также видел, как он тайком перетаскивал одну или парочку сумок в свой багажник и отвозил в Нью-Йорк.

— Не желаешь помочь мне, *сынок*? — спрашивает она, когда я сажусь на корточки рядом с ней и начинаю рвать сорняки. Ей не нужно говорить мне, что делать, так как заниматься прополкой — всегда было моей обязанностью, хотя я отлынивал от нее, с тех пор как приехал сюда.

Пару минут мы ничего не говорим, и я меняю позу так, чтобы опустить колени на подставку из пенопласти, которую Нана достает для меня из своей корзины, и затем она берется за новую грядку. Меня не волнует то, что мои руки в грязи или то, что я не надел

перчатки. Нана тоже их не надевает, кроме тех случаев, когда делает прополку. Ей нравится разговаривать со своими растениями, ласково поглаживая и поощряя их к росту.

Когда она обращается ко мне, чтобы вручить потертую корзину, чтобы я сбросил туда сорняки, я рад, что по-быстрому принял душ в одной из небольших ванных комнат, пока Харлоу разговаривала по телефону, потому что любой бы сразу же учул от меня ароматекса. Я практически слышу, как мое сердце грохочет в ушах, и не могу перестать чувствовать себя снова подростком, которого пораньше отправили домой после очередной драки в школе из-за того, что кто-то обозвал меня тутицей.

Когда Нана наконец-то начинает говорить, она делает это на испанском, и у меня хватает ума, не отвечать ей на английском.

— Сынок, она тебе нравится?

— Да.

Я даже не колеблюсь. Мне нечего скрывать от Наны, хотя мы не смотрим друг другу в глаза, когда разговариваем. Внезапно, у меня практически не остается сорняков, и я напоминаю себе не спешить, понимая, что мои действия просто соответствуют скорости биения моего сердца. Включен режим паники.

— Тебя беспокоит то, что она все еще замужем?

— Она разводится. Все сложно. У них есть общая собственность. А из того, что я слышал, она весьма дорогая, возможно, стоимостью в миллионы.

Я говорю так, словно обороняюсь, и это правда. Я терпеть не могу того, что муж Харлоу воспользовался ее горем и подал на развод. Мне не выносимо то, что он продолжает беспокоить ее, даже теперь, когда она покинула штат, чтобы оказаться подальше от него и всего остального. Я не хочу быть ее рыцарем в сияющих доспехах, но, в тоже время, мне не хочется оставаться в стороне и наблюдать, как ее доводят до черты очередные выходки мстительного муженька. Почему он не может оставить ее в покое? У нее есть пистолет, который пугает меня до чертиков, но я не знаю, как поднять эту тему, не выдав того факта, что я был там в ту ночь, когда она чуть не наложила на себя руки. Я почти не сомневаюсь, что она действительно хотела это сделать, хотя был бы более чем рад, оказаться неправым.

По тому, как Харлоу себя преподносит, я могу сказать, что она — важная личность. Детский хирург-трасплантолог не может быть мелкой рыбешкой. Должно быть, Харлоу хорошенько потрудилась, чтобы построить такую карьеру, и, возможно, именно на этом она и сфокусировалась, когда ее брак развалился на части, — на своей работе. И когда больше не осталось того, над чем работать, она села в машину и отправилась на Запад, в итоге, из всех мест, оказавшись в «Жемчужине». Я точно всего не знаю. Я только строю догадки, потому что Харлоу никому не доверяет.

— Просто будь осторожен, сынок, — говорит Нана, когда начинает подниматься, и я быстро встаю, чтобы помочь ей. — Не забывай, она здесь всего на две недели, и я не хочу, чтобы тебе разбили сердце.

— Не разбьют.

Ее глаза сужаются, пока она рассматривает меня, и я знаю, что она мне не верит. Я совершенно ничего не понимаю, это точно, но я только что провел ночь с самой сексуальной, самой умной женщиной из всех, которых я знаю, и сейчас я спалился. Нана переводит взгляд от моих спутанных волос до кончиков моих ботинок. Я задаюсь вопросом, не пропустил ли я чего, когда смотрелся в зеркало заднего вида, пока рассеянно потираю шею.

— Я звонила отцу МакГуару и заказала воскресную мессу для твоей мамы, — говорит она.

— В это воскресенье? Но ее юбилей разве не через три недели.

— Да, но я сомневаюсь, что ты пробудешь здесь так долго, сынок. Не говоря уже о том, что твой отец сойдет с ума, сидя во Флагстадффе.

Я киваю. Она определенно права.

— Ты приехал рано, так что мы должны провести мессу пораньше, если вдруг тебе придется вернуться обратно на работу, — продолжает она.

— Ладно, — отвечаю я.

— Проголодался? Я приготовила твое любимое на обед. Стоит на столе.

Все, что делает Нана, — мое любимое, поэтому я могу только догадываться что это. Только учуяя запах, я уже просто умираю с голоду.

— Адовада (*прим. соус из чили, популярный в мексиканской кухне, особенно для тако?*)?

Лицо Наны расплывается в широкой улыбке, когда она кивает в сторону дома.

— Со слоеным тестом. Теперь иди в дом и поешь.

Я подавляю зевок и киваю.

— Спасибо, Нана. Ты же знаешь, что я тебя обожаю, да?

— Хватит болтать, и заходи, Дэкс, — отвечает она, смеясь, когда я целую ее в щеку, прежде чем Нана толкает меня в дом.

— И немножко поспи. Ты выглядишь потрепанным.

Глава 17

Харлоу

Дэкс возвращается только к девяти, выбритый и одетый в облегающую футболку и тренировочные брюки, которые подчеркивают его хорошо накаченную задницу. Несмотря на то, что у него есть ключ от дома, он стучит в дверь, извиняясь за опоздание. А еще Дэкс стоит с букетом цветов. Красные розы на длинных стеблях напоминают мне о том, что цветов я не получала очень давно.

— Я задремал и только недавно проснулся.

Он протягивает мне букет, и на пару секунд между нами возникает неловкое сомнение — на счет того, должны ли мы поцеловать друг друга в щеку или губы, — какое, наверное, бывает у всех новоиспеченных любовников и которое длится до тех пор, пока он не решается поцеловать меня в губы. Этот элемент дневного приветствия периодически был возникал между работой, переживаниями о рекомендации сенатора и изучением юридических документов, если бы мне не нужно было покинуть «Жемчужину», чтобы сделать покупки.

Мне не верится, что всего за пару часов я уже успела соскучиться по вкусу губ Дэкса, ощущению его рук вокруг меня, сочетающихся с ароматом чистого мыла и его уникальным запахом, от которого я тут же превращаюсь в лужицу. Он основан на более девяностах тысячах вариаций предполагаемых четырехсот генов, кодирующихся для наших носовых рецепторов. Но сейчас я останавливаю свои научные рассуждения, полностью растворяясь в его мужском аромате.

Дэкс садится на диван и прерывает это ощущение.

— Я знаю, что уже поздно, но подумал, может мы могли бы посмотреть фильм. Wi-Fi здесь не очень, так что...

— Отличная идея.

Он вытаскивает стопку DVD, в которой можно найти и типичные фильмы для парней, такие как: «Бешеные псы», «Трансформеры», «Тумстоун: Легенда дикого запада», и парочку фильмов для девчонок, которые Дэкс, наверное, взял из коллекции своей сестры: «Дневник Бриджит Джонс», «Пока ты спал», «Скажи что-нибудь», «Чудеса своего рода» и «Стальные магнолии».

— Мне следовало позвонить и спросить, осталось ли у тебя что-нибудь перекусить, — говорит он, следя за мной на кухню.

— Нет, но я ездила в город, чтобы пополнить запасы, и кое-что привезла.

Я достаю две бутылки из продуктовой сумки — Пино Нуар'12 и Каберне Совиньон'11. Я прекрасно понимаю, что винный погреб в «Жемчужине» принадлежит Дэксу, и мне интересно, заметил ли он, что дорогая бутылка вина — дороже всех тех, которые я должна была бы открыть для своей последней в жизни ночи, — пропала. Конечно, я ее возмешу или попытаюсь, по крайней мере.

— О, хорошо! Ты нашла винный завод Black Mesa. У них потрясающие местные вина, — улыбаясь, говорит он. — Так, какое бы ты хотела сегодня попробовать?

— На твой выбор.

Я ставлю два бокала на кухонную столешницу и кладу штопор.

— Мне нравится Каберне, но его лучше пить с мясом на гриле, так что, может, мы оставим его на потом? — он берет Пино Нуар и снимает с бутылки фольгу. — Это вино из стопроцентного винограда, выращенного в Нью-Мексико, наподобие того, что мы видели на днях. Почему бы нам его не попробовать?

— Конечно.

Я стою перед открытым холодильником, чтобы найти то, что лучше всего подойдет к вину, или пытаюсь найти, потому что я понятия не имею, что подают к Пино Нуар. Когда мы еще жили вместе с Джейффом, о таких вещах заботилась Анна Мария.

Терпеть не могу чувствовать себя не в своей тарелке в чем-то настолько простом, как выбор блюда, которое подойдет, например, к Каберне. Решение, какой использовать шов во время пересадки донорского органа, безусловно, намного легче.

— С тобой все в порядке? — спрашивает Дэкс, когда вытаскивает пробку и ловко наполняет два бокала, а затем ставит бутылку на столешницу и становится позади меня.

— Да. Почему ты спрашиваешь?

Он обнимает меня за талию и утыкается лицом мне в шею, его борода щекочет кожу.

— Потому что сейчас ты выглядишь слишком серьезной. И взволнованной.

У меня, как обычно, все сжимается внутри, и подкашиваются коленки, когда Дэкс прижимает меня к себе и вдыхает аромат моих волос. Я ощущаю, как сжалась мышцы моего влагалища — воспоминания о совместной ночи дают о себе знать — и я уверена, если он продолжит вот так обнимать меня, я буду умолять его трахнуть меня прямо на обеденном столе.

По какой-то странной причине мне интересно, как бы развивались наши отношения без секса? К тому же у меня до сих пор ноют мышцы тела, даже в тех местах, где я этого не ожидала. Бока, бедра и... ну, *там, внизу*. Я даже не могу произнести это слово, кажется, подбирать альтернативные названия для слова «вagina» — это так неправильно, несмотря даже на то, что мне очень понравилось, когда Дэкс их произносил прошлой ночью и говорил о том, как ему приятно ощущать ее, о том, какая она узкая. О, Боже, и вот опять, я не могу контролировать свои мысли.

А еще я ненавижу презервативы. Жаль, нельзя, как там говорят, «без седла». Я знаю, что у меня нет никаких заболеваний, передающихся половым путем, учитывая то, что до прошлой ночи я дважды ежегодно проходила обследование у гинеколога, и прошло почти два года с тех пор, как я занималась сексом. Я должна была бы достать свои последние результаты анализов из папки, те, которые сделала Андреа, когда я взялась помогать в ее клинике. Но тогда, было бы слишком самонадеянно с моей стороны думать, что Дэкс тоже желает заниматься со мной сексом, не предохраняясь. Кроме того, а что на счет него? Со сколькими женщинами мог переспать такой сексуальный мужчина, как Дэкс Дрексел? Помоему, есть над чем задуматься, ведь мы никогда это не обсуждали. Кстати, о чем говорят люди, которые проводят вместе ночь? Точно не о скорости заражения каким-нибудь заболеванием, передающимся половым путем, или грибковой инфекцией, или о других последствиях кратковременных отношений.

— Ты действительно о чем-то серьезно задумалась, — Дэкс еще раз прижимает меня к себе, нежно прикасаясь губами к моей шее, а потом отпускает меня. — Почему бы нам не взглянуть, что ты привезла из магазина?

Еще секунду его объятий и ощущения его эрекции позади себя, и я повернусь и начну делать ему минет. «*Никакого секса, Харлоу. Никакого секса*».

Мы закончили с приготовлением замороженной пиццы. Одна из них представляет собой сочетание пиццы с тайской курицей — предварительно приготовленные кусочки курицы с арахисовым соусом, который Дэкс смешивает с лимоном и остальными специями, и посыпанное измельченными орехами тесто; а вторая — это классическая пицца с начинкой из всего, что есть в холодильнике.

Дэкс приносит из спален два толстых ватных одеяла и кладет их на диван перед телевизором. К тому времени как мы устраиваемся поудобнее с уже готовой пиццей, налив по второму бокалу вина, начинается первый фильм. Это «*Тумстоун: Легенда дикого запада*» (прим. вестерн/боевик 1993 года), и Дэкс знает диалоги наизусть. Я смеюсь над его любовью к Доку Холлидей и задаюсь вопросом, что такого правильного я совершила в своей жизни, чтобы заслужить такой момент. Я не чувствую никакого давления или беспокойства о прошлом или будущем. Есть только мы, удобно устроившиеся на диване, наслаждающиеся вином и домашней пиццей под молодой луной, сияющей в небе и освещющей огород перед нами, а в круглом потолочном люке виден гобелен звезд.

Укутавшись в одеяло на диване, я мечтаю о том, как мы занимаемся тем же в Нью-Йорке. Вероятно, иногда по вечерам мы бы ходили на спектакли или мюзиклы, а летом слушали Шекспира в Централ Парке или уезжали в Хэмптонс. «*Можем ли мы на самом деле иметь что-то большее, чем этот момент, и перенести это в реальную жизнь? В мой мир? Будем ли мы это делать? А хочу ли я вообще возвращаться в свой мир, когда то, что происходит сейчас, идеально?*».

— Телевизор там, — бормочет Дэкс, и я понимаю, что уставилась на него, вместо того чтобы смотреть на экран.

— Разве?

Я опускаю руку вниз, скользя под эластичную ткань его брюк, но Дэкс ловит мое запястье и кладет мою руку поверх одеяла, чтобы ее видеть.

— Это вечер кино, забыла?

— Ах, точно.

Я зарываюсь лицом в его грудь. Боже, он пахнет прекрасно, и это сводит меня с ума.

— Так значит, никаких поцелуев?

Дэкс, усмехаясь, качает головой.

— Неа, это такое же правило, как и твое — «никаких безумных вечеринок».

Я дуюсь. Я знала, что он еще припомнит мне это решение.

После того как мы все убираем и расставляем по местам, мы выбираем наш следующий фильм «*Чудеса своего рода*» (прим. американская молодежная melodrama 1987г.), и на этот раз решаем включить DVD в спальне. У нас не возникает никаких трудностей с этим. Никто ничего не навязывает. И даже когда мы стоим рядом перед зеркалом в ванной и чистим зубы, все кажется таким правильным, что это пугает. Мы много флиртуем и нежно поддразниваем друг друга. Дэкс игривый, и мне это очень нравится. Кажется, он вытаскивает на поверхность ту глупую часть меня, о которой я никогда не знала.

К моменту, как героиня Мэри Стюарт-Мастерсон открывает фильм — девчонка-сорванец по имени Уоттс, стучит по барабанам, — мы с Дэксом уже лежим на кровати, прислонившись к подушкам, которые притащили из других комнат.

Мне слышно биение его сердца, когда он одной рукой обнимает меня, а я обнимаю его за талию. Мы не разговариваем, как будто разговор испортит эту беззаботную атмосферу, в которой мы находимся. К тому же на меня уже хорошенько подействовало выпитое, и мне не хочется секса, и, кажется, Дэксу тоже. Он просто держит меня возле себя, внимательно смотря фильм, который вышел за год до его рождения.

На следующее утро я слышу тихий стук в дверь, когда выхожу из ванной, за дверью я вижу молодого человека. При виде него у меня появляется паника, так как я думаю, что это курьер с какими-то документами от Джейффа. Тем не менее, я заставляю себя подойти к двери, хотя и не открываю ее.

За ней стоит молодой человек, приблизительно возраста Дэкса, с четкими чертами лица, густыми темными волосами и зелеными глазами, он одет в клетчатую рубашку и джинсы. Я немного приоткрываю дверь.

— Простите за беспокойство, мисс, но Дэкс, случайно, не здесь? Я Гейб... ну, доктор Габриель Вассес. Веду семейную практику в городе. Дэкс хотел, чтобы я кое-что завез ему, а его бабушка сказала, что я найду его здесь. Я пытался до него дозвониться и писал ему, но у него, наверное, выключен телефон.

— Он еще не проснулся. Я могу его разбудить.

— Нет! Нет! — он мнется, пока вручает мне конверт. — Вы могли бы просто передать ему этот конверт, когда он проснется? Я знаю, еще рано, и мне очень жаль, если я напугал вас.

Я беру конверт и переворачиваю его. На нем написано «Семейная практика Вассеса» и указан адрес в Таосе. Затем, вспомнив о своих манерах, и радуясь, что успела почистить зубы, чтобы разбудить Дэкса утренним сексом, я открываю двери шире и протягиваю руку.

— Кстати, я — Харлоу. Харлоу Джеймс.

Он крепко пожимает мою протянутую руку.

— Доктор Джеймс! Вы — тот доктор, о котором рассказывал Диами. Очень приятно с вами познакомиться, — его голос звучит по-прежнему приглушенно, словно «Жемчужина» — это маленький домик, а его голос слишком громкий. — Надеюсь, вы оба сможете сегодня днем приехать на барбекю к нам домой. Будут Диами с Сарой и Бенни.

— Я скажу Дэксу.

Его телефон сигналит, и он смотрит на него.

— Ой! Мне пора. Я сегодня до обеда принимаю в офисе, но надеюсь увидеться с вами днем, Доктор Джеймс.

— Зовите меня Харлоу.

— А вы меня — Гейб. Тогда до встречи? Начало в три.

— Я спрошу у Дэкса, но было бы здорово встретиться.

Пока я смотрю, как Гейб отъезжает от дома, я не могу сдержать улыбку. Энтузиазм мужчины просто заразителен, и мне любопытно, рассказал ли ему Дэкс обо мне, и если да, то что? Что касается барбекю, то Дэкс ни разу о нем не упоминал. Но нам особо и не приходилось о чем-либо говорить, кроме как о тех двух фильмах, которые мы посмотрели прошлым вечером, обсуждая при этом от чего умер Док Холлидей (от туберкулеза) и к чему пристрастилась жена Ваят Эрпа (к настойке из опия), и рассуждая о судьбе сережек в концовке «Чудес своего рода», что беспокоило Дэкса больше всего остального.

— Он будет просто ремонтировать машины, — возмущался он, пока раскладывал подушки, чтобы в итоге лечь, облокотившись на них. — Это было его высшее образование! Как он мог просто выбросить свое будущее ради какой-то пары сережек?

— Мне хотелось бы думать, что она поступила практически и утром их вернула, Дэкс.

Тогда он усмехнулся, целуя меня в лоб.

— Думаешь?

— Да, а сейчас, как по мне, более практично лечь в кровать, мистер Дрексел, вместо того чтобы переживать о фильме.

— Но мы в кровати.

— Умник.

Я засмеялась, но Дэкс остался серьезным, его лоб по-прежнему был нахмурен, словно он все еще обдумывал окончание фильма.

— Я имела в виду, лечь в постель.

— Минздрав рекомендует?

— Ага.

— А что будет утром, доктор Джеймс?

Мне пришлось подумать над идеальным ответом.

— Я думала стать той, без кого ты и дня не сможешь прожить.

Он улыбнулся.

— Кажется, это отличная идея.

— Да, — сказала я, отворачиваясь от него и чувствуя, что он лег на бок позади меня.

— Теперь спи, или тебе ничего не светит утром.

Пару минут спустя я почувствовала, как он пошевелился, сильнее прижимая меня рукой к себе.

— И как может какая-то пара сережек стоить обучения в университете? Где он купил их в таком маленьком городишке? В «Гарри Винстон» (*прим. американский производитель ювелирных украшений и наручных часов класса люкс*)?

Видимо, это так и не давало ему покоя.

Но теперь, единственное, что меня беспокоит, так это то, что находится в этом конверте, который доктор посчитал достаточно важным, чтобы привезти его лично в такое раннее утро.

— Доброе утро.

Голос Дэksа пугает меня, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, как он подходит ко мне, но резко останавливается, когда видит, как отъезжает машина Гейба.

— Вот черт, он, наверное, писал мне, но я выключил телефон, — бормочет Дэks, когда я протягиваю ему конверт.

Он открывает его, после чего делает паузу, чтобы взглянуть на меня, затем пожимает плечами и вытаскивает сложенный пополам лист бумаги.

— Все в порядке? — меня одолевает любопытство, пока я наблюдаю за ним.

«Если это от врача, тогда что это может быть?»

Дэks несколько раз просматривает бумагу, прежде чем передать ее мне.

— Это всего лишь кучка цифр и знаков, которые свидетельствуют о том, в чем я уверен, поэтому, на самом деле, это для тебя. Я знаю, что с моей стороны это выглядит подозрительно, но...

Я тут же узнаю результаты анализов, мое лицо покрывается краской. Когда я смотрю на Дэksа, он проводит пальцами по своим волосам, выглядя смущенным.

— Когда порвался презерватив той ночью, мне... мне не хотелось, чтобы ты волновалась, что от меня, ну, понимаешь... что от меня можно что-нибудь подцепить.

— Все в порядке, Дэks. Я на таблетках, забыл?

Я вру, ненавижу, что у меня такое чувство, словно я должна это делать, но у меня не может быть детей, так о чем волноваться? Как сказал Дэks, остается лишь возможность подцепить какую-нибудь инфекцию.

— Ну, раз уж мы затронули тему медицинских тестов, у меня... у меня есть то же самое для тебя.

Я иду к обеденному столу и вытаскиваю конверт из своего кожаного портфеля, стоящего на одном из стульев. Это анализы, которые я сдала месяц назад, находясь в клинике Андрея, как раз перед тем, как начала вести прием пациентов. Я отдаю их ему.

— Мне пришлось пройти стандартные тесты на венерические заболевания. На всякий случай.

Несколько секунд мы стоим друг напротив друга, словно не зная, как выйти из этой ситуации. Узнав о том, что Дэks вчера сам пошел сдавать анализы, в моем животе начинают порхать бабочки, а после — и в той самой области, которая находится между ног. *«Боже, почему я даже произнести это слово не могу?»*

— Так как твое раздражение? — спрашиваю я, прежде чем могу остановить себя.

«Отлично!» Из всего, что я могла сказать, я говорю именно это, словно опять вернулась в «режим доктора»? Конечно, нет никакого раздражения. Это практически стало нашей шуткой, хотя в первую ночь у нас было много заходов, поэтому мне пришлось купить смазку на водной основе, когда я сегодня была в городе. Просто на всякий случай.

— Все хорошо, — отвечает Дэкс. — Но, наверное, лучше мне провести профессиональный осмотр, как считаешь?

Я киваю.

— Очень рекомендую. Не возражаете зайти ко мне в кабинет и прилечь?

Он подходит ближе.

— Во что это мне обойдется?

— Для вас, думаю, я сделаю скидку. Может, начнем с поцелуя. Знаете, как предоплата.

— Понимаю. Есть какие-нибудь особые пожелания для этого поцелуя? Может, длительность или место?

Я пару секунд раздумываю.

— Почему бы вам просто не показать? Обычно, так понятнее.

— Вы правы, — Дэкс берет мое лицо в ладони. — Вот так?

Поцелуй начинается с легкого прикосновения наших губ. Сначала я ощущаю вкус мяты, потом — его губы, мягкие и теплые. Мои руки автоматически опускаются на его бедра, пальцами обхватывая его задницу. В моей голове вертятся множество идей. *«В какой позе на этот раз?»*

Часть моих вчерашних онлайн-исследований была связана с новыми позициями, или поиском названий тех, которые мы испробовали накануне. «Наездница задом наперед», «офицерская», «крест-накрест». Я словно студент, пытающийся наверстать упущенное. *«Боже, сколько же я времени потеряла!»*

Когда Дэкс приподнимает меня, я обхватываю ногами его бедра, пока он несет меня в спальню. Мне не верится, как хорошо мы друг другу подходим, наши тела так легко приспосабливаются друг к другу. Мы падаем на кровать, минутное разделение наших тел заканчивается летящей во все стороны одеждой. Это довольно не сложно провернуть с нашими пижамами, даже, очень легко: один рывок моих брюк, и они слетают, и еще один, чтобы снять через голову мой топ, и я беззастенчиво обнажена перед ним. Когда Дэкс снимает свою рубашку, я сажусь и провожу губами по его животу, пробуя на вкус его шесть кубиков.

Вместе мы по очереди исследуем друг друга руками, ртами, нашими телами. Он лизет мою кожу и проводит языком дорожку вниз по моему телу, руками сжимая мою грудь, прежде чем взять сосок в рот. Вокруг него Дэкс медленно выводит языком круги, от чего я начинаю задыхаться. Затем он опускается еще ниже, и я чувствую, как его борода задевает верх моего лобка, а его язык прослеживает чувствительный шрам немного выше.

— Ты такая красивая, Харлоу. Все, в отношении тебя, удивительно прекрасно.

Я наблюдаю, нервно сглатывая, как Дэкс проводит языком по моему С-образному шраму.

— Даже шрам?

— Особенно твой шрам. Это делает тебя еще красивее.

Он входит в меня пальцем. Я закрываю глаза, позволяя себе утонуть в ощущениях. Затем Дэкс вводит два пальца, входя в меня глубже, и когда я открываю глаза, вижу, что он наблюдает за мной.

— Черт, ты такая влажная.

Дэкс подносит пальцы к моим губам, и я пробую себя на вкус. Я слышу, как он стонет, наблюдая за мной, после чего возвращает свою руку обратно. Когда Дэкс скользит языком по моему клитору, я содрогаюсь от ожидания и вскоре выдыхаю его имя, когда он пальцами находит мою точку G, а его рот и язык продолжают творить чудеса, отправляя

меня за край многочисленными оргазмами, которым я теряю счет. «*Стоп! Зачем я вообще их считаю?*»

Когда Дэкс поднимается к моему лицу и целует меня, давая мне ощутить собственный вкус на его языке, я все еще где-то в раю. Ощущение, когда он входит в меня, восхитительно. В глазах мелькают вспышки, пока я заглушаю свои крики рукой. Дэкс толкается в меня глубоко и медленно, очень ритмично, он не сводит взгляд с моего лица. С каждым толчком у меня вырываются стоны, и я понимаю, что совершенно не ощущаю стыда из-за того, что мы делаем. Когда Дэкс предлагает мне прикоснуться к своей груди и поиграть с ней, я ни секунды не колеблюсь. Я делаю то, что он говорит, сжимая свою грудь и пощипывая соски, пока он поглаживает пальцем мою чувствительную плоть. Я чувствую себя на неизведанной территории, открывая те части себя, которые я никогда прежде не позволяла в себе открыть. Мои соски, мой клитор, моя... киска. Вот, я это сказала.

«*Встречайте новую Харлоу!*».

Дэкс отпускает мои колени, и я обхватываю его ногами за талию, в то время как он снова нежно и ласково целует мои губы, щеки, веки. Обожаю то, как с каждым толчком его член наполняет меня, и, ох, как же я ненавижу, когда он из меня выходит. Мои стоны разносятся по комнате, когда я ощущаю, что приближаюсь к очередному оргазму, на этот раз более мощному. Я совсем близко, и Дэкс это знает, ускоряясь, он входит в меня еще глубже. Когда он находит губами чувствительную точку у меня за ухом, я взрываюсь, выкрикивая его имя, пока мое тело дрожит под ним. Я впиваюсь пальцами ему в спину, оставляя новые отметины от ногтей поверх старых. Я чувствую, как Дэкс набухает внутри меня, после чего зарывается лицом мне в шею, позволяя себе достигнуть разрядки, пока он произносит мое имя.

Сегодня я — не хирург, которого заботит лишь собственная репутация. Я просто женщина в объятиях мужчины. И меня даже не волнует то, что когда все подойдет к концу, мы с Дэксом пойдем каждый своим путем, и все вернется к прежней жизни. Но до тех пор, я буду брать от этих отношений все, что в моих силах.

Глава 18

Дэкс

К тому времени как раздается сигнал моего будильника, напоминая мне о барбекю у Гейба в три, на часах уже час дня. Мы с Харлоу лежим вместе на середине кровати, она прижимается ко мне спиной, в то время как я обнимаю ее сзади.

Вернувшись этим утром в постель, единственным, чем мы там занимались, был секс и еще раз секс, и Харлоу показала себя совершенно с другой стороны. Она была забавной и любознательной, когда пожелала попробовать разные позы, помимо тех, которые мне уже были известны и которым она дала свои названия. Та, которую она назвала «крест-накрест», была интересной, и я не сомневаюсь, если мы продолжим в том же духе, то нам понадобится кровать побольше. Конечно, я открыт для новых позиций, но некоторые из них могут травмировать член, или, еще хуже, сломать его. Мне, возможно, требуется заняться йогой.

А еще я обожаю смех Харлоу. Хриплый смех, который ужасно сексуален и от которого по спине пробегают мурашки. Черт, да они появляются по многим причинам, связанным с Харлоу. Обожаю, как она восторженно относится ко всему, чем мы занимаемся в спальне, словно никогда не пробовала подобного прежде. Тяжело поверить, но Харлоу никогда не делала мужчине минет, и я верю ей. Иногда она бывает слишком формальной, и ей требуется несколько попыток, чтобы решиться на что-либо, но когда у нее все получается, черт, это чертовски красивое зрелище. Такое поведение идет ей намного больше, чем та броня, за которой она прячется, даже, несмотря на то, что это

поведение обусловлено тем, что Харлоу столько всего пропустила в сексе. Она рассказывала мне, что у нее были попытки кое-кого соблазнить еще до замужества, но, опять-таки, я не знаю, что это означает. «*Я пыталась, а он сказал нет?*» Он, что, чокнутый? Ну, ладно, ему же хуже, не мне.

И в постели Харлоу могла вести себя как заучка, озвучивая части моего члена и проводя по ним языком, словно это была наглядная демонстрация. Назвала, лизнула. Рассказывала о том, за что эта часть отвечает, а потом лизала ее и немного посасывала. Мне даже пришлось остановить ее от рассказа о том, как работает эрекция, потому что я не сомневаюсь, что точно знаю, как она работает, может, не как доктор, но, по крайней мере, как мужчина. И мне не нужно знать, что такое семенная железа. Что для меня важно, так это то, что мои причиндалы работают отлично, если их не перегружать, как сейчас. Но я не жалуюсь. Когда Харлоу берет мой член в рот, то нет ничего лучше, чем видеть, как она смотрит на меня, наблюдая за моей реакцией на все, что делает.

Я сгупил, что не предохранялся, но так же, как и Харлоу верит в то, что я чист (черт, это даже Гейб может подтвердить), верю ей и я. У нас даже есть долбаная документация, которая может это подтвердить, прямо, как у двух кандидатов, которые претендуют на одну должность и демонстрируют свои достижения. Но только вместо того, чтобы рассказывать, как долго мы находились на предыдущих работах, и с кем работали, она озвучивает такие понятия, как «гепатит» и «ВИЧ», и сопровождающие их слова «НЕ ИНФИЦИРОВАН». Это безумие, но мне плевать. Черт, я верю всему, что Харлоу мне говорит, хотя, в данный момент, если она захочет еще один раунд, то я пас. Я слишком измотан, чтобы вообще думать о сексе, и малютка Д. сдох. Еще я умираю от голода, а где-то в Таосе сейчас будет барбекю, на которое я приглашен.

Но сначала мне нужно, чтобы Харлоу со мной поговорила и немного доверились мне. Я притягиваю ее ближе к себе, и она стонет, протягивая руку, чтобы схватить меня за задницу.

— Расскажи мне про Нью-Йорк. О, Харлоу Джеймс, которая там живет.

Она отвечает сразу, но я жду.

— Долго рассказывать. Судя по всему, она была занудой. Она была интересной лишь тогда, когда разговор касался ее работы, и скучной во всем остальном. Она была верной женой своему мужу и не брала отпуск. Она просто работала, словно это было единственное, что имело для нее значение: спасать жизни и, — она делает паузу, сухо посмеиваясь, — и попытки забеременеть. Она надеялась, что, возможно, ребенок сделает ее цельной и даже спасет ее брак, так что у нее появится подобие семьи. Но когда этого не произошло... Ну, потом ты зализываешь раны и катаешься дальше.

Ее откровенность разбивает мое сердце. Я слишком молод, чтобы думать о детях, но я сменил достаточно подгузников Диами и достаточно нанянчился с ним, чтобы сказать, что был бы не против, завести парочку собственных детей.

— Мне так жаль, Харлоу.

— Все нормально. Теперь все намного лучше. Ну, лучше здесь, чем там.

Я прижимаю ее к себе, вдыхая сладкий аромат волос, когда решаюсь задать вопрос, который беспокоит меня с той первой ночи в «Жемчужине», когда я вернулся.

— Тебе было когда-нибудь настолько плохо, что у тебя возникали мысли о том, ну, знаешь, чтобы со всем покончить?

Я чувствую, как она на мгновение застывает, а затем, нахмурившись, поворачивается, чтобы взглянуть на меня, после чего откидывается головой на подушку.

— Разве не у всех такое бывает?

«*Вообще-то, нет. Некоторые из нас напиваются или работают до изнеможения*», — я едва не произношу это вслух, но вовремя останавливаю себя.

— Может быть. Но я все еще здесь, верно? С тобой, — произносит она, пожимая плечами. — И это касается Харлоу Джеймс, сдержанного хирурга-трасплантолога, ассистента профессора, несостоявшейся как женщина и неудавшейся жены.

— Никто не совершенен, Харлоу, даже хирурги-трансплантологи и опытные ремесленники. Но только то, что ты проходишь через бракоразводный процесс, не делает тебя плохой женой. Некоторые браки просто не складываются.

— Тебе легко говорить. Ты никогда не был женат, верно?

Я пожимаю плечами.

— Нет, но это не значит, что я в этом ничего не смыслю. У моих родителей был счастливый брак, даже, несмотря на то, что моему отцу приходилось часто уезжать.

Она вздыхает.

— Прости. Ты прав.

— Ты — потрясающая женщина, с учеными степенями или без. И если ты до сегодняшнего дня об этом не знала, тогда я надеюсь, теперь знаешь. Ты чертовски прекрасна, Харлоу Джеймс. Честно. И я говорю это не только из-за того, что мы вместе спим. Я на самом деле так считаю.

— Спасибо, — посмеиваясь, отвечает она. — Можешь возглавить мой фан-клуб?

— Запросто.

Внезапно я больше не хочу говорить о Харлоу из Нью-Йорка, о той, у которой нет даже друзей, которые бы ее ждали. Мне намного больше нравится Харлоу из Нью-Мексико, та, с которой всего пару дней назад мы ходили в поход, поднимались на скалы и рассматривали наскальные надписи, и улыбка которой при этом не угасала на лице.

— Скажи, что вызывает у тебя улыбку, — спрашиваю я, когда она ложится на спину ко мне лицом.

— Ты, — улыбаясь, отвечает она, пока поглаживает мою щетину на лице, и я не могу перестать скалить зубы, как школьник; все мысли о Харлоу из Нью-Йорка забыты.

— Что еще?

— Твоя улыбка, — отвечает она, проводя пальцем по моей нижней губе, после чего палец переходит на мою шею и грудь. — Твоя груда мышц, твои кубики. Твоя задница и твой...

Я хватаю ее блуждающую руку и притягиваю к своим губам.

— Что еще? Для начала из того, чего нет на этой кровати.

Она хихикает.

— Ах, вот ты о чем.

— Да, Харлоу, я об этом.

Она становится серьезной.

— Этот дом. Даже само название «Жемчужина» так умиротворяюще и прекрасно. И этот штат. Как говорится в брошюрах, это «Волшебная Земля». Твоя семья и твои друзья делают ее еще более особенной.

— Под друзьями ты, должно быть, имеешь в виду Гейба, потому что, насколько мне известно, он единственный, с кем ты знакома.

«До сих пор». Надеюсь, она готова к такому, потому что у меня их куча.

Она кивает.

— Да, и я забыла сказать тебе, но он надеется увидеть нас сегодня днем на барбекю.

«Спасибо Господу за таких друзей, как Гейб».

— А ты хотела бы пойти со мной? Там будут Нана и Сара. А также Диами и Бенни, конечно. Я просто надеюсь, что моя семья не будет слишком надоедливой.

— Они совсем не надоедливые, Дэкс, — бурчит Харлоу, и ее выражение лица становится отстраненным. — Тебе повезло. У тебя есть семья и друзья, которые тебя любят. По-настоящему любят.

— Уверен, у тебя тоже такие есть. Просто они сейчас в Нью-Йорке.

— Нет, нет, — вздыхая, отвечает она. — Я больше уделяла внимания своей карьере, чем личной жизни, чтобы рядом остались друзья.

— А твоя семья? Родители? Братья и сестры?

Она вздыхает.

— Я приемный ребенок, Дэкс. Я кочевала по семьям, считая дни до того момента, когда меня кто-нибудь удочерит, но никто этого не сделал. Они не виноваты. Я была болезненным ребенком, с этими постоянными жуткими приступами астмы от малейшего грамма пыли или от вида пятерки с минусом в дневнике. Уверена, это никак не способствовало тому, чтобы меня удочерили.

— У Диами иногда бывают приступы астмы, когда поднимается сильный ветер, но у тебя я такого не замечал, даже когда мы были в музее Бандельера.

— Это прошло, когда мне исполнилось восемнадцать, после того как я окончила старшую школу. Но к тому времени я уже не числилась в системе, — отвечает она, пожимая плечами. — Некоторые говорят, что это была просто психосоматика, но я ощущала такой стресс из-за постоянно меняющегося окружения, что, должно быть, это сказывалось на моих легких, так что, возможно, они правы. После окончания школы я получила стипендию на учебу в университете и продолжала ее получать пока не окончила магистратуру. И даже когда мне следовало бы остепениться, потому что я достигла всего, чего, как мне казалось, желала для своей карьеры, я все равно не остановилась. Для меня было обычным делом, вкалывать по семнадцать часов в день, Дэкс, и, оглядываясь назад, могу сказать, что это было просто не нормально, не для замужней женщины, которая, к тому же, желала стать матерью.

— Так неправильно, Харлоу. Семнадцать часов — это просто сумасшествие.

— Я знаю, — она делает паузу, ее мысли блуждают где-то далеко. — Неудивительно, что у меня постоянно были выкидыши. И даже когда я забеременела Маркусом, я не остановилась, думая, что могу быть одновременно хирургом-трасплантологом, женой и матерью. Амбициозно, правда?

— Это все равно не отменяет того факта, что ты меняешь к лучшему жизни детей, Харлоу, и жизни их семей. Ты не просто их меняешь, ты их спасаешь. Всегда помни об этом.

Она переплетает наши пальцы и целует тыльную сторону моей руки.

— Как пишут в интернете? «ТЛДР»? Резюмируя: я принимала все как должное (*прим. ТЛДР “TL;DR” too long, did not read - часто замещает «резюмируя»*).

— А теперь?

— Честно говоря, я больше не могу себе этого позволить, — отвечает она. — В любом случае, я могу согласиться на работу в Нью-Хэйвене или могу отказаться. Но в данный момент, я понятия не имею что делать.

— Но это то, чего ты на самом деле хочешь, снова того же?

— Если я приму предложение о работе, то только потому, что ничего не умею больше. Я думала, что хочу быть матерью, но этого не случилось, так что лечить людей — это то, чем я всегда занималась, поэтому, скорее всего, я вернусь к тому, что мне знакомо.

— Разве тебе не хочется заниматься чем-то другим? Может, попробовать пожить в другом месте?

Она пожимает плечами.

— Без понятия, Дэкс. Но что я точно знаю, так это то, что я никогда не чувствовала себя такой счастливой, как сейчас, проводя время здесь, с тобой. Но это, возможно, из-за того, что я нахожусь в отпуске, и когда он закончится, я снова вернусь к привычной жизни.

Мне совершенно не нравится ее версия привычной жизни, ведь это место и время, которое мы проводим вместе, идеальны для меня. Это моя новая привычная жизнь, и мне она нравится. На самом деле, мне хочется большего.

— Не знаю, как тебе, Харлоу, но мне нравится то, как мы сейчас живем.

Я целую ее, и в течение нескольких секунд, это все, что мы делаем, — целуемся, исследуя друг друга, словно занимаемся этим впервые в это утро. Потому что мне нужно отвлечься от всего, что она мне сейчас рассказала, чтобы переварить, что жизнь, которая у нее была, совершенно противоположна моей. «Как она отреагирует, когда увидит, насколько большая у меня семья? Намного больше, чем Нана, Сара и Диами?» Это

совершенно другой мир, в сравнении с тем, который она познала с ублюдком, вскоре ее бывшим мужем.

— При мысли о ее бывшем супруге, я отстраняюсь от нее.

— А Джейф?

Она удивленно смотрит на меня.

— А что Джейф?

— Что если он захочет тебя вернуть?

— С чего бы ему хотелось меня возвращать? Он не хотел меня на протяжении двух лет.

— Но что если захочет сейчас? Что если он изменился?

— Он никогда не изменится, а если подобное и произошло, то я не смогу вернуться к тому, кто причинил мне столько боли, — говорит Харлоу. — А ты смог бы?

Я думаю о Клаудии и о том вечере, когда она изменила мне. Я простил ее, но никогда не смогу забыть о том унижении и гневе, которые испытал тогда, сначала в мужской уборной, когда мужик сказал мне, что трахнул мою девушку, и потом, когда она призналась, что это была правда.

— Нет, — отвечаю я. — Забудь. Это все равно был глупый вопрос.

— Нет, не глупый, но ты получил ответ, мистер Дрексел. ТЛДР: Я не собираюсь возвращаться к Джейффу.

— Ты и твой интернет-жаргон, — говорю я, как раз когда сигналит мой телефон, снова напоминая мне о барбекю у Гейба. — Нам лучше начать собираться. Ведь нужно еще заскочить в душ.

— О, точно. Как только они учуяют наш запах, то сразу поймут, чем мы занимались, — говорит Харлоу, когда скатывается с постели, хлопает меня по заднице и потом бежит в ванную, заливаясь смехом, когда я следую за ней. Я хватаю ее перед зеркалом и разворачиваю к себе лицом.

— А чем именно мы занимались, доктор Джеймс? Потому что мне хочется добавки.

Глаза Харлоу увеличиваются от удивления, когда моя эрекция прижимается к ее животу, готовая к еще одному забегу, как раз когда я думал, что больше не смогу. Она игриво прикусывает нижнюю губу, прежде чем я целую ее и ощущаю, что ее тело сливаются с моим, словно мы были созданы друг для друга.

«ТЛДР: Харлоу Джеймс, кажется, я в тебя влюбился».

* * *

Появление Харлоу - сенсация на барбекю, особенно среди женщин, которые не могут перестать задавать ей вопросы, связанные со здоровьем, вроде таких: «Так что вы думаете о таком артериальном давлении?» Но она как чемпион справляется с этим, хотя больше удовольствия ей приносит общение с детьми, например с Диами, который без умолку рассказывает всем, что он первый с ней познакомился. Дети любят ее, а она любит их. При виде детей, ее лицо просто светится, особенно при виде младенцев.

Я должен был предупредить ее о том, что у Гейба очень большая семья, в которой дети появляются с такой скоростью, словно это скоро выйдет из моды. К счастью, они все настолько дружны, что, если понадобится, сами смогут организовать собственный детский сад, где у каждого родителя будет по несколько выходных. У Гейба уже было десять племянников и племянниц, четверо из них — дети кузины Летти, которая родила четверню всего три месяца назад. Если раньше я думал, что у Сары забота о Диами станет ее круглосуточной работой, то сейчас я даже представить не могу, как можно справиться сразу с четырьмя такими. Но все, что мне нужно сделать, — это взглянуть на Алекса, мужа Летти, и все сразу становится понятным. Конечно, он выглядит таким же уставшим, как и Летти, но ничто не может затмить сияние его лица, когда он находится рядом со своей семьей. Такое же сияние сейчас излучает лицо Харлоу: истинное блаженство.

Вскоре мои друзья забирают меня от Харлоу, желая услышать последние новости о моей жизни, работе и, конечно, о моей спутнице. Им всем хочется знать, кто она, как и где мы познакомились, а больше всего — когда. Для них это важный вопрос — «когда» — так как им известно, что я приехал всего пару дней назад один. Но того факта, что она — детский хирург-трансплантолог, становится достаточно, чтобы закрыть им рты, после чего мы переходим к старому и добному занятию — болтаем о пустяках, налегая на пищу.

Я просто рад тому, что здесь нет Клаудии. Гейб говорил мне, что у нее внезапно появились другие планы, как только она узнала, что я приведу Харлоу, и, честно говоря, я рад, что это ее задело. Она бы с катушек слетела, если бы встретилась с Харлоу. Я знаю, что Клаудия хотела бы, чтобы я ее простил — и я простил — но я живу дальше. Кроме того, Тони, ее парень, который сейчас работает на съемках в Ванкувере, и есть тот самый парень из уборной, а на мне и так уже числится судебный проступок благодаря ему.

Час спустя, пока Харлоу общается на улице с Наной и Сарой, я подбегаю к Гейбу, который читал что-то в своем телефоне, когда я выходил из ванной. Когда он поднимает свои глаза и видит меня, то кивает мне, убирая свой телефон в карман.

— Надеюсь, ты не возражаешь, но я только что просмотрел биографию Харлоу. Вот это да! Я могу только мечтать о том, чем она занимается, — говорит Гейб.

— Трансплантационная хирургия? — спрашиваю я.

— Ты хоть представляешь, как долго нужно учиться, чтобы этим заниматься? Я об этом могу только мечтать. Ассистент Главы Трансплантационной Хирургии в Общественной больнице Миллера! Она даже помогала в ее организации!

Из-за такого энтузиазма Гейба я не могу сдержаться от чувства гордости, пока стараюсь, как можно более непринужденно, пройти к холодильнику и взять бутылку воды. Нужно оставаться сдержаным, словно я не схожу с ума от мысли, что придумать, чтобы уговорить Харлоу остаться дольше, чем она планировала. Может, тогда мы смогли бы получше узнать друг друга, не испытывая натиска приближающегося отъезда. Я прислоняюсь к кухонной раковине и смотрю на Гейба, открывая крышку и делая глоток воды.

— Спасибо, дружище, что завез мне результаты анализов. Извини, что не отвечал на сообщения. У меня был выключен телефон.

— Я же обещал, что завезу, поэтому так и сделал. И здесь я не доктор, но это все ради нее, да? Анализы?

Я пожимаю плечами.

— Может быть. Или мне просто самому было интересно, понимаешь?

— Какой бы ни была причина, приятель, в любом случае, такие вещи всегда полезно знать, — продолжает Гейб, прежде чем его брови хмурятся, а голос становится ниже. — Послушай, не пойми меня неправильно, ладно, но кое-кто из тетушек волнуется. Разве она не старше тебя?

И тут срабатывает мой защитный рефлекс. «Какого черта?»

— Ну, и что?

— Это не беспокоит тебя? — Гейб с любопытством рассматривает меня, прежде чем развернуться к стеклянным дверям и выглянуть во двор, где мы видим, как Харлоу общается с Наной, Лети и Алексом. С ними еще стоят Сара и Бенни, и все над чем-то смеются, над тем, что говорит Летти. Харлоу держит на руках одну из четверняшек с розовой лентой на голове, и мое сердце сжимается. Харлоу вся светится, воркуя с трехмесячной малышкой, которая смотрит на нее и протягивает к ней свою пухленькую ручку, чтобы прикоснуться к лицу Харлоу.

— А должно? — раздраженно спрашиваю я.

Мое терпение внезапно начинает иссякать.

— Ты поэтому и пригласил ее, чтобы указать мне на это, словно я понятия не имею о ее возрасте? Кто я, по-твоему? Идиот?

Гейб поднимает руки в насмешливой капитуляции.

— Ух, ты! Дэкс, остынь, ладно? Я просто спросил, вот и все. Я ни на что не намекаю, Богом клянусь, приятель.

— Тогда зачем спрашиваешь? Это вас не касается, *доктор*.

Я закручиваю колпачок обратно на бутылку воды и выхожу, но Гейб останавливает меня, положив мне на предплечье ладонь.

— Послушай, Дэкс, я просто беспокоюсь о тебе. Она все еще замужем, черт возьми, за гребаным Главой Трансплантационной Хирургии, святые небеса.

— Она разводится, — сквозь стиснутые зубы произношу я. — Они еще в браке, но она над этим работает. Этого достаточно?

Гейб вздыхает.

— Ладно, прости, я лезу туда, куда не следует. Думаю, здесь не о чем беспокоиться.

— Не о чем. С каких пор ты обо мне беспокоишься?

— С тех пор, как тебя подкосило после измены Клаудии. Ты помнишь, что едва не убил Тони в том туалете? Что если бы меня там не оказалось? — спокойным голосом отвечает Гейб. — Слушай, я не хочу видеть, как тебе причиняют боль, ясно? То есть, мне на самом деле нравится Харлоу, и я не осуждаю тебя.

— Так в чем дело?

— Ни в чем, она тебе просто нравится, и, честно говоря, я очень за тебя рад, — говорит Гейб. — Ты же знаешь, я что угодно для тебя сделаю. Ты — мой брат, только от другой матери, помнишь?

Он хлопает меня по плечу, что вырывает меня из моего раздражения, и я делаю глубокий вдох и выдох.

— Ладно, пойдем во двор, пока никто не начал спрашивать ее, что означает цвет их мочи.

Но когда мы с Гейбом выходим на улицу, очевидными становятся два факта, которые мы с Харлоу не можем отрицать, и не важно, как бы я не старался их игнорировать. Харлоу намного старше меня, и она до сих пор, технически, замужем.

Два часа спустя, когда кузины и друзья Гейба организовали импровизированную группу мариachi, завывающую на заднем дворе, я наконец-то застаю Харлоу одну на кухне, сбрасывающую бумажные тарелки в мусорный ящик (*прим. один из самых распространенных жанров мексиканской народной музыки*). Не сказав ни слова, я беру ее за руку и веду в прачечную, единственную пустую комнату в доме Вассесов. Меня не заботит, что сушилка включена, а стиральная машина стучит по стене, когда начинается отжим. Я беру в ладони лицо Харлоу и накрываю ее долгим и страстным поцелуем, зажав ее между собой и стеной. Я ни одной женщины никогда не желал так, как желаю ее, и дело не только в том, что мне хочется трахнуть ее прямо здесь и сейчас, мне хочется просыпаться с ней рядом каждый день. Это до смерти пугает, но что-то во мне изменилось, когда я увидел ее с ребенком Летти на руках.

«Когда-нибудь она будет держать нашего малыша».

Но когда эта мысль приходит мне в голову, еще одна ударяет меня в солнечное сплетение, лишая воздуха.

«Насколько сильно Харлоу желает завести ребенка? Она до сих пор хочет забеременеть, достаточно сильно хочет, чтобы сорвать мне о том, что принимает таблетки?»

Эта мысль на несколько секунд оглушает меня, и я, хмурясь, отстраняюсь от нее.

— Ты в порядке? — нахмурив брови, спрашивает она.

— Да, все хорошо. Я просто соскучился, — говорю я, когда прислоняюсь своим лбом к ее.

Я не вру. Я соскучился по ней, даже, несмотря на то, что сейчас меня накрывает паника, мое решение заняться с Харлоу сексом, не предохраняясь, не перестает меня беспокоить. *«Но этого не может случиться, ведь так?»* Не после нескольких заходов за последние пару часов? А когда порвался презерватив? *«Что если она забеременела?»*

— Я тоже соскучилась, мистер Дрексл, — бормочет она.

— Тебя все полюбили, Харлоу.

— Они любят тебя. Они, не переставая, говорили о тебе, и о том, как вы с Гейбом вместе росли, — смеясь, говорит она. — И они очень тобой гордятся.

— Это мой второй дом, поэтому они знают все мои секреты. К сожалению.

Я закатываю глаза, когда Харлоу хихикает и кивает в знак согласия. Ее улыбка лишает меня всех сомнений. Я даже не слышу, как стиральная машина стучит о стену, я даже не думаю о том, что все, что мне нужно сделать, это открыть крышку и поменять настройки, чтобы шум прекратился. Но, нет, я очарован, и это плохо.

Выражение ее лица становится серьезным.

— Но тебя что-то тревожит, Дэкс. Что-то не так?

— Просто скажи мне, когда будешь готова уходить, — бормочу я.

— А ты готов уйти?

Я смотрю ей в глаза, упиваясь ею.

— Готов, даже, несмотря на то, что это барбекю Васкесов, и на прощание у нас уйдет, как минимум, час. Они сделают все, чтобы заставить нас остаться.

— И так всегда?

— Довольно часто. Здесь не соскучишься.

— Тогда, думаю, пора начинать прощаться, — говорит Харлоу, смотря на двери, услышав голоса снаружи. — И мы уже не одни. Люди, должно быть, думают, что мы здесь кувыркаемся. Или у меня разыгралось воображение от вращения барабана.

Но вращение стиральной машины — это наименьшая из наших проблем, когда Харлоу открывает двери, а в стороны разбегаются Диами и племянницы Гейба, глядя на нас с широко открытыми глазами и отвисшей челюстью.

— Давно, вы, ребята, здесь подслушиваете? — спрашиваю я, когда стиральная машина ритмично стучит по стене позади нас. *Бух-бух-бух*.

— Тебе доктор делала здесь об-сле-до-ва-ние? — спрашивает один из младших ребятишек, когда я хватаю Харлоу за руку и пробираюсь вперед.

К черту долгие прощания. Я просто хочу остаться наедине с Харлоу, даже если в конечном итоге на меня обидится половина Таоса.

Глава 19

Харлоу

«*Почему я чувствую себя как человек, чей медовый месяц подошел к концу?*» Сказать, что барбекю для Дэksа оказалось катастрофой, было бы преуменьшением, хотя на улице мы улыбались, когда вышли со всеми попрощаться. Обменявшиеся то с одним, то с другим парой слов, все разошлись. Теперь Дэкс явно расстроен, и это не относится к тому, что нас подслушивали дети. Но, несмотря на то, что он ничего мне не говорит, я понимаю, в чем кроется причина его настроения. После долгих лет работы в больнице и моей месячной практики в клинике Андреа в Альбукерке, я достаточно хорошо понимаю испанский, чтобы понять большую часть из того, что все говорили, когда думали, что я не обращаю внимания.

«*Она намного старше его. Ты в курсе, что она до сих пор замужем?*»

Я знаю, что людям сложно сдержаться, особенно, когда они правы. Я старше Дэksа, и я все еще замужем, даже, несмотря на то, что занимаюсь бракоразводным процессом. И Дэкс — не дурак. Не сомневаюсь, что за это время кто-нибудь успел ему что-нибудь сказать, до конца оставшегося дня стирая этим с его красивого лица привычную усмешку, которую я так люблю. Сейчас он погружен в себя, и, пока мы возвращаемся в «Жемчужину» с доносящейся из динамиков музыкой, я вижу, как белеют костяшки пальцев на его руках, когда он с силой сжимает руль.

— Ты же знаешь, они правы, — говорю я, нарушая долгое молчание между нами, и даже голос Пола Саймона*, поющего про безумную любовь к кому-то, не облегчает ситуации (*прим. американский рок-музыкант, поэт и композитор*).

— Что?

— Я о том, что они там наговорили тебе обо мне. То, что я намного старше тебя, и что я технически еще замужем.

— Мы оба с тобой знаем, что ты разводишься, и, насколько мне известно, это означает, что ты не замужем, — бормочет он. — Они лично сказали тебе об этом или обсуждали это у тебя за спиной?

Я пожимаю плечами. Все были слишком вежливыми и находились в восторге от того, что я была хирургом, чтобы что-нибудь подобное сказать мне в лицо.

— Какая разница? Все равно это правда. Пока мой развод не закончен, для них я все еще замужем, а то, что мы спим вместе и дураку понятно.

— Ну, и что? Разве это запрещается?

— И к тому же, я намного старше тебя.

— Ну, и что? Это волнует тебя? Нет. Это волновало меня, до того как мы сошлись? Нет, — Дэкс выдыхает, прежде чем продолжить. — Я вижу мужчин с женщинами, которым на половину меньше лет, чем им самим, и никто не жалуется. Но когда дело доходит до противоположной ситуации, все начинают высказывать свое недовольство. Какая разница, что ты старше?

— Не знаю, Дэкс. Просто... для многих людей это слишком.

Дэкс замедляет грузовик, чтобы припарковаться на обочине дороги возле других машин, как раз перед заездом на мост Рио-Гранде-Гордж-Бридж, но не выключает двигатель.

— Это важно для тебя?

Моя заминка дает ему ответ, которого он ждет, и прежде чем я успеваю что-нибудь сказать, Дэкс выключает двигатель, открывает дверь автомобиля и выходит. Он немного проходит вперед, после чего разворачивается и направляется обратно к грузовику, чтобы открыть мою дверь.

— Может, прогуляемся, прежде чем я отвезу тебя домой?

— По мосту?

— Почему бы и нет? — глаза Дэкса сужаются, пока он изучает мое лицо. — Ты боишься высоты?

— Немного, — отвечаю я, проглатывая ком в горле, и внезапно ощущаю сухость во рту. — Ладно, боюсь. Он же довольно высокий, разве нет?

— Мы находимся на высоте примерно 565 футов над рекой, да, так что можно сказать, что он довольно высокий.

Дэкс смотрит в сторону моста, и я следую за его взглядом. На мосту находится пара туристов, они стоят возле перил, делая селфи. Кто-то снимает вид на свой телефон. Через два автомобиля от нас, останавливается фургон, из которого высекакивает семья из трех человек, в том числе и маленький ребенок, желающие посмотреть на ущелье внизу.

— Может, я отвезу тебя домой, и дам тебе время побывать наедине? — произносит Дэкс, закрывая двери, но я останавливаю его.

«Если все эти люди могут это сделать, то почему я не смогу?»

— Нет, не сейчас. Я прогуляюсь с тобой по мосту, а потом ты можешь отвезти меня домой. Я всегда хотела посмотреть на этот вид, но только не в одиночестве, — говорю я, заставляя себя улыбнуться.

— А если ты испугаешься?

— Не испугаюсь. Тем более ты со мной, — отвечаю я, надеясь, что Дэкс мне улыбнется, но он этого не делает.

Я не могу вынести этой пропасти, которая пролегла между нами, пока мы стоим друг напротив друга. Я с надеждой протягиваю руку, и Дэкс принимает ее.

— Обещай держать меня за руку, пока мы не вернемся обратно.

Он кивает.

— Обещаю.

Просто чудо, что мне удается пройти до конца моста и вернуться обратно, не задохнувшись от страха, даже, несмотря на то, что мне приходится отпустить руку Дэкс, когда мимо нас проходит семья из трех человек, и я хватаюсь за перила. Но Дэкс рядом со мной, поэтому это не так страшно, как я думала. Конечно, мост шатается, когда по нему проезжают машины, но он надежный, точно так же, как и человек, стоящий рядом, смотрящий в небо на большие воздушные облака, покрывающие горные хребты прямо перед нами. Слишком молодой или нет, Дэкс далеко не мальчишка, каким я его про себя постоянно называю.

— Обычно мама водила нас на прогулку вдоль Рио-Гранде. Не сюда, а немного дальше, — говорит он, пока мы стоим, опираясь на перила.

Ветер дует мне в лицо и разевает волосы, и мне нравится ощущать его на своей коже.

— Когда папа улетал в город, мы все отправлялись в Арройо Секо и шли ловить дикую форель. Это в нескольких минутах езды отсюда, если ехать по трассе до Лыжной долины Таоса. Моя мама научила меня рыбачить. И, даже, папу.

— Мне бы хотелось с ней познакомиться, — говорю я, когда Дэкс обнимает меня за плечи, а я обнимаю его за талию.

— Мне тоже хотелось бы, чтобы ты с ней познакомилась. Прошло пять лет с тех пор, как она умерла.

— Мне жаль, — бормочу я, глядя в сторону ущелья, и вижу разбитую машину, свисающую с хребта.

Я отворачиваюсь, не желая знать, как она там оказалась.

— Какой она была?

— Она была замечательной, — начинает рассказывать Дэкс, его голос звучит глубоко и низко возле моего уха. — Она переехала сюда, когда была беременна, из-за того что не выдержала больше жизни в Нью-Йорке и попыток влиться в Манхэттенскую элиту. Она гордилась жителями Нью-Мексико, и поэтому была полна решимости воспитать своего второго ребенка здесь. Безусловно, Сара не была в восторге. К тому времени, когда родился я, ей уже было восемь, и она не обрадовалась переезду.

— Но она до сих пор здесь.

— Она переехала в Нью-Йорк, когда поступила в университет, но вернулась обратно после первой пережитой снежной бури, послав все к черту. Вернувшись, она встретила Бенни, и у них появился Диами, и с тех пор, они то расходились, то сходились вновь. Но это происходит только из-за того, что моя сестра как фейерверк, — посмеиваясь, говорит Дэкс, прежде чем снова стать серьезным.

— Мама прилетела сюда, родила меня, а после этого у папы не было другого выхода, кроме как кататься из Таоса в Нью-Йорк. Ей хотелось, чтобы у меня была нормальная жизнь, в кругу семьи. Большой семьи.

— Твой отец не возражал? Летать туда и обратно только ради того, чтобы повидаться со своими детьми?

— Возможно, сначала, но я был слишком мал, чтобы это заметить. К тому времени, как я стал маленьким кошмаром для города, он с нетерпением ждал времени, когда сможет приехать на пару недель к нам. Отец должен был ехать на машине до Санта-Фе, чтобы поработать дистанционно, но это было лучше, чем постоянно летать в Нью-Йорк. Он владеет брокерской фирмой в Финансовом районе, и так как он сократил свои часы работы в офисе, то теперь может присматривать за финансами моей компании. Таким образом, в течение нескольких недель, меня растили мама и Нана, две сильные женщины, которые не делали ни из кого заложников. Но они дали мне идиллическое представление о людях из детских книг. Я был ужасно счастливым, даже каникулы в Париже и Риме не могли

выдернуть меня отсюда. Сара говорит, что я, как и мама, привязан к земле, небу, ветру и Рио-Гранде. И она права.

— Что с ней случилось?

— Рак яичников. Она не замечала этого вплоть до четвертой стадии, когда внезапно стала выглядеть, словно находится на восьмом месяце беременности; мы на тот момент были в отпуске в Тоскане. Кажется, они назвали это асцитом, или как-то так. Но мама до последнего не признавалась, насколько ей было больно. Она думала, что у нее просто появились проблемы со спиной, и вдобавок было постоянное вздутие живота, от которого она лечилась, чем придется. Вернувшись тогда домой, пapa ушел из своей компании и оставался здесь целых два года. Мне хотелось позаботиться о ней, но мне было только двадцать. Я пытался вести себя, как взрослый мужчина, когда, на самом деле, до него мне еще было очень далеко. Но я делал, что мог.

— Ей делали химиотерапию? Лучевую терапию?

Он кивает.

— Сначала ей сделали операцию, чтобы удалить все злокачественные части, перед тем как преступить к лучевой терапии. Позже она согласилась на экспериментальные методы, но даже мама понимала, что ничего из этого ей уже не поможет. Когда одно из лекарств начало выходить с потом через кожу на ладонях и ступнях ног, она уже знала, что ей осталось недолго, — Дэкс делает паузу, затем задумчиво улыбается. — Но до тех пор, Харлоу, смотря на нее, ты бы не подумал, что у нее был рак. Она вся светилась. Она продолжала быть волонтером и всеми силами оказывала свою помощь. Она научилась рисовать, изготавливать глиняную посуду, и даже учила еще один язык, итальянский. Мама сказала, что должна чем-то себя занимать, потому что знала, если она остановится, все будет кончено.

— Ты так на нее похож. В тебе есть ее свет, — говорю я, притягивая его к себе.

Я зарываюсь лицом в его грудь и вдыхаю его аромат. На этот раз, я даже не пытаюсь это анализировать. К черту феромоны. Он просто пахнет мужчиной.

— Именно тогда я рисовал все свои эскизы мебели, те, которые пару лет спустя получили награды, — продолжает рассказывать Дэкс. — Они все были уже готовы, когда мы проводили с ней ее последние недели во Флагстаффе. Большинство из них выглядело невыполнимо даже на бумаге, как, например, то вишневое дерево, состоящее из плавных линий и волн, вырезанное на лестнице; люди из сферы дизайна утверждали, что ничего не выйдет, но вышло, как мама и говорила. За домом во Флагстаффе есть ручей, и она любила сидеть там, у воды, слушая пение птиц и шелест листвьев на деревьях. Нана, Сара и Диами тоже приезжали туда, в те последние дни. И Бенни. Никому из нас не хотелось оставлять ее.

— Дэкс, мне так жаль. Правда.

— Она скончалась в больнице. В ее легочную артерию попал тромб, — говорит он, смотря вперед, где вдали две части Рио-Гранде сходятся вместе. — Тогда пapa сказал, что последним желанием мамы было не ставить ей надгробия. И не проводить никаких поминок, ничего. Он расстроил множество людей, сообщив, что они не смогут прийти и выразить свое почтение, но пapa все равно захотел произнести свою прощальную речь. Мама хотела, чтобы люди думали о ней, словно она все еще остается с нами, и она была права. Когда тебе не нужно прощаться, каким-то образом, те, кого ты любишь, всегда остаются с тобой. Именно тогда я решил купить участок земли вдали от всего, и построить «Жемчужину». Кстати, так ее звали, Перл* Анайа Дрексел (*прим. Pearl - англ. перед. - жемчужина*).

— Она воспитала замечательного сына, — говорю я, со стыдом сдерживая слезы.

«*А что, если бы в ту ночь я все-таки покончила с жизнью там, где он построил дом, чтобы почтить память своей матери?*» Я поднимаю глаза на Дэкса и изучаю контуры его лица, плавный изгиб его римского носа и его густые темные ресницы, которые от природы подкручены вверх, делающие его голубые глаза еще ярче. Его борода

подчеркивает его сильную челюсть, на которой виднеется ямочка на подбородке. Я подношу руку к его лицу, позволяя себе провести пальцами до уха, чтобы дальше ощутить его короткие волоски на затылке.

— На что ты смотришь? — бурчит Дэкс, отрывая взгляд от горизонта и глядя на меня.

Через час уже стемнеет.

— На тебя. Я смотрю на тебя.

— И что ты видишь?

Я переплетаю наши пальцы и подношу к губам его руку. «*К черту всех, а также их мнение о том, что он слишком молод для меня*».

— Я вижу мужчину, Дэкс. Я вижу тебя.

— Спасибо.

Дэкс улыбается и целует мою руку, прежде чем обнять меня. Несколько секунд мы молчим. Мы просто наслаждаемся видом перед нами, и хотя по мосту проезжает несколько машин, и ощущается, как эта конструкция вибрирует у нас под ногами, я не боюсь. Я чувствую себя в безопасности.

После этого он делает глубокий вдох и затем выдыхает.

— Харлоу, ты сильно хочешь забеременеть?

Я напрягаюсь, несмотря на то, что Дэкс еще сильнее прижимает меня к себе. Я могу ему сорвать, так же, как дважды обманывала его о том, что пью таблетки, когда на самом деле я этого не делаю, или я могу просто сказать правду. «*Разве он ее не заслужил? Если я сейчас потеряю его из-за своей лжи, значит, так тому и быть. Чем раньше мы покончим с этой интрижкой, тем лучше будет для каждого*».

— Скажем, раньше это было все, чего я хотела, — тихо отвечаю я.

— Раньше? А теперь? Ты до сих пор настолько сильно этого хочешь, что готова сорвать мне о том, что принимаешь таблетки? — спрашивает он, и его голос пугающе спокойный. — Возможно, я ошибаюсь...

— Нет, — говорю я, отстраняясь, чтобы посмотреть на него. — Ты прав. Я не принимаю таблетки, и я очень сожалею о том, что сорвала тебе. Мне не стоило, но...

— Но, что?

Его темно-синие глаза выглядят жестче в надвигающихся сумерках.

— Я давно не принимаю таблетки, так как не могу забеременеть самостоятельно, без медицинской помощи.

— Ты могла бы мне сказать это, вместо того чтобы обманывать меня. А если ты забеременеешь?

Я качаю головой.

— Я не могу; видит Бог, я пыталась. Врачи не знают причины, хотя некоторые предположили, что у меня ранняя менопауза. Они назвали это преждевременной недостаточностью яичников. С моей удачей я поставила все остальное выше детей, и к тому времени, когда мне захотелось родить, стало уже слишком поздно.

— Тебе когда-нибудь приходило в голову, что проблема могла крыться в Джейффе?

— У него будет ребенок с его секретаршей, Дэкс. Как проблема может быть в нем? — огрызаюсь я, отходя от Дэкса и хватаясь обеими руками за перила, смотрю на одинокий грузовик, свисающий с хребта. Я заставляю себя сосредоточиться на нем, и не важно, насколько ужасно это выглядит, кто знает, сколько лет этому серому металлу.

— Прости, что сорвала тебе. Мне очень жаль. Но единственная причина, по которой я когда-либо беременела, была ЭКО. Четыре попытки. Три из которых закончились выкидышем, а четвертая... ну, Маркус родился мертвым. Знаю, это звучит эгоистично, но мне просто хотелось... не знаю... ощущать тебя. Полностью.

Мои щеки горят, когда я произношу последнюю часть, но я не вру. Я хотела Дэкса и все, что он мог мне дать. Мне хотелось всего, что я могла получить, хотя бы на тот момент,

когда мы были вместе, до того как все рухнуло, прямо как машина в ущелье. Эгоистично, но я получила то, что хотела. И честно говоря, каковы шансы на счастливый конец?

Я чувствую, как Дэкс изучает выражение моего лица, но не могу посмотреть на него, не тогда, когда я похожа на отчаявшуюся женщину, которой хочется детей настолько, что она готова сделать и сказать все, что угодно, лишь бы забеременеть. Именно так я и делала. У меня нет оправданий моему поступку, и, наверное, мое молчание говорит Дэксу о многом.

Он опускает на меня руку, когда я продолжаю хвататься за перила.

— Давай мы отвезем тебя обратно в «Жемчужину», пока не слишком стемнело?

Глава 20

Дэкс

До меня не сразу доходят слова Харлоу, и к тому моменту, когда мы уже находимся на полпути к «Жемчужине», я так зол, что едва вижу дорогу перед собой. Только из-за того, что она смогла забеременеть исключительно с помощью ЭКО, Харлоу не посчитала нужным честно сказать мне, что не принимает таблеток?

Вместо этого, она тогда стояла прямо передо мной в гостиони и лгала мне, как раз после того, как я вручил ей чертову бумажку о том, что я чист. И лишь потому, что я думал не головой, а своим членом, я купился на это. Но не только это злит меня; я слишком сильно и слишком быстро в нее влюбился, именно поэтому я так себя отвратительно чувствую. Или все это из-за пистолета и той записки? Нет, это не так, тогда я бы не чувствовал себя преданным. Я не испытываю жалости к Харлоу, совершенно. Наоборот, я восхищаюсь тем, какая она рассудительная — иногда даже слишком, и ее стойкостью. И как бы сильно я терпеть не мог ее замкнутость, она пошла ей на пользу. Также я не могу отрицать тот факт, что Харлоу открылась передо мной гораздо больше, чем перед кем-либо другим.

А еще, она — ужасная лгунья.

От этой мысли я снова чувствую, как начинаю злиться, поэтому делаю глубокий вдох, в надежде, что смогу подавить злость. Но когда я останавливаю грузовик напротив «Жемчужины», я понимаю, что не могу этого сделать. Бог видит, не могу. Я ненавижу, когда из меня делают идиота, и только потому, что она слишком сильно мне нравится, я не собираюсь все это спускать на тормоза.

«Ты слишком сильно любишь, сынок».

Я выключаю двигатель, и какое-то время мы сидим в тишине. Все это время Харлоу наблюдает за мной, не произнося ни слова, и я рад тому, что она ничего не говорит, а то я взорвусь прямо в машине. Я уже давненько так себя не чувствовал, в последний раз когда я позволил своему гневу взять над собою власть, я чуть не прикончил человека. Клянусь, сейчас я никого не собираюсь убивать, но я слишком близок к этому, чтобы думатьrationально. В данный момент меня одолевают эмоции. В последние дни я был слишком на взводе, чтобы теперь сохранять здравый смысл.

Мне просто нужно уйти, сделать так же, как я поступал в последние пару раз, когда меня обманывал тот, кто был мне не безразличен. Мне нужно постараться абстрагироваться. Я выхожу из машины и иду на противоположную сторону, чтобы открыть Харлоу дверь. Я не собираюсь выходить из себя у нее на глазах, поэтому опускаю свой взгляд вниз.

«Чувак, она просто Златовласка с большими сиськами и узенькой киской, — говорю я себе. — Ты забудешь о ней точно так же, как и о Клаудии».

Мы подходим к «Жемчужине» в молчании, с каждым моим шагом дистанция между нами увеличивается. Если она может так легко лгать о том, что принимает таблетки, тогда что на счет остального?

«Просто прекрати сейчас об этом думать, чувак. Лучше спроси у нее».

Харлоу открывает входную дверь и заходит внутрь, прежде чем повернуться ко мне лицом, удерживая двери открытыми.

— Не хочешь ненадолго зайти? — спрашивает она.

— На самом деле, нет.

— О, ладно, — Харлоу сглатывает, глядя в пол, прежде чем снова посмотреть на меня. — Спасибо, что взял меня на барбекю, Дэкс. Было очень приятно познакомиться с Гейбом...

— Когда ты собиралась рассказать мне о той ночи, когда пыталась убить себя в моем доме?

С ее лица сходят все краски. Ненавижу то, что мне пришлось признаться, что я был в доме той ночью, но я слишком зол, чтобы мыслить рационально. Разговор о моей матери вернул все воспоминания — радость жизни, которую она посвятила своим детям, в сопровождении с болью от наблюдения, как она умирала на моих глазах. И единственным способом справиться с этой болью, стало строительство «Жемчужины». Как смеет какой-то звездный доктор из Нью-Йорка приезжать сюда и поганить мой любимый труд из-за своих заморочек? Кем Харлоу Джеймс себя возомнила?

Харлоу не отвечает на мой вопрос, а просто с отвисшей челюстью ошаращено смотрит на меня своими большими глазками. Я чувствую, как в моей груди появляется дыра, словно чертов инопланетянин, вторгающийся в меня и пытающийся добраться до моего сердца. Ненавижу себя за это чувство, но я беру себя в руки, говоря себе, что она, черт подери, соврала мне. Она меня использовала.

— Что если бы ты убила себя той ночью, Харлоу? Ты думала, что Нана найдет твоё тело и просто приберется после тебя? Или я? Потому что если ты не заметила, я не нанимаю уборщиц, чтобы держать дом в порядке. Этим занимается семья. *Моя семья*.

— Нет! Я... Я собиралась сделать это снаружи... — внезапно Харлоу делает шумный вдох и закрывает рот рукой, вероятно, до нее доходит, что она только что произнесла.

Я смотрю на нее, потеряв дар речи. Если тот факт, что Харлоу соврала мне, уже достаточно плох, то это признание еще хуже.

— Дэкс, я очень сожалею.

— Готов поспорить, что сожалеешь, — произношу я, зная, что могу потерять ее в любую секунду.

Какой бы невыносимой ни была эта правда, что Харлоу, действительно, планировала убить себя той ночью, мне никогда не хотелось слышать, как она признается в этом. Получается, это самообман. Именно поэтому я никогда не спрашивал ее про пистолет. Мне хотелось сохранить идеальный, неприкосновенный образ Харлоу Джеймс в своей голове — образ хирурга, который проводит операции для детей, и женщины, от которой я таю при одном лишь только взгляде на нее, той самой женщины, которая сказала мне, что до меня была лишь с одним мужчиной, и которой я поверил. Но также она является той женщиной, которая сейчас медленно убивает меня своей ложью.

— Сделала бы ты это здесь или снаружи, не меняет того факта, что ты думала о самоубийстве у меня дома. Если бы ты действительно хотела досадить своему гребаному муженьку, тогда бы сделала это в Хэмптонсе, а не здесь. Уверен, он без проблем может нанять команду, чтобы прибрать за тобой, и потом все равно провести свою чертову свадьбу.

— Дэкс! — глаза Харлоу наполняются слезами, но я заставляю себя опустить взгляд вниз. *«Грудь. Смотри на ее чертову грудь».*

— А как же я? Тебе не приходило в голову спросить меня, что я думаю на счет того, чтобы стать отцом? Я для тебя очередной донор спермы, предоставленный к твоим услугам, когда бы тебе этого ни захотелось? Вот почему тебя так беспокоит то, что я намного моложе тебя, потому что ты не веришь, что я могу думать самостоятельно? Что мне не хватит мозгов?

— Это не правда! Мне не наплевать на тебя, Дэкс. Я...

— Не наплевать на меня? Тебе не наплевать на меня, когда нужно потрахаться, но наплевать, когда речь заходит о том, чтобы сказать мне правду? Это так? Потому что именно так все это выглядит сейчас.

— Я такого не говорила.

— Ты права, не говорила. Но ситуация говорит сама за себя, Златовласка, и сейчас, я услышал достаточно, — произношу я, понимая, что мне нужно остыть, пока я не врезал по стеклянной двери и не порезал себе руку.

— Дэкс, прошу, давай поговорим.

— Нет, нам не о чем говорить, но ты можешь поговорить. Только не со мной, — отвечаю я, в последний раз взглянув на нее. — Обратись за помощью, Харлоу. Что бы ты ни делала, просто обратись за помощью. Пожалуйста.

Я не оборачиваюсь назад, даже когда чувствую, как Харлоу хватает меня за руку. Я сердито стряхиваю ее руку, и радуюсь тому, что она не пытается этого повторить. Слава богу, Златовласка понимает, когда ей не рады, сейчас я не хочу иметь с ней ничего общего.

Но когда я отъезжаю от «Жемчужины», не заботясь о том, насколько сильно разбрасываю камни позади себя, я задаюсь вопросом, почему чувствую боль в своей груди? Почему у меня такое чувство, словно я повернулся спиной к чему-то, что могло длиться всю мою жизнь?

Я решаю не ехать сразу домой. У братьев Виллер горит свет, и я направляюсь к ним. Я мог бы позвонить Гейбу, но не хочу, чтобы разговор постепенно перешел на Харлоу, даже упоминания про нее слышать не желаю. В данный момент мне хочется начать забывать о ней, и если это означает зависнуть с братьями Виллер, болтая о видеоиграх или последних приключениях в производстве пива, тогда меня это устраивает.

Когда я подъезжаю к их дому, меня встречает Тодд, держа в руках открытую банку с пивом. Через оконное стекло я вижу, как его брат Сойер, с густой бородой на поллица, сидит перед телевизором, играя в видеоигру. Хотя оба брата пользуются довольно большой популярностью среди местных дам, Тодд — общительный парень, а вот Сойер — сам себе на уме. Сойер производит впечатление человека, которого ничего не заботит, но, после того как умерла мама, я воочию убедился, что ему не наплевать на окружающих, и я по гроб жизни обязан этому парню.

— Здорово, здорово, Большой Д. Как поживаешь? — кричит Тодд, крепко пожимая мою руку. — Давно тебя не было видно, чувак!

— Что ты несешь? Я здесь, — отвечаю я, заставляя себя улыбаться, когда выхожу из грузовика. — У тебя еще есть то, что я тебе оставил?

Лицо Тодда темнеет, но он кивает и делает знак следовать за ним внутрь. Это то, что я завез ему, отправившись обратно в Таос, сразу после того, как впервые увидел Харлоу, спящую в моей кровати. Терпеть не могу то, как быстро я умею закрывать на все глаза, особенно, как в этот раз я абстрагировался от того чертова пистолета, надеясь, что она сама мне что-нибудь скажет о нем, пока сегодня я сам не выдержал и не сказал это.

Когда мы с Тоддом проходим мимо гостиной, Сойер отрывается от игры и кивает мне, прежде чем замочить навороченной пушкой каких-то плохих парней на плоском экране. У братьев такой же, как и «Жемчужина», экодом с тремя спальнями, только, на мой взгляд, более органичный, с наклонными линиями и скульптурными акцентами. Как и в «Жемчужине», он оснащен хранилищем и фильтром для воды, комнатой управления всеми солнечными батареями, а также теплицей. Моя теплица кажется заросшим лесом по сравнению с их, но они делают лучшее из того, что имеют, выращивая каждый год овощи, фруктовые деревья, авокадо и лимоны. Здесь даже где-то есть банановое дерево и кустарник австралийского ореха, а еще посажены семена, привезенные с Гавайских островов и тщательно возвращаемые последние пять лет, может и дольше.

— Видели что-нибудь интересненькое за последнее время? — спрашиваю я, кивая в сторону телескопа у окна, когда мы с Тоддом стоим перед одной из его книжных полок.

Он проводит указательным пальцем по книгам, пока не останавливается на той, на которой написано «Дракула», и вытаскивает ее. Эта книга в твердом переплете, поэтому Тодд превратил ее в тайник, в котором прячут ключи и прочие ценности в отверстии, вырезанном в страницах. Обычно он прячет там лекарственную марихуану, но не в этот раз.

— Не-а, только какую-то женщину... и мужика, который никак не может оторвать от нее свои руки. О, подожди, это же ты.

Я пристально смотрю на него, а потом говорю:

— Заткнись, и перестаньте подглядывать за людьми.

— Эй! Кто подглядывает? — ворчит Сойер, хотя он все еще сосредоточен на экране, когда я опускаю руки в отверстие внутри книги. — Я, вообще-то, смотрю на звезды, Дэкс. Тодд, вот о ком тебе нужно беспокоиться.

— Так ты хочешь их забрать? — спрашивает Тодд, когда я большим и указательным пальцами беру пулью, все еще находящуюся в гильзе. — Потому что мы могли бы использовать их, практикуясь в стрельбе. Все равно хочешь забрать этих малышек?

— Нет, если хочешь их оставить, отлично. Если нет, я отдам их Нилу.

Нил — это друг-полицейский из Альбукерки. Конечно, если я их передам ему, то он обязательно задаст мне намного больше вопросов, и главным будет: «*А где чертова пушка, мужик?*»

— Знаешь, достаточно одной пули, — произносит вдруг Тодд, забирая у меня патрон. — Патрон 22-го калибра просто вонзится тебе в череп и превратит твой мозг в месиво. А эта пуля просто вышибет тебе мозги наружу...

— Это не смешно, приятель, — сердито говорит Сойер, он все еще следит за игрой, хотя, очевидно, что параллельно он вслушивается в мою беседу с его братом.

Сойер служил в Афганистане и был одним из двух членов своей команды, кто остался в живых, поэтому он отдалился от всех. Однажды Нана застала его, роющимся в мусоре позади дома, и пригласила его зайти. Вот так я впервые и увидел Сойера, сидящего за моим столом, словно дикий охотник, наслаждающийся стряпней Наны. Вскоре после этого Сойер присоединился к общине экопоселений, помогая в строительстве и участвуя во всему, чему только возможно. Он поглощал все знания, которые ему были предложены.

А Тодд бросил работу телевизионного сценариста в Голливуде, чтобы жить здесь со своим братом. Он по-прежнему пишет и даже публикует свои книги, но живет здесь, чтобы следить за тем, чтобы Сойер ничего не натворил. Не то чтобы Сойер мог что-то сделать. На самом деле он работает в частной охранной фирме и на несколько недель в год уезжает из города, чтобы охранять какую-то рок-звезду или какого-то мажора, о котором он ничего не рассказывает.

Тодд пожимает плечами, возвращая пулью в тайник и закрывая книгу.

— Эй, это ты принес их сюда, верно? И я доверяю тебе, когда ты говоришь, что ничего и никого не подстрелил непонятно откуда взявшейся пушкой. Кроме того, ты больше любовник, чем боец, дружище...

— Заткнись, — перебиваю я его.

— Так, где ты их взял? — не унимается он.

Я не могу ответить на этот вопрос, только не сейчас. Той ночью, когда я нашел Харлоу, я не просто ворвался в частные владения, пока она лежала в отключке у меня на кровати, спустя несколько часов после того, как решила покончить жизнь самоубийством. Я еще совершил кражу. Но я бы ни за что не оставил заряженный пистолет внутри «Жемчужины», в компании женщины с суициdalными наклонностями, явно не после того, как прочел ту чертову записку. Тот факт, что Харлоу ничего мне не рассказала, говорит о том, что она не в курсе, что ее пушка пуста, либо она забыла, что не доставала пули; я не знаю. Я просто надеюсь, что у нее не завалялись где-нибудь лишние патроны.

— Какая разница, где я их взял? — бормочу я.

Тодд задумывается на несколько секунд, после чего отрицательно качает головой.

— Не, мне без разницы. На самом деле, приятель, мне не хочется знать, где был этот пистолет, или у кого.

— Нет, не хочешь.

— Понял.

Он усмехается, заталкивая книгу обратно на полку и кивая в сторону гостиной.

— Пива хочешь? У меня есть парочка австралийских орехов, они сами свалились с растения. Оказывается, они падают на землю, и именно так их можно собрать.

— Только это занимает вечность, — бормочет Сойер, когда я сажусь рядом с ним и открываю пиво, которое мне кинул Тодд. Смотря в окно, я вижу сияющие, как маяк в ночи, солнечные панели «Жемчужины», только в этот раз, это не приносит мне никакого умиротворения, зная, как я ушел оттуда и что оставил там человека одного. Я делаю большой глоток и устраиваюсь на диване поудобнее, наблюдая, как Тодд подносит молоток к одному из австралийских орехов, который все еще в кожуре, и пытается разбить его на кофейном столике. Орех откатывается от него, но он хватает его и кладет в трещину на деревянной столешнице. Слава богу, что этот стол они раздобыли во время одного из своих походов на свалки, находящиеся неподалеку от Санта Фе. Если бы это был один из моих столов, я бы врезал Тодду за то, что он посмел испортить дерево.

Орех трещит, разбрасывая кусочки скорлупы, которые летят на нас, словно осколки. Когда Сойер возмущается, напоминая брату посмотреть в интернете щипцы для орехов, я чувствую, как мой гнев рассеивается. С братьями Виллер нет никаких заморочек. Они такие, какие есть. Они забавные, простые, и они как раз именно то, что мне нужно, чтобы хотя бы на одну ночь забыть о Златовласке, если не навсегда.

Уже под утро я возвращаюсь в дом Наны. Все спят, и я этому рад. Даже несмотря на то, что сумасшедшие выходки братьев Виллер помогли мне забыть о Харлоу на некоторое время, я опять скучаю по ней больше, чем когда-либо, и как только закрывается дверь моей спальни, на меня накатывают воспоминания о последних двух ночных.

Мне потребовалась каждая унция моей воли, чтобы не развернуть грузовик в сторону «Жемчужины», когда я покидал дом братьев. В доме все еще горел свет, и хотя я не мог хорошо рассмотреть Харлоу, я видел движение в гостиной, прямо напротив цитрусового дерева. Интересно, о чем она в это время думала, чем занималась? Теперь я задаюсь вопросом, правильно ли сделал, что ушел от нее, поклявшись никогда не оглядываться назад? Хотел бы я вернуть время вспять и забрать свои слова обратно.

Тем не менее, Харлоу соглашалась, глядя мне в глаза, дважды соглашалась.

Когда я встаю под душ, словно обухом по голове, меня поражает мысль о том, чтобы стать отцом. Конечно, шансы малы. То есть, очень малы. Но что если она забеременеет? Скажет ли мне об этом Харлоу?

Глава 21

Харлоу

Мне требуется несколько часов, чтобы оправиться от гнева Дэкса, мишенью которого я стала. Я бы сказала, что он слишком бурно отреагировал, но, с другой стороны, я ведь задела большую тему, когда спросила его о матери, а после призналась, что чуть ли не совершила самоубийство в том самом месте, которое Дэкс построил в память о ней. Более того, я обманула его, сказав, что принимаю противозачаточные таблетки.

Наблюдая, как на небе появляются звезды, я прихожу к выводу, что он имеет полное право на меня злиться. Мне даже в голову не приходило, пока Дэкс не сказал мне об этом, но это оказалось правдой. «*А как же он? Думала ли я о том, чтобы спросить Дэкса, как*

он относится к тому, чтобы стать отцом? Я вообще учитывала его чувства? Что если бы я и правда забеременела? Что бы тогда было?»

Но, конечно, я даже не учла его интересы, я была слишком ослеплена своей горечью, чтобы видеть что-то, помимо моих собственных потребностей. И Дэкс также прав в том, что я — эгоистка. Так или иначе, в моей голове проскальзывали мысли, что из-за всех моих лишений и неудач — выкидышей, смерти Маркуса, крушения брака и даже необходимости забросить свою карьеру, которой я посвятила большую часть своей жизни, — мир что-то мне должен. Только потому, что спасла столько детских жизней, я взрастила в себе эгоистичное суждение, что имею право на нечто большее, чем гонорары, которые я получала за свою работу. Кто, черт возьми, я такая, чтобы взымать плату с людей, которые совершенно не причастны к моим нью-йоркским проблемам? Почему Анита, Сара, Диами, Бенни... и, особенно, Дэкс должны отвечать за мои проступки?

Мне должно быть стыдно за себя, и мне стыдно.

Я рада, что не топлю свой стыд в вине, как делала это одиннадцать ночей назад. Я усмехаюсь в темноте своим мыслям. Трудно поверить, но прошло уже одиннадцать дней с тех пор, как я чуть не нажала на курок, покончив со всем. И из-за кого? Из-за мужчины, которому я позволила полностью стереть мое чувство собственного достоинства, потому что ему нужно было кого-то подавлять. «Недоросток Джейф». Я снова смеюсь. До этого момента я даже не думала о нем, была слишком занята, проживая насыщенную жизнь с Дэксом и узнавая о себе столько нового: о том, чего желаю, о том, что я имею, и о том, кем я являюсь, помимо всех этих профессиональных титулов, которыми обладаю. Возможно, мне стоит отпраздновать это новое развитие бокальчиком вина.

Но это не единственное, чем мне нужно гордиться. Разве я оставила бы позади ту женщину, которая вышла через входные двери с пистолетом в руках, решив вышибить себе мозги, если бы не рациональная часть ее мозга, которая наконец-то досгучалась до нее? Я даже могу сказать, что теперь едва узнаю ту отчаянную дамочку, и, возможно, поэтому мне стоит навсегда остаться здесь, в «Жемчужине», чтобы, в каком-то смысле, похоронить ту часть себя, не спуская курок по-настоящему. Но также я понимаю, что сейчас я нахожусь здесь из-за Дэкса, который так сильно пытался быть для меня мужчиной, даже, несмотря на то, что в итоге он сорвался, назвав меня стервой и сказав, что мне стоило прикончить себя в Хэмптонсе.

Сказано было жестко, но Дэкс прав. Джейф даже не обратил бы внимания на тот беспорядок, который я бы оставила после себя. Он бы просто перенес свадьбу куданибудь в другое место. Тем более, в таком случае Джейф бы получил все, чего когда-либо желал получить от меня — недвижимость в Хэмптонсе и все остальное имущество, что было в моем распоряжении. Официально он до сих пор является моим мужем, имея, таким образом, право на половину моего имущества, но, видит Бог, я уже отдала намного больше, чем та часть недвижимости, которую Джейф так желает получить.

Размышляя обо всем этом, я начинаю собирать вещи, радуясь тому, что не взяла слишком много для этой поездки. Если я останусь здесь, то боюсь, что буду искать Дэкса и снова выпрашивать у него прощения. Но я не могу позволить себе такого, я уже это делала, а он ушел от меня. И он имел полное право уйти. Мне так сильно хотелось забеременеть, что я соглашалась о своей контрацепции первому идеальному донору спермы, с которым переспала. «Донор спермы». Грубо называть его так, потому что Дэкс намного

больше, чем просто носитель члена, имеющий к тому же большое сердце, которое не сразу разглядишь, но только из-за этих, сказанных им слов я могу оправдать его уход.

Я знаю, что сбегаю, точно также как сбежала после того, как Джейф подал на развод, и после того, как Оскар Палетьер, генеральный директор Общественной больницы Миллера, сообщил, что совет директоров собирается уволить меня, потому что они опасаются за мое психическое здоровье после смерти Маркуса. Я даже не придала значения тому, что они не потрудились подтвердить доказательствами свое заявление. До тех пор, я безо всяких затруднений выполняла все свои обязанности в качестве хирурга-трансплантолога. Но Джейф пригрозил, если я останусь, то он уйдет из Совета и перейдет в другую больницу.

Оскар, как друг, сообщил мне об его угрозе, в конце концов, все мы крутились в одном коллективе, и еще, я часто обедала с его женой, Дианой. Но я знаю правду. Оскар рассказал мне обо всем, потому что был другом Джейфа. Он даже не собирался заступаться за меня, сказав Совету о моих достижениях, или о том, что Сенатор Кингстон отдал свое предпочтение мне, а не Джейфу. Как и все наши общие друзья и знакомые, он выбрал, на чей стороне ему лучше остаться, когда Джейф подал на развод. Не то, чтобы из-за меня это решение было сложным. У Джейфа есть обаяние, которое у меня почти отсутствует, и поэтому мой муж решил показать миру, какая я отчужденная, поскольку в душе я до сих пор еще неуклюжий приемный ребенок, который везде чувствует себя лишним.

Но теперь я понимаю, что я и не должна чувствовать себя везде как в своей тарелке. Я еду домой, хотя точно не знаю, где именно теперь мой дом, не после того, как нашла его здесь, в «Жемчужине»... и в объятиях Дэksа.

Но это говорит мое глупое сердце, а не разум, который точно знает, что мне нужно заняться разводом, побороться за свою карьеру и сдержать обещание, данное маленькой девочке, которая хочет увидеть меня на своем десятом дне рождения, которое будет меньше, чем через две недели.

К пяти часам утра моя машина загружена, и я готова выезжать. Последний час я провожу, убирая дом и выгружая из холодильника продукты, которые купила, пока жила здесь. Я решила оставить «Жемчужину» в том виде, в котором она была, когда я въезжала, ради Аниты. Эта уборка дает мне больше времени для раздумий.

Теперь я понимаю, что Дэks был в «Жемчужине» в ту ночь, когда я едва не убила себя, и это меня злит. Он видел меня в самый уязвимый момент, и ничего об этом не сказал. Дэks все знал. Все это время он знал об этом. Когда я достаю свой спрятанный в вещах пистолет, я понимаю, что он не заряжен. Даже патронник пуст. Должно быть, я была слишком отвлечена, чтобы заметить, насколько он стал легче, когда прятала его.

Это означает только одно. Дэks видел пистолет и забрал пули, просто чтобы убедиться, что я не причиню себе вреда. Теперь становиться понятным, почему он тогда пришел с, так называемым, измененным соглашением об аренде, рассказывая что-то о непредвиденных обстоятельствах. Это все было связано. Дэks пришел только потому, что хотел удостовериться, что я не наврежу себе в его доме. Хуже того, это означает, что он прочитал мою записку. *«Мою чертову предсмертную записку»*.

Дэks знал обо всем.

Поразившая меня правда стирает все теплые воспоминания о нем. Он был со мной из жалости? Все эти поездки, парк Бандельера, горячие источники, и даже общение со мной

— все это просто жалость с его стороны? Конечно, я дала ему множество причин, чтобы сочувствовать мне: мои суицидальные наклонности, мой развод, моя неспособность иметь детей, но разве ему стоило заходить в наших отношениях так далеко, заставляя меня поверить, что я ему не безразлична? Знает ли его семья обо всем этом?

«Разве это важно, Харлоу. Ты уезжаешь».

Слава Богу, что есть разумная сторона Харлоу, или же я никогда не перестала бы задаваться вопросами. Когда я кладу на столик ключи от «Жемчужины», то слышу, как где-то в сумочке звонит мой телефон. Я не отвечаю на звонок, я не могу сейчас разговаривать с кем-либо, только не с таким чувством уязвимости, которое ощущаю. Но я все равно достаю телефон, интересуюсь, может, это звонит Дэкс, чтобы попросить прощения, потому что если это так, я точно не отвечу. Но это не он.

«Черт, нет».

Я выключаю телефон и возвращаю его в свою сумочку, надевая ее на плечо, когда в последний раз окидываю взглядом свой *дом* вдали от дома. Я буду скучать по этому месту, независимо от того, насколько оно причудливое с этими солнечными батареями, теплицами и красочной стеной из бутылок, которые рассеивают свет. И как бы я не сердилась сейчас на Дэкса, я не смогу забыть то время, которое мы провели вместе, занимаясь любовью на кровати королевских размеров и пробуя те позы, которые мне даже в голову не приходили. Да, я буду скучать по этому месту, и как бы мне не была невыносима эта мысль, я буду скучать даже по Дэксу Дрекселу.

Я приближаюсь к входной двери, ненавидя каждый шаг, который отдаляет меня от этого места, принесшего мне столько счастья, когда я в этом больше всего нуждалась. Может быть, призрак Пёрл Анайи Дрексел как-то присматривал за мной, удержав от нажатия на курок в ту ночь. Я не верю в призраков, но я верю в предназначение, может это оно и есть. Это место пронизано всем, что олицетворяет для Дэкса его мать: покоем, любовью и исцелением, даже если оно находится в такой глупи, как эта.

Словно маяк в темноте.

— Спасибо тебе, — шепчу я, перед тем как открыть замок и выйти наружу.

Затем я закрываю за собой дверь и направляюсь к машине, сажусь за руль и завожу двигатель. Когда запотевшее за ночь стекло становится чистым, я смотрю на открывшийся передо мной Таос, не обращая внимания на бегущие по моему лицу слезы до тех пор, пока это не становится невыносимым. Я вытираю слезы тыльной стороной ладони, переключаю передачу и отправляюсь в долгий путь обратно домой.

Глава 22

Дэкс

Когда я подъезжаю к «Жемчужине», после посещения с Наной, Сарой и Диами церкви, я не вижу машину Харлоу на месте. Мне буквально пришлось умолять Нану отпустить меня с бранча (*прим. в США и Европе прием пищи, объединяющий завтрак и ланч, подается между 11 часами утра и 16 часами дня*), и поэтому я знаю, что она уже поняла, что что-то было не так. Наверное, в церкви я сводил всех с ума, постукивая ногой всю службу. Но так как служба была посвящена маме, я ни за что бы в жизни ее не пропустил, даже несмотря на то, что часть меня хотела поскорее вернуться к Харлоу, как только за окном снова взошло солнце.

Я не религиозный человек, но достаточно духовный. Я молюсь через свои руки, создавая красивые вещи из обычных и экзотических пород древесины, соединяя ее с кованой сталью, медью и бронзой. Я начинаю создавать, когда трехсотлетний могучий вяз нужно срубить из-за голландской болезни вяза (*прим. грибковая болезнь*), чтобы потом своими руками с помощью инструментов дать дереву новую жизнь. Процесс создания мебели может занять годы, часть из которых идет на сушку древесины, но мои клиенты ждут изделия так же, как они ждали, когда Такэши-сан делал для них обычную мебель.

Некоторые говорят, что я, как и мой наставник, с уважением отношусь к природе и к тому, что она мне дает, и это правда. Но в моем поведении и разговоре с Харлоу вчера вечером не было никакого уважения, и это то, что я собираюсь сейчас исправить, независимо от того, что мне придется для этого сделать. Поэтому я прощаюсь с Наной и остальными, извиняясь за то, что пропускаю бранч, и спешу к своему грузовику. Отвезти домой Нану сможет и Сара.

Сейчас мне нужно проверить, как там Харлоу. Мне нужно знать, что с ней все в порядке, после того как я по полной облажался, закатив сцену. Ведь я назвал ее стервой и сказал, что ей стоило свести счеты с жизнью в Хэмптонс, а не в «Жемчужине». Нана, наверное, влепила бы мне пощечину, если бы узнала об этом, хотя она совершенно не жестокий человек. Бабушка наверняка до жути рассердится, когда узнает о случившемся.

Нана не для того растила меня, чтобы я однажды назвал женщину стервой, и не важно, что та сделала. Конечно, женщины могут называть меня как угодно — закоренелым придурком, швалью, бездушным ублюдком — но в таком случае, я этого заслуживаю. Закоренелым придурком называют, когда я полностью погружаюсь в работу, и тогда ничего не может оторвать меня от того, что мне нужно сделать, ведь клиенты платят мне тысячи долларов за простой обеденный стол, под заказ изготовленную дверь, ванну или, черт возьми, замысловатую лестницу, которая требует таких идеальных измерений, чтобы полностью соответствовать месту, где она будет установлена с первого раза. Швалью называют тогда, когда я веду себя как мужчина-шлюха, бабник, когда все, чего я хочу, — это перепих на одну ночь, а не какие-нибудь долганные обязательства. Бездушным ублюдком я был, когда Мэдисон чуть не истекла кровью после абортов, о котором она не удосужилась мне рассказать. В тот момент я оставался с ней все время, пока она находилась в больнице и шла на поправку, а неделей позже я вернулся на работу, словно ничего такого не произошло, словно это был не мой ребенок, от которого избавились. Вот тогда я и бросил ее, а она назвала меня бездушным ублюдком, помимо прочих оскорблений, наподобие «тупоголовый» и «дебил». В конце концов, я все-таки дислексик (*прим. избирательное нарушение способностей к чтению и письму*), и это не перерастают.

Но есть одна вещь, которую я точно должен перерости — это мой гнев. Мне стоило сдерживать свое дермо. Мне следовало сделать глубокий вдох, посчитать до десяти или двадцати, или ста. Мне следовало обернуться и поговорить с ней, как взрослому человеку, каким я себя называю. Но нет, я повел себя как мудак, и вот теперь, я стою здесь, уставившись на место, где обычно стоит машина Харлоу, ведь сейчас оно пусто.

Может, она уехала позавтракать в город или за покупками? Может, она наконец-то решила воспользоваться гаражом и припарковать свою машину там? Я знаю, что у нее еще есть неделя, прежде чем ей нужно будет вернуться в Нью-Йорк. Для меня эта неделя — время, предназначенное для того, чтобы попросить у нее прощения и убедить ее, что между нами все может сложиться, даже несмотря на то, что мы всего лишь недавно познакомились.

Но в первую очередь, я должен извиниться.

Пару минут я сижу в машине, наблюдая, как солнце освещает ландшафт передо мной. Вдалеке я вижу дом братьев Виллер, и я знаю, что они, скорее всего, еще спят. Я выбираюсь из своего грузовика и спешу к входной двери. Я стучу, но на мой стук никто не отвечает. Тогда я иду к передней части «Жемчужины», по пути всматриваясь в застекленные окна, и я вижу, что дом пуст. Я возвращаюсь к входной двери, и на этот раз

достаю ключи. К черту приличия. Мне плевать, если я, таким образом, вторгнусь в личное пространство, я все равно войду.

Моя рука дрожит, пока я вставляю ключ в замок и поворачиваю его. Сколько раз за последнюю неделю я переступал через этот порог с чувством, словно был на седьмом небе от счастья, поскольку знал, что за этой дверью меня ждет Харлоу?

Но когда я захожу в «Жемчужину» в этот раз, мое сердце разбивается. Харлоу здесь нет. Я словно ощущаю это в пространстве. Дом кажется пустым и заброшенным, но я все равно иду прямиком в спальню, хотя уже знаю, что там увижу. В комнате нет ее вещей и безделушек, которые лежали на столе у телевизора — вроде тех маленьких камушков и веточек, которые она собрала во время похода в парк Бандельера и к горячим источникам. Нет и той кучи медицинских журналов — у нее была ужасная привычка читать в постели, делая пометки маркером, вместо того, чтобы просто там расслабляться.

Я рассеяно смотрю на идеально заправленную постель, но едва замечаю детали, так как все, что я могу видеть, — это мы, лежащие в этой самой кровати со смятыми простынями у наших ног, и как мы смеемся, болтаем, занимаемся любовью или просто смотрим друг на друга. Как же я обожал, когда Харлоу изучала меня, проводила пальцами по моему торсу, одновременно называя каждую мышцу и проговаривая функцию, за которую та отвечает. Иногда она, торжественно посмеиваясь, находила на моем теле чувствительное место и щекотала его, а я зажимал ее руку, чтобы Харлоу перестала мучить меня. Я вижу те моменты, когда пробовал каждый ее дюйм, вдыхал аромат, похожий на амброзию и имеющий уникальный химический состав, созданный исключительно для меня. И, о, Боги, я слышу смех Харлоу, вижу ее улыбку, ее глаза. Я скучаю по ней.

Когда я поворачиваюсь обратно к выходу, то улавливаю взглядом лист бумаги, лежащий на подушке. С колотящимся сердцем я поднимаю его.

Дорогой, Дэкс.

Мне жаль, что я уезжаю без предупреждения, но, думаю, для нас обоих так будет лучше. Лучше, если мы закончим наши отношения, прежде чем между нами все станет плохо. Хочу, чтобы ты знал, я никогда не была такой счастливой, какой была здесь, с тобой, и не важно, что все это было кратковременно. Я прошу прощения за то, что соврала тебе на счет таблеток, но не думаю, что должна объясняться перед тобой за то, что у меня есть пистолет. Что бы я с ним ни сделала — это бы был мой выбор, даже если я планировала в ту ночь совершить самоубийство, но я этого не сделала, а остальное не имеет значения. Я не покончила со своей жизнью. Вместо этого, я выбрали жизнь, потом встретила тебя, и, может быть, такова и была моя судьба. Но наше время подходит к концу, мы всегда знали, что это закончится. У тебя своя жизнь, у меня — своя, и сейчас я должна вернуться к своей жизни и жить дальше. Если я беременна, хотя я знаю, что этого не случилось, обещаю, обязательно дам тебе знать об этом, и тогда мы обсудим опеку над ребенком и то, что для него будет лучше. Если я не беременна, тогда ты больше не услышишь обо мне. Дэкс, ты молод, и у тебя еще вся жизнь впереди. Проживи ее пополной. Не позволяй мне удерживать тебя.

Люблю, Харлоу.

Меня начинает наполнять гнев, когда я читаю последние строки, мое зрение затуманивается. «*Опека? Она уже думает об опеке?*» Я достаю свой телефон, больше всего на свете желая позвонить ей и высказать все, что я думаю на счет того, что она устроила. И еще мне хотелось бы уточнить, что Харлоу имела в виду под «*думаю, для нас обоих так будет лучше*»? А как же я? Только из-за того, что мне всего двадцать семь лет, она думает, что у меня нет собственной головы на плечах? Конечно, вчера я облажался, когда вспылил, но все же...

Мой звонок тут же переходит на голосовую почту, и это означает, что ее телефон выключен. Я слушаю голос Харлоу, который просит оставить ей сообщение:

«Пожалуйста, оставьте свое сообщение после сигнала, и я перезвоню вам, как только смогу».

Ее голос звучит холодно и безразлично, словно у диктора.

— Харлоу, я только что прочел твою записку... — начинаю я, как вдруг слышу, что хлопает входная дверь.

— Харлоу, детка, ты здесь?

«Отлично. А это еще кто?»

Я так зол, что едва могу четко видеть и вежливо говорить. Если я заставлю себя сейчас что-нибудь произнести, то уверен, что потом об этом пожалею. Я складываю ее записку и сбрасываю вызов, заталкивая телефон обратно в карман джинсов, когда выхожу из спальни.

Посреди гостиной стоит мужчина среднего роста и оглядывается по сторонам, на его лице читается удовольствие и, одновременно, озадаченность. Когда он снимает свои солнечные очки и, прищуриваясь, смотрит на меня, я вижу, что у него голубые глаза. В его светлых волосах прослеживается седина, что придает ему авторитетный вид. На его челюсти — легкая щетина, а сам он одет в легкий пиджак поверх голубой рубашки на пуговицах и коричневые брюки, подчеркивающие подтянутое тело, что говорит мне о том, что он заботится о себе. Я совершенно не умею определять возраст людей, но на вид ему где-то за сорок или, даже, чуть больше пятидесяти, и сейчас этот мужчина выглядит растерянным.

— Я могу вам помочь? — спрашиваю я.

— Я ищу доктора Харлоу Джэймса.

Я чувствую, как сжимается моя челюсть. Если это очередной адвокат от ее муженька, которого тот отправил, чтобы Харлоу подписала те проклятые документы, тогда ему лучше проваливать.

— Она знает, что вы должны прийти?

— Наверное, нет. Я вообще не должен был быть здесь, — говорит мужчина и делает глубокий вдох и выдох. — Но, что поделаешь, если ты совершил самую большую ошибку в своей жизни и тебе нужно сделать все, что в твоих силах, чтобы вернуть ту, кого любишь?

Я в недоумении смотрю на него. «Это гребаный Джейф Гарднер? Не может быть!» Я опять сражаюсь с гневом, растущим внутри меня, считая до десяти. «Спокойно, приятель. Что бы ты ни делал, оставайся спокойным!»

— Я — Дэкс, и я — хозяин этого дома, — я протягиваю руку, и он, сузив глаза, пожимает ее.

— Вам известно, где я могу ее найти? Мне сказали, что она арендует этот дом.

— Сегодня утром она уехала. Я пришел забрать ключи, которые она оставила, и подождать уборщиков, — лгу я, пока Джейф вытаскивает из кармана брюк носовой платок и вытирает руки, как будто только что потрогал бездомного.

— Я — доктор Джейф Гарднер, муж Харлоу. Вам известно, куда она поехала?

Я отрицательно качаю головой.

— Боюсь, что нет.

Джейф, словно не слыша меня, продолжает говорить, засунув руки в карманы и любуясь видом из окна:

— Прошу прощения, если надоедаю, но последние пару часов я летел сначала на самолете, а потом ехал на машине, направляясь сюда из Санта Фе, и при этом заблудился. Я не осознавал, в какой глупши находится это место. Знаешь, так далеко уезжать от города,

это совершенно на нее не похоже. Кофе, тренажерный зал и все прочее. Она бы не смогла без всего этого.

— Она вроде бы не была против арендовать этот дом.

Джефф повернулся ко мне и сказал:

— Должно быть, ей нужно было время подумать. И это все моя вина. Я оттолкнул ее, — он замолкает и качает головой. — После того как мы потеряли сына, все просто развалилось. Единственное, чего мы желали, это завести детей, понимаешь?

«*Нет, я не хочу этого понимать, так что перестань трепаться со мной*», — чуть ли не кричу я ему в лицо, но так и не произношу ни слова, держа при себе сжатые кулаки. «*Посчитай до двадцати, Дэкс. Ни в коем случае не срываися. Черт, посчитай в обратном порядке*».

— Мне жаль, мужик, — говорю я

— Я должен был быть с ней рядом после этого, но меня не было. И теперь я понимаю, каким болваном я был...

Джефф делает шаг ко мне. «*Зачем он мне все это рассказывает, когда даже не знает, кто я... или знает?*»

— Как мужчина — мужчине, уверен, ты понимаешь, что я пытаюсь сказать, верно? Мне нужно сказать ей, что я люблю ее. Ей нужно знать, что она — единственная, кого я по-настоящему любил. Она — единственная, кто понимает меня, мои побуждения, мои амбиции. Она — единственная, кто по-настоящему знает меня, так же, как и я — единственный, кто знает ее. Мы столько всего перенесли вместе за последние годы, понимаешь. Но я...

— Изменил ей?

Слова сами вырываются из меня, прежде чем я могу этому помешать, и я со вздохом едва ли не проклинаю себя за свою глупость. Но Джейф просто делает паузу в своем монологе, медленно кивая в ответ.

— Даа, что есть, то есть, я это сделал. И это была самая большая ошибка в моей жизни. Теперь я сделаю все, чтобы ее вернуть. Все, что угодно.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не напомнить ему, что он находится в процессе развода, но какой в этом смысл? Джейф уже это знает. Вместо этого я фокусируюсь на том, чтобы притворяться, что мне нет никакого дела до его исповеди, поэтому я вытаскиваю свой телефон и вижу, что получил новое сообщение от Гейба, но не открываю его. Мне просто нужно переключить внимание на что-то другое, чтобы не уступить желанию избить этого мудака, стоящего напротив меня. Кроме того, чертов Джейф Гарднер не стоит того. Я убираю свой телефон в карман. Я решаю, что разберусь с Гейбом позже.

— А что случилось с другой девушкой? Она того стоила?

— А, та, — Джейф пожимает плечами. — Она была паршивой лживой сучкой. Почему женщины так поступают, а? Лгут прямо в глаза.

— Наверное, по той же причине, что и мы. Так вы думаете, она вас простит? Харлоу? То есть, миссис Джеймс?

— Я знаю, что простит. Потому что я знаю, что она по-прежнему любит меня. Всегда любила. То, что случилось, — это всего лишь кризисный период в браке. На самом деле, я попросил адвоката приостановить бракоразводный процесс, чтобы я смог с ней поговорить и обсудить все, как раньше. Раньше мы могли говорить обо всем, взвесить все плюсы и минусы того, что нам нужно сделать...

— Брак — это не взвешивание за и против, приятель. Брак — это совместная работа в паре.

Он несколько секунд изучает меня, а затем спрашивает:

— Ты когда-нибудь был женат?

Я отрицательно качаю головой.

— Однажды ты поймешь.

Джефф странно смотрит на меня, прищутив свои голубые глаза.

— Но, взгляни на себя. Тебе, наверное, не составляет труда подцепить какую-нибудь цыпочку, судя по твоей внешности. Должно быть, они слетаются на тебя как пчелы на мед. Я бы все отдал за то, чтобы снова быть таким молодым.

— Нам пора, — говорю я, кивая на двери. — Через пару минут прибудут уборщики, они поднимут шум.

Он идет к двери, а я за ним.

— Моя жена — это лучшее, что случалось со мной, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы вернуть ее обратно. Она по-прежнему любит меня.

Мы подходим к двери и выходим на улицу, а Джейф продолжает:

— Что на меня нашло, почему я позволил ей вот так уйти? И все из-за какой-то дешевой...

— Послушай, мужик. Мне жаль, что у вас проблемы в браке, но, на самом деле, меня это не касается. Я просто сдаю в аренду это место.

Я захлопываю за собой дверь сильнее, чем планирую.

— Ты прав. Прости, я загрузил тебя. Эй, а я не говорил, что мы оба хирурги? Мы вместе работаем — работали — много лет, и мы всегда были отличной командой. Мы даже создали прекрасное отделение вместе, одно из лучших в мире. Но иногда люди просто ошибаются. Никто не идеален.

«Сделай глубокий вдох, Дэкс. Все почти закончилось. Он скоро уедет. И ты сможешь попинать грушу в спортзале».

— Надеюсь, до Нью-Йорка доберешься благополучно.

Джейф хмурит брови.

— Откуда ты знаешь, что я из Нью-Йорка? Тебе сказала Харлоу?

— Это указано в договоре аренды. Она должна была его подписать, прежде чем смогла бы арендовать это место.

— А, точно. Так или иначе... Дэкс, верно? Большое спасибо, что выслушал меня. Я ценю это.

Он протягивает руку, но я делаю вид, что не замечаю этого и отворачиваюсь, направляясь к машине.

К черту все. Я устал считать до десяти, двадцати или тридцати, просто чтобы держать свой гнев под контролем, но я также знаю, что не могу избивать всех подряд, просто потому, что они болваны. Но почему у меня такое чувство, что Джейфу известно, кто я такой? Должно быть, Фрэнк рассказал ему обо мне. Но, в конце концов, какая разница, если даже Джейфу кто-то что-то сказал. Он, заявляющий здесь, что собирается вернуть Харлоу, словно альфа-самец, метящий свою территорию. Я забираюсь в свой грузовик, сажусь за руль и смотрю, как Джейф садится в свой арендованный внедорожник и уезжает.

«Черт возьми, Харлоу. Прошу, не говори, что он прав в том, что ты вернешься к нему и простишь его. Прошу, не говори, что ты до сих пор любишь этого козла».

Я кладу лоб на руль, и образы Харлоу теперь заменяются другими, и мне это совершенно не нравится. Я вижу, что она с Джейфом Гарнером — идеальная команда со своими медицинскими сертификатами, вероятно, сражающимися за место на стенах в их офисе. Успешная Харлоу Джеймс с таким же успешным Джейфом Гарнером.

«А что есть у тебя, Дэкс? Ты даже не ходил в университет. Что она расскажет друзьям, вернувшись домой? Что подцепила тебя только ради твоего большого члена? Будет ли она вообще рассказывать о тебе? Для нее ты был всего лишь развлечением. И что будет теперь, когда ее муж хочет вернуть ее? Давай, будь реалистом. Она чуть ли не свела счеты с жизнью из-за этого мужика, и теперь он хочет, чтобы она вернулась. Он сделает все, чтобы вернуть ее».

К черту все.

Я надеваю солнцезащитные очки и завожу двигатель, зная, что я просто буду изводить себя тем, над чем не имею никакого контроля. Но, хотя я не могу быть

проклятым хирургом, я не менее успешный столяр. Я просто работаю с деревом, в то время как Харлоу и ее муж работают с телами. И не важно, есть ли у меня высшее образование или нет, я такой же профессионал, как и они.

Глава 23

Харлоу

Четыре часа спустя, когда я заезжаю на автозаправку в Альбукерке, то, к своему удивлению, сталкиваюсь с Гейбом. Я бы добралась сюда раньше, но мне пришлось остановиться позавтракать в Санта-Фе. Ведь я особо никуда не спешила. Но, то ли мир внезапно стал теснее, то ли это просто судьба, я замечаю, как на другой стороне платформы Гейб заправляет бензобак своего автомобиля именно так, как этого делать нельзя. Он стряхивает заправочный пистолет, пытаясь выудить из него все до последней капли. Гейб замечает меня сразу же, как только я выхожу из машины, на его лице появляется широкая улыбка.

— Доктор Джеймс, какими судьбами? — спрашивает он.

— Прошу, зови меня Харлоу, — очевидно, Дэкс еще не обсуждал с ним последние события, произошедшие между нами. — Я еду домой.

Гейб удивленно смотрит на меня, когда возвращает пистолет в держатель.

— Но Дэкс говорил, что ты остаешься еще недели на две.

После сказанного им, его выражение лица меняется.

— Прошу прощения за моих тетушек вчера на барбекю. Я слышал, что они говорили о тебе, и мне...

— Тебе не за что извиняться. Они не сказали ничего такого, о чем бы я не знала. Я, действительно, старше Дэкса, и технически я до сих пор замужем.

Я провожу карточкой и набираю свой пин-код. Я пытаюсь выглядеть веселой, как будто, произнося это, не чувствую колющего чувства глубоко в моей груди.

— Я все равно хочу попросить прощения за то, что они сказали, правда это была или нет, все равно это было грубо. И между нами говоря, они до сих пор надеются, что он в итоге сойдется с моей кузиной, но даже я понимаю, что этого никогда не произойдет. Честно говоря, я уже давно не видел Дэкса таким счастливым, — он делает паузу и пересекает платформу, которая нас разделяет. — Тебе помочь с этим?

— Нет, спасибо. Я справлюсь.

Пока моя машина заправляется, Гейб изучает меня, и мне отчаянно хочется сменить тему нашего разговора, до того как мое лицо выдаст то, как я себя чувствую на самом деле. У меня до сих пор заплаканные глаза, и я рада, что солнцезащитные очки скрывают эту деталь.

— А что на счет вас, доктор Васскез? Ты здесь какими судьбами?

— В обед у меня начинается смена в Больнице Скорой Помощи, — говорит он. — Я беру дежурство здесь каждые выходные, а потом еду обратно. И, прошу, зови меня Гейб.

— Ничего себе, Гейб, это не близкий путь.

— Это всего лишь около двух часов езды сюда и обратно, и это не так уж и плохо. По дороге я слушаю аудиокниги, поэтому время пролетает быстро, — он пожимает плечами, скрещивая руки на груди. — К тому же мне хорошо оплачивают дежурства — для этой местности. Уверен, в Нью-Йорке зарплаты намного больше.

— По-разному бывает. Ты ведь семейный терапевт, верно?

— Да, верно, и еще я получил диплом магистра по общественному здравоохранению, на чем и хочу сфокусировать свою практику в Таосе. Я хочу улучшить оказание первичной медицинской помощи в лечении хронических заболеваний для малообеспеченных людей.

— Побольше бы таких людей как ты, — говорю я, хотя мне интересно, как долго продержится его энтузиазм, когда в его офис вернут очередной неоплаченный счет.

— Точно как Андреа Мартин, в Южной Долине. Она управляет бесплатной некоммерческой клиникой, и они получают гранты на оборудование и консультации у сотрудников Университета Нью-Мексико.

— Ты знакома с Андреа? — лицо Гейба озаряется. — Как тесен мир! Мы вместе учились в Университете Нью-Мексико. А как ты с ней познакомилась?

— Я услышала о ней, когда она выиграла один из грантов в прошлом году, и решила заехать к ней и посмотреть на ее клинику. Я работала у нее месяц в качестве волонтера.

Я заканчиваю заправлять машину и, на этот раз, позволяю Гейбу помочь мне — взять заправочный пистолет и вставить его обратно в держатель. Я закручиваю пробку бензобака и закрываю крышку.

— Не стоит благодарности, — говорит он, хмуря брови. — Я не понимаю. Я думал вы с Дэксом...

— Ты и я знаем, что это бы не продлилось вечно, Гейб.

Он хмурится.

— Но...

— У нас с Дэксом все кончено, Гейб, и я возвращаюсь домой.

Его лицо бледнеет.

— Надеюсь, это не связано с моими тетушками на барбекю. Прошу прощения...

— Нет, это никак не касается твоих родственников или кого-то еще, если на то пошло.

Я вижу в Гейбе себя, какой я была много лет назад, до того как мои амбиции взяли верх над всем, во что я верила. Конечно, я пересаживаю почки и спасаю человеческие жизни, но за пределами дооперационных и послеоперационных встреч с пациентами, как правило, я мало с ними общаюсь. Я больше оцениваю ситуацию по сумасшедшей писанине остальных врачей в медицинских картах и беглым пометкам, чем по моим коротким встречам с ними. Пенни была единственной пациенткой, с которой я позволила себе сблизиться, из-за того, наверное, что мне не хотелось, чтобы она проснулась одна после операции, а потом мне не хотелось ее разочаровывать, уезжая слишком быстро.

— Но тебе не нужно так рано уезжать, — возражает Гейб.

— Мне нужно возвращаться обратно, так что у меня нет особого выбора.

Я открываю дверь своего автомобиля. Позади машины Гейба сигналит водитель.

— Гейб, могу я тебе кое-что сказать?

Он сердито смотрит на водителя, прежде чем повернуться ко мне.

— Конечно.

— Никогда не забывай, зачем ты пошел в медицину. Не позволяй мелочам ослепить тебя и отвлечь от того, что на самом деле важно — от того счастья, которое ты получаешь, занимаясь любимым делом. Иногда бывает легко упустить этот момент из виду, а потом ты теряешь самого себя.

— Так было с тобой?

— А ты как думаешь? — я вздыхаю, чувствуя себя глупо, поделившись непрошенней мудростью. — Так или иначе, мне уже пора.

Не обращая внимания на водителя в автомобиле позади него, Гейб делает шаг ко мне.

— Ты счастлива, Харлоу? Я имею в виду, ты *по-настоящему счастлива*?

Я на какое-то мгновение задумываюсь.

— Что если я скажу «я не знаю»?

— Тогда я скажу, что «я не знаю» — это не так уж и хорошо, — Гейб делает еще шаг, когда я поправляю свои очки. — Проводя время с Дэксом, ты была счастлива? Ненавижу лезть не в свое дело, и я знаю, что вы только недавно познакомились, но вы отлично смотритесь вместе.

Я борюсь со слезами и сглатываю ком в горле, но у меня внезапно пересыхает во рту.

— Да, Дэкс делал меня счастливой, Гейб, но теперь у меня есть дела, с которыми я должна разобраться в Нью-Йорке, — я сажусь за руль и закрываю дверь. — Я приехала сюда со своим багажом.

— Я понимаю, — кивает он в ответ, его лицо становится печальным. — Но это не означает, что ты не можешь поделиться этим грузом, если Дэкс захочет.

Водитель позади него снова сигналит, и я завожу автомобиль, высовываясь из окна и хватая Гейба за руку.

— Гейб, береги себя. Было очень приятно встретиться с тобой.

— Осторожнее на дороге, Харлоу, — слышу я, как говорит Гейб, когда отъезжаю от заправки.

Улицы в Альбукерке выглядят пустынно, если бы такое было на Манхэттене, то я бы испугалась, что в городе началась какая-то эпидемия. Но, может, как Дэкс с Наной, все жители пошли в церковь, а затем на бранч, или некоторые сегодня работают, как Гейб, например. Или, возможно, большинство находящихся в городе — туристы, как я. Просто в моем случае — туристка возвращается домой, ее маршрут уже прописан, каждая остановка спланирована, и ее офис-менеджер в Нью-Йорке на этот раз держит все под контролем. В то время как новый адвокат делает все, чтобы суд одобрил смену защитников, что дало бы «туристке» возможность разобраться со всем лично, вместо того чтобы снова бежать прочь. Единственное, чего не знают Кэти и Фиби, так это то, что мне нужно еще вернуть пистолет, который я купила в Техасе, чтобы раз и навсегда избавиться от воспоминаний о причине его покупки.

Часом позже, когда я пересекаю границу штата, звонит мой телефон. Я вижу, что это Кэти, и отвечаю на звонок, переключая телефон в режим громкой связи.

— Вы уже в гостинице? — слышу я ее голос.

— Нет, Кэти. Наверное, буду там через час, а потом мне нужно будет отработать все, что я насидела, на беговой дорожке. Я наберу вас, когда заселюсь в номер.

— Обещаете? Вы не пропадете опять на пять месяцев, как это было в последний раз? Не думаю, что смогу разобраться со всеми вашими письмами, которые пришли за это время.

Я слышу беспокойство в голосе Кэти, и я ее не виню. Я едва отвечала на ее звонки, когда уехала, хотя отвечала на ее письма, потому что они касались работы. Мне не хотелось, чтобы она услышала отчаяние в моем голосе; я боялась, что могу разрыдаться во время разговора с тем, кто знает о моем горе не понаслышке.

Кэти была свидетелем того, как я впервые забеременела, и видела, когда у меня случился выкидыш после первого триместра. После того как я рассказала о своей третьей беременности, которая закончилась дилатацией и кюретажем (*прим. расширение шейки матки и высабливание*), новость о четвертой беременности я сохранила при себе, сказав о ней Джейфу только тогда, когда опять потеряла ребенка. После чего я пообещала себе в последний раз попытаться снова, прежде чем сдаться. Маркус был результатом той последней попытки, и в тот раз, я ждала, пока не закончится первый триместр, прежде чем сообщить о своей беременности. Если бы все зависело только от меня, я бы ничего никому не говорила вплоть до второго триместра, но люди начали замечать изменения. Видимо, я светилась изнутри от своего будущего материнства, как и большинство беременных. Но, как и в предыдущие беременности, Маркусу не суждено было выжить, и после его рождения лечащие врачи и медсестры видели тоску на моем лице, когда я держала его на руках — своего красивого сына, спящего вечным сном.

— Я обещаю, Кэти. На этот раз все будет по-другому.

— На сколько по-другому?

— Во-первых, у меня новый адвокат, Фиби Тэйлор, и как только суд одобрит смену юридической защиты, я начну делать все правильно. Я не отдам ничего, что по праву принадлежит мне.

На другом конце линии мне отвечают молчанием, и потом я слышу, как Кэти вздыхает.

— Это лучшие слова, что я слышала от вас с тех пор, как началось все это безумие с больницей и Джейфом. У вас теперь есть место, где остановиться? Не жить же вам со своим бывшим и его невестой, и не думаю, что Хэмптонс будет подходящим для вас вариантом, если только вы не планируете заниматься всем, находясь там.

— Нет, не планирую. Думаете, получится найти мне квартиру? Она не должна быть большой. Можно даже обратиться к риэлтору. Аренда будет временная. Студия тоже подойдет.

— Уверены? Вы же знаете, на Манхэттене квартиры-студии очень маленькие. По сравнению с тем, к чему вы привыкли, они будут размером с гардеробную.

— Да, уверена. Как только бракоразводный процесс закончится, мы с Джейфом поровну поделим недвижимость. Это все, чего я хочу. Тогда, возможно, я решусь на покупку квартиры, но не раньше. Сейчас у меня есть немного средств, но мне не нужны огромные апартаменты.

— У меня на этаже, в моем доме, есть студия, которая где-то через неделю должна освободиться.

Кэти живет в трехкомнатной квартире на Верхнем Ист-Сайде, в нескольких кварталах от того места, где мы жили с Джейфом. Все, что я помню о ее доме, — это то, что здание старое, но в хорошем состоянии. Но сейчас я не могу сильно перебирать, когда мои приоритеты направлены на то, чтобы сосредоточить все свои силы на разводе и больнице.

— Если никто не против того, что мы так поздно сообщим о заселении, то я бы с удовольствием арендовала ее. Вы знакомы с владельцем?

— О, да. Райли — моя соседка. Очень милая девушка. Она только недавно переехала со своим парнем — он какой-то известный голливудский актер — из Вест-Виллидж, — рассказывает Кэти. — Она говорила мне, что очень бы хотела ее сдать, но не желает давать объявление. Она не хочет заниматься краткосрочной арендой. У нее тогда бы появились проблемы с жилищным кооперативом.

— Она нормально относится к сдаче в субаренду (*прим. передача арендует недвижимости в аренду третьему лицу*)?

Я чувствую, как ускоряется мое сердцебиение при мысли о возможностях, которые ждут меня в Нью-Йорке. Какого бы ни была размера эта квартира, это новое начало как раз то, что мне нужно в данный момент.

— Да, и вам, наверное, просто нужно будет подписать временный договор об аренде, но при этом не придется получать разрешение от кооператива или кого-либо еще. Я замолвлю за вас словечко, а если она откажет, то продолжу искать. Она очень милая и спокойная девушка, — Кэти делает паузу, прежде чем засмеяться, когда продолжает, — до тех пор, пока к ней не приходит ее актер.

Я посмеиваюсь. Мы с Дэксом часто занимались «этим» громко, но, к счастью, мы находились слишком далеко от цивилизации, чтобы получать жалобы.

— Громкий секс?

Она фыркает.

— Угадали. Слышишь даже через стены, хотя если подумать, половина этажа — глухие как пни, потому что вокруг, в основном, живут старики. Но их секс намного хуже, чем просто шумный. Клянусь, от их упражнений в постели даже стены трясутся.

— Вы преувеличиваете, Кэти.

Я не могу перестать смеяться, вспоминая все те позы, которые мы пробовали с Дэксом, когда он приезжал ко мне. «*Будет нелегко все это забыть. Я скучаю по нему*».

— Не тогда, когда ты живешь через стенку, так что я не преувеличиваю. Но, к счастью, с тех пор как она переехала к своему парню, было тихо. Но не поймите меня не правильно. Мне очень нравится эта девушка.

— Так вы сможете спросить у нее об аренде для меня? Я займусь банковской волокитой, как только вы сообщите мне, что она согласилась.

Я включаю фары. В зеркале заднего вида я вижу закат — роскошные оттенки красного, оранжевого и желтого. Я уже скучаю по неспешным дням, когда я сидела у окна в «Жемчужине» с гудящими насекомыми вокруг меня, наблюдая за закатом, за тем, как быстро наступали сумерки, а потом появлялись звезды, заполняющие ночное небо.

— Я спрошу, — говорит Кэти, прежде чем на несколько секунд замолчать. — Я рада, что вы возвращаетесь, чтобы побороться с ним, доктор Джеймс. И больница тоже...

— Спасибо.

— То, что сделал Пелетьер, было неправильным, и если то, что вы писали в письме, правда, что вы также приедете, чтобы отстоять свою работу в больнице, тогда удачи. Если кто-то и должен проиграть, так это не вы, а доктор Гарднер и его карточный товарищ, Пелетьер.

«*И его приятель из загородного клуба, Фрэнк*», — добавляю я про себя и вздыхаю. На самом деле, я не хочу, чтобы меня взвинчивали, пока я за рулем, когда мне скоро нужно будет съезжать с трассы.

— Спасибо, вам, Кэти. Я позвоню, когда заселюсь, ладно?

Когда я отключаюсь, то снова не могу справиться с грустью, мысль об еще одной ночи без Дэksа, просто убивает мою радость, которую я испытывала всего пару минут назад. Но я знаю, что привыкну. Когда все это началось, я сказала себе, что Дэкс — это просто отвлечение, и я была права. И как бы больно не было слышать то, что он мне сказал, глубоко внутри себя я рада, что он сказал это. Дэкс намного облегчил мой уход от него.

Самосохранение в чистом виде.

Глава 24

Дэкс

Я понимаю, что отец находится в мастерской, задолго до того, как тот выдает свое присутствие, прочищая горло. Он — крупный мужчина, производящий на всех впечатление всего лишь тем, что удивляет людей, думающих, будто он какая-нибудь звезда футбола, говоря, что, на самом деле, он — биржевой маклер (*прим. сотрудник фондовой, валютной или товарной биржи*). Но отец, действительно, в студенческие времена играл в футбол, получая за это стипендию, и он играл до тех пор, пока не окончил университет. Затем он стал владельцем брокерской компании с офисами, расположеннымми неподалеку от «Башен-Близнецов», но после того как они рухнули, отец поклялся быть ближе к своей семье, которая жила в Таосе, даже если это означало постоянные поездки туда и обратно из Нью-Йорка в Санта-Фе с бронированием билетов на самолет при необходимости. Требовалась большая сила, чтобы так отдаваться семье, и я это ценю. Мне всегда было интересно, почему он просто не продал компанию после событий одиннадцатого сентября, но мама как-то сказала, что взяла с него обещание, что он этого не сделает. Если бы отец лишился своего бизнеса, мы бы не смогли позволить себе того достатка, в котором жили.

Прошло два дня с тех пор, как уехала Харлоу, и теперь я вернулся во Флагстафф. В тот день я подождал, когда все вернутся с бранча, прежде чем объявить, что я возвращаюсь домой. Я не дал никому возможности уговорить меня остаться. Ведь я уже собрал свои вещи и был готов к отъезду, поэтому, без лишних объяснений, я ушел. Им и не нужно было что-то объяснять. До них быстро дошли новости о том, что Гейб столкнулся с Харлоу в Альбукерке. Весть о том, что она уехала, облетела весь Таос так же быстро, как и те сплетни о том, что я встречаюсь с зрелой замужней женщиной.

Я не смогу забыть разочарование на лицах Диами и Наны в тот момент, но я сделал то, что должен был сделать, ведь последнее, чего мне хотелось, чтобы они видели

подавленного от любви Дэksа, который в очередной раз облажался и потерял женщину, которую полюбил. Мне просто нужно было взять себя в руки, но я не смог бы этого сделать в «Жемчужине», где все напоминало о Харлоу.

— Нана звонила, — раздается глубокий баритон отца. Это одно из качеств, которое я унаследовал от этого мужчины, наряду с его ростом, хотя мой цвет кожи больше похож на цвет кожи мамы, он более мексиканский.

— Она беспокоится о тебе, Дэкс. Как и все остальные, даже ребята здесь беспокоятся.

Я продолжаю строгать края деревянного ящика, который сделал днем. Последней я сделал крышку, и теперь мне просто нужно, чтобы она ровно легла на основу, которая мне не нравится. Я чувствую, как напряжены мои мышцы, и это не из-за того, что я делаю, а из-за того, что только что сказал мой отец. Краем глаза я вижу, как он берет стул и садится.

— Почему? Они переживают, что я наврежу себе?

— А должны?

Вот такой Дэниел Дрексл и есть — совершенно немногословный. Он был здесь с тех пор, как я уехал в Таос, поскольку думал, что «Жемчужина» находится в моем полном распоряжении, вместо этого я нашел спящую женщину в своей постели.

— Разве тебе не нужно возвращаться в Нью-Йорк, пап? Я уже две недели как вернулся, а ты обычно сразу уезжаешь, — я груб, но не могу ничего с этим поделать.

Я не просто так работаю допоздна в мастерской, после того как все расходятся по домам. Прямо сейчас мне просто хочется побывать одному, наедине со своими мыслями, и закончить свой небольшой проект. Он отвлекает меня от Харлоу, хотя я не могу думать ни о чем другом, с тех пор как она уехала.

— Я понимаю, сынок. Она ранила тебя.

Я ставлю японский рубанок перед собой на пол. Именно здесь я провожу целый день в окружении древесной стружки и своих инструментов: деревянного молота и долота (прим. плотничий или столярный инструмент, предназначенный для выдалбливания отверстий, гнезд, пазов и т. п.), на сбор которого потребовалось больше времени, чем для того, для чего оно было нужно. Также работал мой учитель Такеши-сан — на полу, чтобы иметь возможность использовать свои ступни и ноги, если ему требовалась опора.

Он прижал кусок дерева ногой, пока работал долотом, измерял и собирая столярные изделия; так он и меня учил. Казалось, тогда это так же роднило его с землей, как и меня сейчас, когда я даю волю своей фантазии, даже если работаю над простым ящиком, делающимся без единого гвоздя, винтика или клея. Я применяю эту технику не для всех проектов, потому что моя компания сотрудничает с пятнадцатью другими специалистами по деревообработке, обладающими современной техникой и последними 3D-технологиями. Я возвращаюсь к основам, когда мне нужно подумать или создать что-то личное, как, например, этот ящик передо мной.

— Со мной все в порядке, папа. Правда. Ты же знаешь, я с этим быстро справляюсь.

Ага, например, с помощью поездки в бар, а потом и секса на одну ночь с какой-нибудь девчонкой, чьего имени я даже не знаю. Но мне не хочется этого сейчас, несмотря на то, что мой телефон разрывается сообщениями от женщин, которые только что узнали о том, что я снова в городе.

Отец молчит, наблюдая, как я поднимаю крышку, стоящую возле меня, и кладу ее на ящик, чтобы проверить ляжет ли она ровно. Она отлично входит в вырезанные выемки. К тому времени как прямоугольный ящик будет закончен, наверху будет вырезан узор, который, как я надеюсь, будет олицетворять его получателя, а потом, как завершение, будет нанесена морилка, чтобы сохранить экзотический вид выбранного мною дерева (прим. морилка для дерева — это специальный материал, как правило, в виде жидкости. В процессе морения наносится на обработанную древесину для придания ей определенного цвета, как правило — цвета иной породы дерева).

— Он приносил ей цветы? — спрашивает вдруг отец.

Я удивленно отрываю взгляд от ящика и смотрю вверх, на него.

— Кому?

— Доктору Джеймс. Ее муж был с цветами, когда приехал в «Жемчужину»?

— Откуда ты узнал, что он приезжал? Я никому не говорил.

— Сначала он заехал к Виллерам, перепутав их дом с «Жемчужиной». Зашел, как к себе домой, и Сойер чуть не выстрелил ему в голову.

— Черт!

Точно также он зашел в «Жемчужину», назвав Харлоу «деткой».

— Как там Сойер?

— В порядке. Это о Джейффе Гарднере нужно беспокоиться, но, по крайней мере, братья хорошенько повеселились. Тодд столкнулся с Сарой в супермаркете и рассказал ей про это, — говорит отец. — Но ты не ответил на мой вопрос, Дэкс. Были цветы? Конфеты? Доктор Гарднер принес что-нибудь с собой, когда вошел в «Жемчужину» в поисках своей жены?

Я терпеть не могу, как отец произносит слово «жена».

— Они разводятся, ты же знаешь.

— Я-то знаю, но пока этот развод не завершен, она все еще его жена.

Отец снова делает акцент на этом слове, и это задевает меня, на этот раз мне становится еще больнее, чем ранее. *«Его жена»*. Я заставляю себя вернуться к вопросу, который задал мой отец, и мне вдруг становится интересно, наблюдал ли Тодд за моим общением с Джейффом в тот момент. Может, этот чертов телескоп наконец-то для чего-нибудь пригодился.

— Нет, у него ничего не было...

Мой голос затихает, когда я понимаю настоящую причину вопроса моего отца. Это не из любопытства. Он уже знал ответ.

— Если доктор Джеймс уехала от тебя, это никак не связано с тобой.

И вот, приехали, это и есть настоящая причина; настоящая причина, из-за которой он здесь находится, чтобы поговорить со мной, даже несмотря на то, что они все истолковали не верно. Ведь это я напортачил первый, и поэтому она уехала. Ее развод всегда был между нами, не спорю, но я все равно наделал ошибок. И этот разговор также является прямым напоминанием о том, что в Таосе ничего нельзя оставить в секрете, и что отец знает, Харлоу была не просто очередным арендатором для меня.

— Что еще тебе рассказала Нана?

— Ничего такого, чего бы я не слышал от всех остальных... что ты встречаешься с каким-то хирургом из Нью-Йорка. Мне не потребовалось много времени, чтобы сложить все воедино, тем более, Сара сказала мне, кто приехал в «Жемчужину», пока ты был там.

Он останавливается, делая глубокий вдох и выдох.

— Также Нана сказала, что есть кое-какие вещи, которые лучше нам обсудить между собой, как двум взрослым мужчинам.

Я отставляю ящик в сторону и поднимаюсь с пола, стряхивая опилки со своей рубашки и джинсов.

— И что же это за «вещи», которые нам нужно обсудить, папа? Ты собираешься мне сказать, что они все правы? Что она до сих пор замужем за этим козлом, и поэтому мне нужно держаться подальше?

— Именно.

Я закатываю глаза.

— Отлично. И ты туда же. Почему бы вам всем не отцепиться от меня?

Отец тоже поднимается со стула. В то время как я ростом не меньше, чем метр восемьдесят, он — на несколько сантиметров выше меня и крепче. Именно эту черту и унаследовала Сара, а мне досталось скромное телосложение мамы.

— Потому что ты не можешь себе позволить, чтобы мы все от тебя отцепились, или как ты там это называешь, Дэкс. Я не знаю, что между вами произошло, и почему, среди

всех прочих мест, ее занесло в «Жемчужину». Но что мне хорошо известно, так это то, что тебе нельзя вмешиваться, пока они находятся в процессе развода, который и так был нарушен. Ей тоже нужно было сначала позаботиться о своих делах, прежде чем она решила, что может заявиться сюда, порезвиться с моим сыном и втянуть его в свои проблемы.

— Все было не так...

— Как ты думаешь, зачем Джейф Гарднер приезжал в «Жемчужину»? Ты действительно веришь, что для того, чтобы вернуть ее? Без единого цветочка или шоколада, или чего-нибудь еще, что обычно мужчина дарит девушке, которую так сильно хочет вернуть? Разве мы бы не сняли звезд с неба, если бы могли? Я знаю, что сделал бы это, если бы это вернуло твою маму.

— Он надеялся застукать нас вместе, — бормочу я. — Точно так же, как и ее адвокат, который увидел нас вместе в «Жемчужине». Наверное, это он рассказал Джейфу, где она была.

— Я не знаю, почему он приехал, сынок, но что бы это ни было, это было достаточно важно, чтобы ради этого прилететь в Нью-Мексико.

— Он хочет, чтобы она отказалась от своей доли на поместье в Хэмптонс так же, как она поступила с их недвижимостью на Манхэттене...

— Тебя это не касается, Дэкс, и никого другого тоже, — говорит отец, положив руку мне на плечо. — Это их дело, и их адвокатов.

Я вздыхаю. Конечно, отец прав, как обычно я поддаюсь эмоциям. Развод Харлоу меня не касается, и я понимал это до того, как мы оказались в постели. Именно поэтому я оставался в стороне, после того как позвонил Коулу, чтобы он помог ей найти нового юриста. И вот к чему это привело — я, сам того нехотя, вмешался в ее дела.

— Я не говорю, что она плохой человек, Дэкс, — продолжает он. — Я не знаком с ней, но я знаю, что ее репутация идет впереди. Она — хороший хирург, с манерами получше, чем у большинства, и, определенно, манеры у нее лучше, чем у ее мужа. Но она все-таки находится в процессе расторжения брака, и об этом ей нужно позаботиться самостоятельно. Последнее, что ей нужно...

— Но, а что если она носит моего ребенка, папа? Я был глуп. Я...

Отец замолкает, и я вижу, как сжимается его челюсть. Они с Наной были рядом со мной, после того как я узнал, что сделала Мэдисон. Безусловно, я был слишком молод, и она считала меня неспособным стать хорошим отцом для нашего ребенка, но все равно было больно узнать, что у меня не было права выбора в этом вопросе.

— Если она беременна, так тому и быть. Но до тех пор, держись от нее подальше и позовешь ей сделать то, что необходимо. Я знаю, этот ящик, который ты делаешь, он для нее, и если ты думаешь, что сейчас можешь его ей отправить, прошу, не нужно. Начни все с начала, сынок. Начни с чистого листа с доктором Джеймс, когда она будет готова. Если так суждено, то так оно и будет. И если она беременна, я уверен, ты знаешь, что делать. Мы с твоей мамой не ожидали бы меньшего.

Прежде чем я успеваю что-то сказать, отец быстро обнимает меня, улыбаясь и похлопывая по спине, при этом добавляя:

— Раз тебе так хочется поскорее избавиться от меня — мой рейс утром. Отвезешь меня в аэропорт?

Когда я везу отца в аэропорт, мы не затрагиваем тему о Харлоу. Впервые, с тех пор как я вернулся, мы говорим о бизнесе, как обычно и делаем, когда не говорим о маме или о семье, например, о последних выходках Диами. Отец доволен последними разработками, которые я придумал, заказами, которые мы недавно выполнили и отправили, и моим предстоящим визитом в Нью-Йорк через несколько недель.

За последние два года маркетинговая фирма по четыре раза в год организовывала мои поездки в Нью-Йорк. Я называю их «выходом в свет», но отец зовет это просто работой. В конце концов, я не могу вечно прятаться в своей мастерской. Учитывая статьи,

которые выходят каждый раз, когда мои проекты получают награду, он хочет, чтобы все знали, кто я такой. Тот факт, что мне всего лишь двадцать семь лет, и то, что я считаю себя мастером по деревообработке, очень важно для него. Для него такие люди, как я — вымирающий вид. Такое мое достижение стало бы не возможным, если бы я пошел учиться в университет, вместо того чтобы учиться у такого наставника как Такеши-сан. Так что в течение одной недели, четыре раза в год, я встречаюсь с клиентами с девяти утра до семи часов вечера. Они даже сражаются за место в моем рабочем графике, понимая при этом, что их заказы не могут быть сделаны в ближайший год или два — вероятно, и дальше — из-за свежей древесины, которая сначала должна будет состариться. Некоторые ждут, а некоторые — нет, но мой график производства уже установлен на ближайшие два года.

После моих встреч отец всегда берет меня с собой в закрытый клуб в качестве его гостя, где у него стоит собственная бутылка коньяка на стене рядом с такими же именными бутылками. Имена на них говорят сами за себя, там только элита Манхэттена. Он заслужил свое место благодаря напряженной работе, поскольку занимается инвестициями для одних из самых богатых жителей города. В этот клуб его привел риелтор Клинт Колдвелл III, чья жена, бывшая топ-модель, и познакомила меня с Мэдисон. Но отец знает, что я больше предпочитаю зависать там, где могу расслабиться, например, в Top of the Standard (*прим. популярный бар в Нью-Йорке*) или в Сохо-Хауз в Митпэкинг-Дистрикт (*прим. исторический район с большим количеством элитных бутиков, ресторанов и клубов*). Может быть однажды, я, как и отец, смогу легко жить между Нью-Йорком и Юго-Западом, но для этого во мне слишком много Нью-Мексики. Она у меня в крови.

Но это не означает, что я не могу тусоваться с такими, как доктор Джейф Гарднер, когда я бываю в Нью-Йорке. Я не просто какой-то обычный плотник из Таоса. Я — Дэкс Дрексел, глава «Такеши-Дрексел Вудворкин & Дизайнс» с шоурумом, расположенным на Седьмой авеню, и списком клиентов, которые могут позволить себе все и вся. И пока Харлоу не сказала, что носит моего ребенка, я живу дальше.

Глава 25

Харлоу

Три дня спустя, когда я наконец-то добралась до Нью-Йорка, была уже полночь. Не желая беспокоить Кэти, я приехала в отель «Standard» и сняла номер с видом на реку Гудзон и городской парк Хай-Лайн, в том месте, где ранее были железнодорожные пути, пролегающие с 34-й улицы до станции Сэнт Джонс Парк. У меня есть грандиозные планы утром прогуляться по всем этим улочкам, возможно, даже сделать пробежку и заскочить в Музей американского искусства Уитни, но я так устаю, что сплю, не вставая, все пятнадцать часов подряд.

На следующий день, когда я выселяюсь из отеля, приезжает Кэти, чтобы помочь мне перевезти кое-какие вещи со склада в квартиру-студию. Ей все-таки удалось уговорить свою соседку сдать мне ее в аренду. Пока я согласна мириться с кошачьей шерстью — квартира все равно моя. Я не собираюсь жаловаться, учитывая, что она полностью меблирована, а мне нужно место, где Джейф не сможет меня найти, пока я встречаюсь со своими юристами и разрабатываю план дальнейших действий. К тому же, с такой соседкой как Кэти, у меня также будет домашняя еда, судя по вчерашнему приглашению на ужин к ней и ее мужу Клайду, и по холодильнику, в котором был запас продуктов на целый месяц. Она говорит, что это на время, пока я обустроюсь на новом месте. Меня так тронуло то, сколько всего она сделала для меня, что на ее удивление, я крепко обнимаю ее.

Теперь я знаю, что у меня всегда был друг в лице Кэти Плешетт, но я была слишком занята, воздвигая стены вокруг себя, чтобы это заметить. Меня больше волновало то, как стать лучшей в своей карьере, даже когда начала рушиться моя личная жизнь. Но я больше не могу продолжать воздвигать стены вокруг себя, не после того, когда узнаешь, что может происходить, когда вокруг тебя нет высоких стен и когда ты позволяешь себе быть более открытым и доверять другим людям, которые рядом с тобой. Я своими глазами видела это, находясь с Дэксом и его семьей, и видя то, что у него есть, — людей, которые искренне любили его.

Но кого я дурачу? Мне тоже нужен Дэкс.

На следующее утро, выходя из лифта, после встречи со своими новыми адвокатами в «Чемберс, Мэннард & Липман», я сталкиваюсь с Джеком. Он замирает на месте, широко раскрыв глаза, — он смотрит на меня, переводит взгляд на мою фигуру, а затем снова на лицо. Такое впечатление, словно перед ним призрак, или это из-за того, что я стала по-другому одеваться, в нечто иное, чем привычные нейтральные цвета, поверх которых я всегда надевала свой белый медицинский халат. Сегодня на мне сине-зеленый ансамбль в комплекте со свободным шарфом, который прикрывает мои плечи. Даже мои волосы уложены иначе, чем обычно, отныне больше никаких строгих пучков. Позади него бормочут люди, пытаясь пропасть мимо него, чтобы попасть в лифт.

После того, как я покинула Таос, он так часто мне звонил, что я уже сбилась со счета. Странно, но он был вежлив в своих сообщениях. Никаких оскорблений или угроз. Он просто хотел встретиться со мной лично, чтобы мы могли обсудить некоторые вопросы, например, предложение снова сойтись вместе.

— Джек, что ты здесь делаешь?

— Ты же знаешь, что здесь работают мои юристы, Харлоу. У меня была встреча с ними по поводу нашего... нашего развода. Разве ты не получала мои смс? Я так волновался за тебя, детка.

— Получала, но я была за рулем, Джек. Ты же знаешь, что на дороге нельзя отвлекаться, да?

— Ты могла мне перезвонить, — говорит он, его голос звучит так, словно ему не все равно, и от этого меня передергивает.

— Джек, ты же знаешь, мы не должны общаться без присутствия наших адвокатов, — я осторожно отдергиваю локоть.

— Именно поэтому я тебе и звонил. Я хочу, чтобы мы поговорили, как раньше, детка, на счет...

— Прошу, не называй меня «деткой», Джек. Я тебе не детка, — твердо произношу я, не вынося то, как он произносит это слово.

Джек несколько секунд изучает мое лицо, прежде чем кивнуть. Он выдыхает.

— Послушай, я просто хочу, чтобы мы еще раз обсудили, как можно сохранить наш брак. Мы можем сходить к семейному консультанту, как ты постоянно просила. Я был так слеп тогда, и я по-настоящему сожалею об этом. Правда. Я совершил большую ошибку, и мне хочется все загладить.

— Правда?

— Ты же знаешь, что это так, Харлоу, — отвечает он, его голос становится ниже, когда он на шаг приближается ко мне.

Нет, Джек не может сейчас пытаться подлизаться ко мне.

— Что ты готов сделать, чтобы все загладить передо мной?

Я изо всех сил проявляю тактичность, пока позади него проходят совершенно ничего не подозревающие люди.

— Все, что пожелаешь. Я совершил огромную ошибку с Лей... с ней, и я хочу, чтобы мы начали все с чистого листа. Я сделаю все, что угодно, Харлоу. *Все*. Мы снова можем быть командой, снова творить великие дела. *Вместе*. Разве ты не об этом всегда мечтала?

Я ничего не отвечаю. От его слов не становится легче. Вместо этого, все, что я чувствую, — это душевную боль, которая очень глубоко засела в моей груди за последний год, напоминание о том, как сильно сломала меня картина того, как он покидает мою палату, пока я держу на своих руках Маркуса, глупо надеясь на то, что тепло моего тела вдруг сможет оживить его.

— Почему бы нам где-нибудь не присесть, перекусить и поговорить об этом? — улыбаясь, продолжает Джейф. — Помнишь, как мы обычно обсуждали дела...

— Я хочу недвижимость в Хэмптонс, — выпаливаю я, и пелена былой боли исчезает. Я расправляю плечи, спина ровная. «*Новая Харлоу вернулась*».

— Ты с ума сошла?

— Это называется равный раздел имущества, Джейф, — отвечаю я, пока он в неверии смотрит на меня. — Ты удерживаешь мою долю недвижимости на Манхэттене, которую заставил меня отписать тебе, пока я оплакивала нашего сына, а я забираю себе недвижимость в Хэмптонс, ради которой ты запугивал меня, чтобы я отказалась от нее.

Джейф хмурит брови.

— Я тоже скорбел, Харлоу.

«В объятиях Лейлани, где ты находил утешение на протяжении всей моей беременности, думая, что я ни о чем не подозреваю». Но нет, я не произношу этого вслух. Именно этого и хочет Джейф — видеть меня разбитой или забывшей обо всем, получив его предложение, — но я не доставлю ему такого удовольствия. В последний раз, когда он сорвался на мне, я чуть не пустила себе в голову пулю.

— Но речь сейчас не об этом. Мы уже давно разъехались, так что перестань притворяться и скажи мне, почему ты на самом деле хочешь со мной поговорить.

Джейф удивленно делает шаг назад. Или это шок? Затем уголок его рта приподнимается, и я вижу того Джейфа, которого всегда знала.

— Кто бы говорил о переезде. Ты сама довольно долго не засиживалась на месте. На самом деле, я видел его, твою новую игрушку для утех.

Я чувствую, как с моего лица сходят все краски, в горле пересыхает. Что Джейф имеет в виду под «я видел его»? Когда?

— После того как Фрэнк сказал мне, где тебя можно найти, мне пришлось отправиться самому, чтобы все увидеть, и в итоге я оказался в этой чертовой пустыне, — он сухо усмехается. — И угадай, кого я там встретил? Дагс, верно?

Прежде, чем я исправляю его произношение имени Дэksа, я задумываюсь над тем, что значили его слова. Я не могу показать Джейфу то, чего он так ждет, то, что он одерживает победу. А если я поведусь на его провокацию, он победит. Я просто надеюсь, что Дэкс не накинулся на него. Не поэтому ли Джейф так часто звонил мне после того, как я покинула Таос? Потому что он был в «Жемчужине»? Что означает, что Дэкс тоже там был, раз Джейф заявляет, что видел его? Что там произошло? О чём они говорили?

— Язык проглотили, доктор Джеймс? Я понимаю, почему он тебе понравился. Могу поспорить, он безжалостно трахал тебя своим большим членом, да? Как долго ты все это время пряталась со своей любимой игрушкой? Все последние шесть месяцев? Вот так ты демонстрировала свою скорбь? Ты довольно быстро оправилась...

Моя рука поднимается, прежде чем мой разум успевает остановить ее, и я бью ладонью Джейфа по лицу. Даже не обращая внимания на то, что люди обеспокоенно начинают останавливаться, чтобы посмотреть на нас, хотя большинство из них продолжают идти, погруженные каждый в свои дела. Мы в здании, заполненном ведущими юридическими фирмами в стране, и последнее, что мне нужно, это обвинение в нападении, но на этот раз Джейф опустился слишком низко, и какой бы иной я теперь не была, я не стану отвлекаться от скорби по своему ребенку, трахаясь с каким-то парнем в пустыне. Нет, одна ночь, сидя с пистолетом в руках и задаваясь вопросом, как пуля может разрушить мозг скрывающего человека, все же меня отвлекла.

— Ты надоела ему? — продолжает Джейф, протягивая руку одному из охранников, которые направляются к нам.

Охранник останавливается и кивает, прежде чем вернуться на свой пост у входа.

— Или он и есть та причина, по которой теперь ты хочешь забрать Хэмптонс? Вы собираетесь съехаться или как?

— Нет, Джейф, я хочу недвижимость в Хэмптонс, потому что часть ее — моя. Все логично. Желаешь, чтобы я объяснила тебе значение равного раздела имущества? Или для тебя лучше, если это объяснят мои новые юристы на нашей встрече?

«Он делает шаг назад?»

— Какой... Какой встрече? Я не знаю ни о каких встречах.

— Сегодня твой адвокат пригласит тебя на встречу, чтобы мы, как взрослые люди, могли обсудить равное разделение имущества, нажитого в браке, и в этот раз юридически заверенное. Помнишь, тебе удалось заполучить квартиру на Манхэттене, и этот момент они тоже примут во внимание. Равное распределение всех наших активов, независимо от того, приобрел ли ты их законно или путем запугивания своей жены, пока она была эмоционально подавлена после потери вашего сына, что вполне может означать, что недвижимость в Хэмптонс — моя.

Джейф захлебывается от злости, но так ничего не произносит.

— Увидимся на встрече с юристами, Джейф, — говорю я, протискиваясь мимо него к выходу. Я не сбавляю скорости, когда оказываюсь на улице. Я продолжаю идти вперед, делая глубокий вдох, чтобы успокоиться. Я останавливаю такси и сажусь на заднее сиденье в машину, сообщая водителю свой новый недавно выученный адрес.

Пока водитель пробирается вперед по загруженному полуденному трафику, я рада, что ничего не сказала на счет Дэksа. Я не хочу давать Джейфу повод насладиться тем, что покажу, как много для меня значит Дэкс, даже если я сама ушла от того, что могло у нас быть. У меня осталось столько вопросов на счет того, зачем Джейф приезжал в «Жемчужину», что там произошло, о чем они говорили, но мне нужно выбросить это из головы. Единственное, что можно точно сказать о сегодняшней встрече, так это то, что Джейф ни капли не изменился, им управляет страх поражения, а теперь еще понимание того, что его заменили кем-то помоложе, красивей и куда лучшим любовником.

Но я также понимаю, почему он на самом деле хочет примирения, и это не имеет никакого отношения к желанию быть со мной. Кэти во всех подробностях рассказала мне о том моменте, когда вчера вечером она приехала в отель, и мне не верится, что я ощущаю сочувствие к Джейфу. Лейлани действительно беременна, но не от Джейфа. Если слова Кэти правда, а она это услышала от менеджера Джейфса, он нарушил несколько законов о конфиденциальности пациентов, чтобы об этом узнать. Во время очередного стандартного обследования Лейлани, чтобы проверить здоровье ребенка, например, на синдром Дауна, Джейф каким-то образом добавил в список анализов тест на отцовство, и по результатам анализа выяснилось, что ребенок не от него. Так как свадьбы не будет, а бракоразводный процесс еще не завершен, Джейф думает, что он может собрать осколки нашего брака воедино и начать все сначала, желая лишь одного — сохранить свою репутацию.

— Не могу поверить, что мне жаль этого человека, — сказала Кэти, когда мы поднимались на лифте в мою квартиру. — Ну, слегка.

— Мне тоже его жаль, Кэти, но он завел интрижку с Лейлани, в то время как я была беременна Маркусом. Я знаю, что не была идеальной женой, но, думаю, некоторым людям не избежать своей кармы.

Даже больницу не обойдет стороной мое возвращение. Но это случится только после того, как они получат уведомление о том, что я подаю на них в суд. Я просто рада, что у меня есть отличная команда юристов, благодаря рекомендациям Коула.

Когда я вхожу в свою крошечную квартирку, я снимаю одежду и прячусь под одеяло. Еще утро, и я должна быть на ногах, но мне нужен перерыв от того, что только что произошло, даже если это просто повалиться в кровати. Сначала я фокусируюсь на

мелочах, таких как, ощущение на своей кожи простины из египетского хлопка, на том, как приятно спать обнаженной под одеялом. Мне нравится эта маленькая квартира с кроватью королевского размера, которая слишком большая для такого пространства, но в тоже время, так идеальна. Ты словно в коконе, маленьким и уютном. Молодая женщина, которая гордилась всем, что делала, для того, чтобы ее дом был красивым, от покраски стен до резных молдингов и интересных книг, которыми были заставлены встроенные полки. Стиль семидесятых, но мне нравится. Это словно попасть в машину времени, с парочкой современных штрихов, таких как: телевизор с плоским экраном и мягкое постельное белье Frette.

Я тянусь за своим телефоном на прикроватном столике и начинаю пролистывать свои голосовые сообщения, ища то, которое пришло спустя три дня после того, как я покинула Таос, во время моей последней остановки в Пенсильвании. На самом деле, мне не следует слушать его, но я знаю, что не смогу устоять. Это как будто пробовать что-то невкусное, мне нужно что-то, что перебьет неприятное послевкусие от Джейффа, даже если мне станет горько от того, что я собираюсь услышать.

У меня перехватывает дыхание, когда я слышу баритон Дэksа. Я кладу телефон на подушку возле себя и закрываю глаза, представляя, что он сейчас передо мной, говорящий то, что я сейчас услышу.

«Харлоу, это я, Дэкс. Я хочу извиниться за то, что наговорил тебе. Это было грубо, и мне стыдно за то, что я вообще об этом мог подумать. Ты не заслужила услышать такое. Ведь ты была честна со мной. А ведь другая на твоем месте могла бы уйти, ничего не сказав. Ты же сказала правду, и вместо того, чтобы обдуманно обо всем поговорить, я сорвался, прости меня за это. Единственная причина, почему я ничего не сказал о пистолете или о записке, это то, что я верил, что ты отдаешь отчет своим действиям. Я... я не знаю, но мне бы очень хотелось извиниться перед тобой лично. Это наименьшее из того, что ты заслуживаешь. Ты самая потрясающая женщина из всех, кого я знаю, Харлоу, и прошу, никогда об этом не забывай. Никогда. Я прочел твое письмо, и я понимаю, что тебе нужно двигаться дальше, и, наверное, ты права. То, что между нами было, могло быть просто... просто времененным для тебя, но знаешь что? Это не так — не для меня». Он делает паузу, и на заднем плане я слышу, как мужской голос спрашивает, готов ли он выезжать в аэропорт. «Черт, мне пора. Надеюсь, ты наконец-то счастлива, Харлоу. Очень надеюсь. Удачи».

Не знаю, почему я слушаю сообщение Дэksа, зная, что творится с моим сердцем каждый раз, когда делаю это. Но разве девушка не может помечтать, даже если ей нужно выбирать только те моменты, которые не причиняют боль? Я обожаю то, как Дэкс говорит, что я потрясающая женщина. Это словно то подтверждение, которое мне необходимо слышать ежедневно, и прежде всего от самой себя, и по-настоящему в это верить.

Я так сильно скучаю по Дэксу, по его смеху, озорному взгляду, по его добром сердцу. Но я также понимаю, что у меня есть дела, о которых мне следует позаботиться, и я не могу позволить себе отвлекаться. Шесть месяцев назад я совершила ошибку, сев в машину и сбежав из Нью-Йорка, говоря себе, что мне просто нужно время оплакивать все, что я потеряла, и потом все будет хорошо. Конечно, я говорила себе, что это будет недалекое путешествие по окрестностям, но в глубине души, я всегда знала, что это был билет в одну сторону, как Тельма и Луиза, когда они покидали Гранд Каньон, гонимые собственными бесами. Покупка оружия в Техасе доказала, что как бы я не старалась себя обмануть, все было совершенно иначе.

Я листаю календарь в телефоне, просматривая свое расписание на эту неделю. У меня будут дополнительные встречи с Фиби, чтобы разобраться в каждой мелочи относительно моего развода. Также у меня будет встреча с командой юристов во главе с

отцом Коула, Аланом Чемберсом, из адвокатской конторы «Чемберс, Мэйнард & Липман», который занимается миом делом против Общественной больницы Миллера. Он не возглавляет его, но как один из главных партнеров, он хочет убедиться, что все сделано правильно. В будущем тридцатимиллионный заработка, судебные издержки и компенсация за нанесенный ущерб моей репутации — это вам не шутки, а с указанием в жалобе имен Джекфа и Пелетьера, уверена, им тоже будет не до смеха. Мне уже известно, что больница замнет это дело и вернет мне мою должность, но дело не в работе. Дело даже не в деньгах. Это просто заявление о том, что Харлоу Джеймс вернулась, и теперь она может за себя постоять.

А еще она чертовски потрясающая.

Глава 26

Дэкс

Как же тяжело двигаться дальше. У меня не было секса уже шесть недель и это убивает меня. И причина не в том, что у меня нет возможности. Мой телефон разрывается от смс, и я не могу даже порог переступить в клуб «Ларри», не придумав хорошей отговорки, почему я не собираюсь уйти с Бэки, Тиной или Эллисон. Говорить, что я занят, больше не прокатывает, и даже парни смотрят на меня со смехом, задаваясь вопросом, куда подевался прежний Дэкс.

И дело не в том, что я внезапно потерял форму. Все отлично работает. На самом деле, именно это и сводит меня с ума. Но я просто не могу. Я не могу засунуть член в первую попавшуюся киску, которая появляется в радиусе пяти миль. Больше нет. Есть только одна женщина, которую я желаю и которая сейчас очень далеко. Она в Нью-Йорке и она не ответила ни на один из моих звонков — не то чтобы она могла. Теперь звонки на ее номер телефона переводятся прямиком в медицинский кабинет, и все, кто отвечают на звонок, готовят мне, что она ушла в бессрочный отпуск.

Конечно, я оставил ей сообщение, где сказал, что понимаю ее потребность двигаться дальше, но до моего сердца это не доходит, также как мой разум игнорировал советы моего отца оставить Харлоу в покое. И я закончил сундук, проведя два дня, работая над узором на нем, упаковал его и отправил по адресу ее работы. Это было до того, как в ее мире начался настоящий ад, и я просто надеюсь, что мой подарок напомнит ей о покое, который она нашла, оставаясь в «Жемчужине»... и обо мне. Я скучаю по ней, и мне просто хочется знать, что с ней все в порядке. Мне нужно услышать ее голос, чтобы убедиться, что с ней все хорошо. Черт, мне просто нужно услышать ее.

Ведь, кроме того, что она находится в процессе ужасного развода, Харлоу также в разгаре судебного процесса, связанного с больницей, которая выпроводила ее, после того, как она потеряла своего сына Маркуса. В прессе сообщают, что Общественная больница Миллера разорвала с ней контракт, пока она находилась на больничном, ссылаясь на «неудовлетворительную работу». Теперь их юристы заявляют о том, что тот факт, что она не оспорила это решение в течение шести месяцев, доказывает, что больница была права, уволив ее. В конце концов, если бы они были неправы, разве бы она стала так долго тянуть?

Все это вынуждает Харлоу рассказать о том, что она жила в «Жемчужине», понимая, что вернувшись домой, ее ждет куча проблем. И по глупости, я ее не остановил.

Работая в мастерской, во время встреч с клиентами или поиска определенной доски для выполнения заказа, ежедневно, мой телефон оповещает меня о новых упоминаниях о ней или Джекфе в прессе. Черт, он сигнализирует даже, когда я принимаю душ, присылая уведомления о каждой сплетне. Похоже, Нью-Йорским таблоидам ни как не надоест обговаривать жизнь хирурга-трансплантолога и ее требования выплатить тридцать миллионов долларов больницей, чтобы возместить ущерб потерянных будущих

заработков, судебные издержки и компенсацию за нанесенный ущерб ее репутации. Это должно быть улажено без суда, но до тех пор, люди рисуют ее как неуравновешенную ненасытную стерву, и, если верить смехоторвым сообщениям, бездушную как Снежная Королева.

Харлоу? Бездушная? Они ослепли? Иногда мне хочется сесть на первый же рейс до Нью-Йорка и найти ее. Я хочу обнять ее и сказать, что она не одна.

Тогда какого черта я до сих пор во Флагстаффе?

Но в тоже время я не могу распыляться из-за этой ситуации. Для этого существуют юристы. И если компания Коула подала на больницу в суд, значит Харлоу в хороших руках. Они знают свое дело, и ее молчание — это часть стратегии. Если она что-либо скажет или сделает, не обсудив это с юристами, или хуже того, вопреки советам юристов, это обернется против нее. И со мной было бы также.

Но даже несмотря на то, что Коул — юрист, он также мой друг. Я просто рад, что он не напрямую задействован в дело Харлоу.

— Там полный бедлам, приятель. Просто оставь ее в покое на время, — все, что говорит Коул, когда я звоню ему, в надежде получить новые ответы.

Он мог подобрать более толерантные слова, что-то на юридическом сленге, но того, что он выбрал, для меня достаточно, чтобы понять, насколько плохо обстоят дела.

— Ты можешь мне ответить только на один вопрос? — спрашиваю я, когда Коул вздыхает.

— Зависит, что ты хочешь знать, приятель. Моя компания представляет ее в суде, так что я не могу сильно распространяться.

— Она сможет сохранить свою карьеру в Нью-Йорке после всего этого... бедлама?
Коул вздыхает.

— Давай я отвечу так, Дэкс, и я должен предупредить: то, что я сейчас говорю, — это всего лишь слухи, все, что говорится в таблоидах, мы оба понимаем, как мало в этом может быть правды, верно?

— Я знаю, что официально ты не можешь ни о чем рассказывать, приятель. Но просто пойди мне навстречу, ладно?

— Она получила предложение принять пост директора в больнице Нью-Хейвена, и они только что отклонили его. Тебе это о чем-то говорит?

— Ее карьере конец.

— Скорее всего, если верить таблоидам. Это несправедливо, но как бы ни закончился этот судебный процесс, пока ее никто не тронет. Не здесь. Не сейчас. Опять-таки, это всего лишь слухи.

— Она знала об этом до того, как подать жалобу на Общественную больницу Миллера?

— Должна была, но то, что она сделала это только полгода спустя, это слишком поздно, — отвечает Коул. — Послушай, приятель, я не знаю, что тебе сказать. Я не хочу, чтобы ты был втянут в это дело еще больше, чем уже есть.

— Что ты имеешь в виду?

— Это всплыло недавно, так что, возможно, ты еще не слышал, но скоро услышишь. Теперь Гарднер заявляет, что все это время, она провела в Таосе... с каким-то плотником. С тобой. Поэтому не удивляйся, если твой шикарный шоурум будет привлекать больше внимания, чем обычно.

Мой шоурум действительно стал привлекать больше внимания, и не от потенциальных клиентов, как мне написала вчера мой менеджер Майко. Она упомянула, что на улице были папарацци, но она предположила, что, возможно, я получил очередную награду, а мой отец просто забыл об этом написать в электронном письме, отправленным в компанию.

— Это все, нахрен, не правда, и ты это знаешь, Коул.

Мне и правда следовало прикончить этого ублюдка, когда я с ним встретился в «Жемчужине», и закопать его там же. Уверен, братья Виллер без проблем бы мне в этом помогли.

— Пять дней, Коул. Я с ней был каких-то несчастных пять дней, а не шесть месяцев.

— Какая разница, сколько ты с ней был, Дэкс? Что важно, так это то, что Гарднер использует суждение общественного мнения. И я даже не говорю сейчас о Твиттере или Фэйсбуке. Я говорю об их друзьях, коллегах, соседях и даже пациентах. Он не применяет каких-то отдельных усилий, чтобы навредить в этой области. Он использует тебя, для того, чтобы ты испортил уже и так подпорченную репутацию ее эмоциональной нестабильностью, когда они были в браке, и после того как у них родился ребенок. И даже если люди проверят факты и позже убедятся, что он был неправ, ущерб уже будет нанесен. Ты же знаешь, какими бывают люди, Дэкс. Сначала набрасываются, а потом думают. Хотя это никак не повлияет на дело в расторжении брака, то добавь это к разговору о том, что она проводила время с тобой, в то время как должна была защищать свою репутацию дома — это смертельный приговор для любой карьеры, не важно, каких высот она достигла. Но она оправится…

— А как на счет него? — спрашиваю я, всеми силами сдерживая свой гнев. — У него была интрижка, и они даже назначили дату свадьбы, не дав еще чернилам высохнуть после подписания их документов о разводе. Черт, он даже не был еще завершен.

— Свадьбы не будет.

Я даже не слушаю его, это логично.

— Конечно, не будет! Он до сих пор женат на Харлоу!

— Дэкс, успокойся. Это из-за того, что ребенок, которого носит Лейлани не от него, и поэтому он с ней расстался, — говорит Коул, и его слова останавливают меня. *Ребенок*. Харлоу может носить моего ребенка, и если это так, тогда что о ней будут говорить люди?

— Так почему это никто не обсуждает? Все, чем они занимаются, так это очерняют репутацию Харлоу на каждом шагу.

— Это не обсуждают в новостях, потому что, для того, чтобы об этом узнать, он нарушил конфиденциальность и безопасность данных пациента, и теперь решение за АМА (*прим. профессиональный союз, самая большая ассоциация врачей и студентов в США*). Вот для чего нужна Американская Медицинская Ассоциация, — теперь голос Коула становится серьезным. — Поэтому даже если мистер Гарднер ведет сейчас нечестную игру, втягивая твое имя в этот кошмар, это все равно будет плохо выглядеть для него.

— А отец? Это же не только мое имя. К нему это тоже относится.

— Твоего отца это не радует, но с ним все будет в порядке. Но как советовали тебе юристы, в чем бы ты не был замешан, тебе лучше сидеть тихо и позволить нам выполнять свою работу. Но если на чистоту, разве его клиентов волнует, что говорится в таблоидах? Пока он помогает им заколачивать деньги, а ты занимаешься своим делом и получаешь свои награды, он всегда будет членом клуба богатеньких старичков… как и ты будешь в свое время.

Коул вздыхает.

— Черт, я не должен был тебе ничего рассказывать.

Осуждение со стороны общества по отношению ко мне и моему отцу — это одно, но по отношению к Харлоу — это совершенно другое дело.

— Последний вопрос, и я больше не буду тебя мучить.

— Что еще? — голос Коула звучит настороженно, но он позволяет мне продолжить.

— Как она? Как она держится?

— Это уже два вопроса, приятель. Но, честно говоря, не могу тебе ответить. Я не знаю.

Если одна ночь в одиночестве в «Жемчужине» заставила Харлоу взять в руки пистолет, тогда что будет сейчас? Кто теперь вернет ее к жизни, после всего этого дермана?

У нее нет родных. У нее никого нет, точно не в Нью-Йорке. Черт, я должен был позвонить ей раньше. Я должен был настоять на встрече с ней.

— Да брось, Коул, пойди мне навстречу.

— Я уже это сделал. Я рассказал тебе больше, чем кому-либо.

— Как мне связаться с ней? Я уже устал назанивать ей в офис, это какой-то Форт-Нокс. Ее никогда не бывает на месте, или они перехватывают все ее звонки.

— Приятель, я не знаю. Я не могу...

— Коул, да брось. Прошу.

Какое-то время Коул ничего не говорит.

— Вот это да. Ты даже не шантажируешь меня ванной, которую заказала Милли.

— Это будет не честно, дружище. Она ее заказала, а не ты.

Это единственное, что я произношу, несмотря на то, что любопытство распирает. Мы всегда встречаемся пообщаться с Коулом, когда я прилетаю в Нью-Йорк, но на этом все. Мужчины не трепятся на тему любви.

— Могу я задать личный вопрос?

— Конечно.

— Как ты понял, что Милли была той самой?

Я слышу, как Коул усмехается.

— Это просто. Я не мог представить себя с кем-то другим. Даже, когда мы на время расстались. Но твоя мама помогла мне принять решение, когда мы с отцом приезжали к вам в гости во Флагстафф, как раз, перед тем как она... ну, прежде чем ее не стало.

— Что она сказала?

— «Так как это будет, Коул? Ловим на живца? Эта девушка не будет ждать вечно», — повторил он слова матери, его голос звучал выше, пытаясь воспроизвести голос мамы.

— Ты же знаешь, как она любила рыбачить, поэтому было не удивительно такое от нее услышать. Она бы присоединилась к нашим морским рыбакам, если бы твой отец ей разрешил.

Мы смеемся.

— Нет, отец смотрел «Идеальный штурм», и после этого это даже не обсуждалось. Он терпеть не может, когда что-то находится вне его контроля, и любая поверхность воды — это его заклятый враг.

Отец исключительно городской житель, который никогда не смог бы стать рыбаком. У мамы лучше получалось удить и чистить все, что мы поймали.

— Это похоже на твоего отца. Но твоя мама любила его таким, какой он есть.

Какое-то время мы оба молчим, после чего Коул говорит:

— Ты в курсе, что он больше ни с кем не встречается. Даже спустя пять лет.

— Он общается с какими-то дамами.

— Да, но он полностью посвящает себя своим детям, особенно тебе. Он очень гордится тобой, Дэкс. Вот бы мне такого отца.

Не секрет, что Алан Чемберс строг со своим сыном, иногда даже слишком, как по мне. Он никогда не поощряет Коула, даже когда он выигрывает судебные дела их фирмы. Каждое дело еще тяжелей, чем предыдущее, очередной шанс доказать своему старику, что он достаточно хорош, чтобы однажды получить должность старшего партнера.

— Он гордится тобой, Коул. Я вижу это.

— Рад, что хотя бы кто-то это видит, — с сарказмом произносит Коул. — Ладно, вернемся к твоим делам, приятель. Я подумал, что ты с этим справишься. Обычно ты довольно быстро все переживаешь.

Я тоже так подумал, и видит Бог, я пытался уехать и забыть Харлоу, как обычно зависая с друзьями после работы, чтобы потом вернуться в одиночестве домой. Просто этоказалось неправильным.

— Думаю, я решил притормозить.

— Кэти Плешетт, — произносит Коул.

— Что еще за Кэти Плешетт?

— Дэкс, дружище, в следующий раз, когда ты будешь звонить на работу доктору Джеймс, тебе нужно будет позвать Кэти Плешетт. Она на страже Форт-Нокса. *Твоего* Форт-Нокса.

Мне требуется несколько спарринг-раундов в спортзале, чтобы избавиться от всего своего разочарования, и это срабатывает. К тому времени, когда я заканчиваю, я чувствую себя намного спокойнее, и вероятности, что я наброшусь на кого-нибудь, теперь намного меньше. Кому действительно мне хочется хорошенько врезать, так это Джеффу, но кому как не мне знать, сейчас лучше не давать воли кулакам, как в ситуации с Френком.

Единственная причина, почему, вероятно, Френк так и не подал на меня в суд, это потому, что ему не хочется быть втянутым в такую же шумиху, в которую уже втянут его друг. И если отец может о себе позаботиться, то о Харлоу я беспокоюсь, и о том, как она справляется со всем, что сейчас происходит. Если у нее кто-то, кто мог бы ее поддержать? А что с пистолетом? Он до сих пор у нее? И чем больше я продолжаю повторять себе, что Харлоу ни за что бы не сделала то, что сделала Мэдисон, уже прошло шесть недель с тех пор, как мы спали вместе, и я не могу перестать задаваться вопросом, было бы Харлоу уже известно о своей беременности, если бы это было на самом деле так?

Сказала бы она об этом мне?

Глава 27

Харлоу

Пять тестов, показывающих одно и то же, не могут ошибаться. Или могут?

Я кладу тест на беременность на полотенце, расстеленном поверх тумбочки возле раковины в ванной рядом с остальными четырьмя, которые я только что сделала, их результаты вполне очевидны. Во мне не осталось ни капли утренней мочи, после честно пройденных тестов на хорионический гонадотропин, гормон, вырабатывающийся при беременности, и я сомневаюсь, что мне стоит делать еще один тест. Я делаю один и тот же тест уже три дня подряд, ежедневно, и результат не меняется. Даже тест из того магазина, где все по доллару, и то, оказался положительным. Розовая полоска, голубая, одна полоска, две полоски — они все показывают одно и то же, уверена, точно также как и анализ крови, который я сдала вчера, выдаст мне тот же результат.

Я беременна.

Уже шесть недель, и смотря на свое отражение в зеркале, меня поражает лишь одно. То, что я постоянно говорила себе, что никогда не случится, даже не смотря на то, как я этого желала, но это случилось. Я забеременела без какой-либо гормональной терапии или процедур оплодотворения. Никто не проводил искусственного оплодотворения моей матки яйцеклетками. На этот раз, потребовался лишь один мужчина и бесчисленное количество энтузиазма для выполнения этой задачи.

Я вру.

Чем больше я отрицаю это, тем больше замечаю признаки беременности, например размер моей груди, который наконец-то заставил меня сдаться и купить новые бюстгальтеры два дня назад, усталость, от которой меня постоянно клонит в сон на работе, и многочисленные походы в туалет. И когда появляется тошнота, которая постоянно застает меня в самый неподходящий момент на протяжении всего дня. Она еще не прошла, хотя в данный момент, когда я валяюсь под одеялом, чтобы собраться с мыслями, прежде чем отправиться на работу, я чувствую себя хорошо. Мне просто хочется, чтобы в моей жизни все наладилось.

Несмотря на то, что мой развод подходит концу, и я получаю недвижимость в Хэмптонс, мое намерение подать в суд на больницу переросло в проблему вселенского масштаба. И дело даже не в моем намерении подать на них в суд, чтобы оспорить

основания моего увольнения. А проблема в том, как это влияет на всех и все остальное в моей жизни.

Если мне казалось неприятным то, как избегали меня наши общие друзья с Джейфом, после того как он восемь месяцев назад подал на развод, то это ничего по сравнению с тем, что происходит сейчас. Сжигание мостов — самое подходящее описание, хотя в профессиональном мире, это просто означает, что коллеги врачи стали более осторожны в общении со мной, а друзья просто не хотят быть втянуты в этот хаос, даже если они просто позвонят, чтобы спросить как у меня дела. А еще Джейф распространяет лживые слухи обо мне и Дэксе, заявляя, что все это время я была с ним в Таосе. Джейф знает, что это неправда, но если это поможет отвлечь внимание от него и предательства Лейлани, значит, он это использует.

Жаль, что я ничего не могу сделать, мне нечем ответить, но я должна выстоять это сражение. И сейчас, лучшим ходом против Джейфа будет молчание, как и советуют мои юристы. К тому же, у меня по-прежнему есть медицинская лицензия. Я веду осмотры пациентов. Скандалные слухи обо мне — это наименьшее, из того, что их беспокоит. Что для них действительно важно, так это благополучие их ребенка, как правило, на диализе, пока они ожидают, когда в их маленьких тела будет достаточно места для пересадки донорской почки, что зачастую, поступают от взрослого родственника или подходящего по медицинским показаниям человека. Мне также нужно закончить научную работу. К счастью, мое последнее исследование по сердечнососудистым факторам риска у пациентов с пересадкой почек не остановилась из-за возникших скандалов. Пока дела не стоят на месте, все нормально.

Тем не менее, в моей новой нормальной жизни, нет ничего нормального. Я нахожусь на неизведанной для меня территории, и если Прежняя Харлоу давно бы опустила руки, а ее идеально распланированная карьера пошла бы вниз, то Новая Харлоу — нерушима. Ну, почти. Я наконец-то начала посещать психолога, сеансы проходят дважды в неделю, и я их с нетерпением жду. Я так давно все держала в себе, и теперь очень приятно, выплыснуть все наружу, несмотря на то, что мои приемы ограничены по времени. Меня задело то, что Больница Нью-Хейвена отозвала свое предложение о работе, но не сильно. Это не имело значения. Конечно, это задело мое это, но в глубине души я всегда чувствовала, что мне не принесет удовольствие эта должность. Или, может, дело в том, что сенатор предупредил меня об их решении заранее, когда я пришла на праздник в Хэмптонс по случаю десятого дня рождения Пенни.

Слава Богу, слухи, преследующие ее любимого доктора, прошли мимо нее. Для Пенни я по-прежнему ангел, который сидел с ней после операции до самого утра, держа ее за руку, и с тех пор, она относится ко мне как к части ее большой семьи. Но его протекция имеет пределы. Когда дело доходит до моих юридических проблем, сенатор Леон Кингстон должен соблюдать правила. Единственное, о чем заявил его офис, так это о том, что они с женой лично выбрали меня в качестве трансплантолога для проведения операции их дочери, вместо ведущего хирурга Джейфа Гарднера.

«Выбор, основанный на исключительных профессиональных навыках доктора Джеймса, ее безупречных хирургических достижениях и ее сопереживании своим молодым пациентам», — цитата, которую передавали газеты.

И теперь, для меня этого достаточно.

Могу сказать, что я сама виновата. Мне следовало молчать и не высказываться, как этого и ожидал Джейф. Но с чего вдруг? И зачем мне это делать, после того как я наконец-то разобралась в себе? Да, меня уволили, пока я была в отпуске, и что? Да, я не подавала в суд, как только мне пришло об этом уведомление, пока меня не было в городе, и что с этого? Да, я якобы все это время была в каком-то забытом миром любовном гнездышке в Нью-Мексико, у какого-то плотника, и что, черт возьми, в этом такого?

Только вот теперь, я ношу ребенка от этого плотника.

Я выбираюсь из-под одеяла и достаю деревянный сундук, стоящий под кроватью. Это дается мне тяжело, не только из-за веса ящика, но также из-за маленьких сокровищ, которые я туда спрятала с тех пор, как получила его пару недель назад. Я вытаскиваю сундук ручной работы, созданный с помощью японского рубанка, или *сашимоно*, и ставлю на кровать возле себя. На самом деле мне не следует его прятать, учитывая, что это работа настоящего гуру столярных работ, но в тоже время мне не хочется, чтобы он находился слишком далеко от моего самого любимого места в этой крошечной квартирке, своей кровати. Среди того сумасшествия, которое сейчас происходит в моей жизни, мне нравится иметь возле себя частичку Дэksа, даже если это всего лишь сундук.

Но это не просто какой-то сундук. Это чистое совершенство. Дэks сделал его специально для меня и это потрясающе. Я провожу пальцем по солнцу и луне, вырезанных на крышке ящика. Он красивый, и теперь я так рада, что не отправила его обратно. Моя гордость едва не заставила меня сказать маленькой японке, которая доставила ящик в мою клинику, чтобы она забрала его обратно. Но мое сердце одержало победу, и я приняла посылку и открыла ее, находясь наедине в своем кабинете. После чего я уставилась на красоту перед моими глазами, на экзотический древесный запах, который вернул все воспоминания, великолепия каждой детали с этой прекрасной крышкой, которая без всяких усилий скользнула вниз. Этот сундук возродил все воспоминания о Дэksе и ощущение дома, когда я находилась в его объятиях.

Подняв крышку, я вижу маленькие безделушки, которые собрала на память о своей длительной поездке, хотя большая часть из них только из Нью-Мексико. Камни после моих небольших прогулок возле «Жемчужины», после поездки в Бандальер и похода на горячие источники, даже из Арройо-Секо, где Дэks рассказал, как его мать учila рыбачить его самого и даже его отца. Здесь даже есть высушеннная веточка шалфея и травы, которые я купила в одном из магазинчиков на площади Таос, как напоминание о том, что последние полгода моей жизни были прощанием с прошлым и стали началом новой. И вот слова, которые Дэks вырезал на задней части крышки, слова, которые я запомнила, как только их прочла. Я провожу пальцем по буквам, представляя, как он склоняется над доской, концентрируясь, хмуря брови, пока вырезает их.

«Он действительно имел в виду именно то, что здесь написано?»

Я возвращаю крышку на место и задвигаю сундук назад. Следующие пару минут, я ухожу в себя, заставляя себя выбросить все лишнее из своей головы. Я провожу рукой по животу, мои мысли переходят к жизни, зародившейся внутри меня. На этот раз, я не чувствую никакой вины за то, что сделала, даже если на то, чтобы принять это, потребовалось уйму времени. Я соврала Дэksу о том, что принимала таблетки, и вот, что произошло; эта ложь переродилась в новую жизнь внутри моего тела.

На шестой неделе, несмотря на то, что ребенок всего размером с горошину, у него есть сердце, которое интенсивно бьется: примерно от ста до ста сорока ударов в минуту. И если он пошел в своего отца, у него сильное и выносливое сердечко — сердце, которому, я надеюсь, еще не все равно на меня.

— Не желаешь перекусить?

Я отрываю взгляд от своего ноутбука и вижу, что в дверях кабинета стоит Кэти. Уже час дня, что означает, что я просидела за компьютером последние четыре часа. Позади нее сотрудники уже готовятся отправиться на обед, решая, что выбрать: пиццу или греческую кухню.

— Не знаю, Кэти. Мне нужно закончить с этими бумагами до трех, пока не пришли мои пациенты.

— Но тебе тоже нужно кушать. Ты в последнее время сама не своя, и я беспокоюсь о тебе.

Я закрываю программу и выключаю компьютер.

— Ты всегда обо мне беспокоишься, Кэти.

— Я подумала, что мы можем сходить в новый ресторан, который открылся дальше по улице. Может, это тебя растормошит. Ну же. Я угощаю.

— Может ты меня еще и за руки потащишь? — как только я произношу это, на меня находят воспоминания. Дэкс сказал то же самое, когда я согласилась, что он может остаться в «Жемчужине» при условии, что будет на своей стороне дома, а я на своей. Конечно, никто из нас не следовал этому правилу, вместо этого отдав предпочтение кровати королевских размеров, в качестве нейтральной территории.

Я вздыхаю. Побочный эффект беременности заключается в том, что ты становишься меланхоличным и эмоциональным, именно такой я себя и ощущаю при мысли о Дэксе и своей беременности. Я пообещала ему рассказать, если я узнаю, что беременна, и вот смотрите, что происходит. Так почему я ему не звоню? Потому что я напугана, вот почему. «Что если, как и во время беременности Маркусом, у меня будет выкидыши?»

— Ты в порядке? — передо мной возникает взволнованное лицо Кэти. — Ты очень побледнела. Ты вообще сегодня ела что-то еще, кроме того бананового кекса, который я принесла?

Прочистив горло, я закрываю ноутбук и поднимаюсь с кресла. Мне нужен свежий воздух. И нет, я не потеряю этого ребенка. У него крепкое сердце, как и у его отца.

— Я просто проголодалась, вот и все, Кэти, — отвечаю я, беря в руки свою сумочку.
— Идем?

— Так ты расскажешь мне про этого Дэкса Дрексела, на счет которого доктор Гарднер все никак не успокоится? Ты никогда о нем не рассказываешь, — говорит Кэти на полпути к ресторану «Санта Роза». Он открылся всего два месяца назад, и в нем уже нет отбоя от желающих попробовать чилакилес* и выпить Маргариту (*прим. традиционное блюдо мексиканской кухни*). Или как в моем случае — чоризо с яичницей и картофелем. И съев большую часть из этого и испытав рай на языке, я надеюсь, что меня не одолеет изжога, которая обычно бывает у беременных, как раз, когда ко мне придут мои пациенты. Ну, почти. Это было бы настоящим раем, если бы это приготовила Анита Анейя, и все бы собрались за накрытым с любовью столом, смеясь над очередным высказыванием Диами.

— Что ты хочешь знать? — я старюсь не звучать слишком оборонительно, но в тоже время, получается именно так.

С тех пор как я вернулась, Кэти всегда рядом со мной, и в отличие от привычных друзей, которые просто звонили, чтобы поздороваться и узнать, как мои дела, она единственная, кого я подпустила к себе. Черт, единственный близкий мне человек.

Кэти пожимает плечами.

— Правда, что ты была с ним, как утверждает доктор Гарднер?

— Я была с ним только пять дней. Максимум — неделю. А не шесть месяцев. Я целый месяц провела в Альбукерке с доктором Мартин, помнишь?

— Он тебе нравится? — Кэти, хмурясь, смотрит на меня. — Он до сих пор тебе нравится?

Я вздыхаю.

— Он мне действительно нравился... очень. Но ничего бы не сложилось, не в то время, когда мой развод все еще не закончен. Последнее, что мне было нужно, — это, чтобы между нами с Джейфом разразился очередной скандал.

— Но скандал все равно произошел, так ведь? Доктор Гарднер подтвердил это, рассказывая сплетни о тебе с этим парнем. Но ваш развод практически завершен. Ты сама сказала мне об этом. Поэтому мне интересно, если Дэкс вернется, например, если бы он был в городе, ты бы приняла его? Ты бы увиделась с ним снова? Или между вами все кончено?

На этот раз я занимаю оборонительную позицию. Кэти всегда говорит все начистоту, и хотя я знаю, что все в офисе просто сгорают от любопытства узнать, правда ли то, что говорят обо мне с Дэксом, она сдерживалась от расспросов. До этого момента.

— Почему тебя вдруг это так заинтересовало?

— Доктор Гарднер явно ощущает угрозу с его стороны, и я его понимаю. Он заслуживает этого, после того, как поступил с тобой. Я разузнала немного о Дэксе Дрекселе, хороший улов. У него есть шоурм на Седьмой авеню. Дорогие изделия. Очень дорогие, и я слышала, что он создает все сам, — она приподнимает правую бровь. — И ты вся светишься.

Я пристально смотрю на нее.

— Что, прости?

— Я никогда не видела, чтобы ты так сияла, — говорит Кэти, откидываясь назад в своем кресле. — Ты сама не своя, когда речь заходит о Дэксе, и ведешь себя как сумасшедшая. Тебе следовало бы подать в суд на доктора Гарднера за клевету. Но ты этого не сделала. Ты спокойна. Слишком спокойна, если на то пошло. И в последний раз ты была такой только, когда была... — ее голос затихает, но я чувствую, как она изучает меня.

Она не может произнести этого вслух, и с чего бы ей это делать? Никто этого не делал.

Но я произношу это вместо нее.

— Беременной?

Она кивает.

— Ты всегда становилась более сдержанной в своих эмоциях каждый раз, когда была беременной. Только на этот раз, есть одно отличие, которого никогда прежде не было.

— Какое?

— На этот раз, ты поставила свою карьеру на второе место. Ты сократила свои рабочие часы, и ты больше себя так сильно не загружаешь. Больше никаких исследовательских работ или ротаций в других больницах. Ты также больше проводишь время дома, чем это было раньше. Ты вьешь свое гнездышко.

Я чувствую, что краснею.

— Ты слишком много нафантазировала, Кэти. Все из-за этой болтовни Джейффа о моих сексуальных похождениях в Таосе.

Она тянется к своей сумочке и протягивает мне конверт.

— Пришло этим утром. Мне удалось перехватить его прежде, чем кто-то увидел.

Я беру конверт, жалея, что опрометчиво написала адрес своего офиса, когда была в депрессии и не могла вспомнить даже элементарных деталей своего места проживания. Это от доктора Тивса, моего акушера, женщины, которая вела меня во время всех моих предыдущих беременностей.

— На каком ты сроке? — спрашивает Кэти, внимательно рассматривая меня.

На этот раз, нет смысла ходить вокруг да около. Кэти все знает.

— Шесть недель.

— Он в курсе?

Я не отвечаю сразу, пока разрываю конверт, вынимаю лист бумаги, который сообщает мне о том, что я уже знаю. Так и есть, включая еще цифры, которых я вообще не ожидала. От этого я даже не сразу реагирую на сигналы Кэти, проверяющие мою реакцию. «*Не может быть*». Я складываю лист и прячу обратно в конверт.

— Ты собираешься ему сказать? — еще раз спрашивает Кэти, когда я кладу конверт в свою сумочку.

На мгновение, я забываю, о чем меня спросили.

— Э, конечно, скажу. Но думаю, лучше подождать пока не закончится первый триместр. Ты же знаешь, как...

— Так, значит, он подождет? Думаешь, это справедливо?

Я хмурюсь.

— Тебя это не касается, Кэти.

Кэти роется в своей сумочке, достает из нее толстый конверт, который напоминает официальное приглашение, и вручает его мне.

— Это прислали, пока ты была на работе. Он велел передать его лично, видимо, понимал, что это лучше, чем просить о встрече с тобой. Так что он попросил меня убедиться, что ты его получишь. Он показался приятным человеком. И очень хорошеньким.

Моя рука дрожит, когда я беру у Кэти приглашение. На конверте золотыми прописными буквами указано название «Такеши-Дрексел Деревообработка и Дизайн». Мое имя вручную написано посередине конверта, где изображено солнце и луна, такие же, как на сундуке. Когда я открываю конверт, извлекаю приглашение на закрытое мероприятие, которое проходит сегодня вечером, я читаю те же строки, которые он вырезал на крышке сундука.

«Ты луна и звезды на моем небе, моя прекрасная Харлоу. И без тебя, моя мир — сплошная тьма».

Я прикрываю рот рукой, борясь со слезами. Я представляю, как он пишет эти слова. Такой погруженный и сконцентрированный, каким всегда был со мной, будь это просто домашний ужин с пиццей, или занимаясь со мной любовью. Он смотрел на меня так, словно я была единственным, что имело значение для него в тот момент. И, может быть, так остается и до сих пор, даже спустя шесть недель, когда я не могла почтить его элементарным телефонным звонком.

— А что, если и на этот раз у меня будет выкидыш, Кэти? Все будет зря. Я только причиню ему боль.

Страшные слова срываются у меня с языка, прежде чем я могу остановиться, и Кэти вздыхает. Она тянется к моей руке и сжимает ее.

— Он все равно заслуживает знать, доктор Джеймс. Чем скорее, тем лучше.

Глава 28

Дэкс

— Мне бы хотелось, чтобы ты повременил до тех пор, пока завершится ее бракоразводный процесс, и не натворил никаких глупостей.

В моей голове звучат слова отца, пока я сижу на скамейке в парке св. Луки. Это крохотный парк в самом сердце Гринвич-Виллидж (*прим. район в западной стороне Манхэттена, Нью-Йорк*), и сейчас я пытаюсь успокоить себя, после того, как был всего лишь в нескольких метрах от Харлоу. Информации о том, что она была на работе, было достаточно, чтобы, совершенно не заботясь об осторожности, попросить Кэти, умолять ее, дать мне возможность поговорить с Харлоу. Но нет, я не мог этого сделать. *«Просто оставь приглашение, Дэкс, и уходи. Кэти сказала, что это единственное, что ты мог сделать. Именно поэтому она попросила тебя зайти и оставить приглашение в отдельно отведенное время».*

Иногда мне кажется, что я просто какой-то дурак, умудрившись так сильно влюбиться в женщину, проведя с ней всего пять дней. Каждое мгновение с ней отпечаталось в моей памяти: каждая улыбка, каждый смех, каждая слезинка, которую я вытер с ее красивого лица. Но в ярости, я забыл об этом, и посмотрите на меня, я сижу, погруженный в свои мысли в саду посреди Манхэттена. Но я не заблудился. Водитель отца точно знал, куда я собирался, и он, должно быть, позвонил своему начальнику и рассказал, где был его сын.

— Ничего глупого я не натворил, если ты об этом волнуешься.

— Софи была весьма разочарована тем, что ты так рано ушел вчера. Она так ждала, что сможет больше пообщаться с тобой, — говорит отец, садясь на лавочку возле меня.

У него представительный вид в своем дорогом костюме и очках, и в один прекрасный день, вероятно, я бы стал таким же, если был бы менее похож на маму. Творческий человек, которому удобнее в джинсах и футболке, чем в том, что на мне сейчас: костюм, который понемногу душит меня. Мне не нужно его надевать, но я все равно это делаю. Это наименьшее из того, что я могу сделать, чтобы выглядеть как мужчина, чьи способности приносят тысячи долларов.

— Это твоя идея проверить, что я не удрал из-под твоего надзора и не встретился с Харлоу? Отвлекая меня выпивкой и женщинами?

Отец смеется.

— Отвлекать тебя? Дэкс, это ни чем не отличается от твоего прошлого приезда, и позапрошлого. И это не обязательно должен был быть я. Ты отличноправлялся со своими приятелями. Так что, нет, я не делал это для того, чтобы ты забыл своего любимого доктора.

— Я же говорил тебе, что этот приезд отличается от предыдущих, отец, и я не шутил.

— Но это не значит, что мы должны игнорировать все, что было запланировано еще несколько месяцев назад. Помимо PR-а, вечеринок, встреч и личных консультаций на счет новых заказов, которых пруд пруди с самого начала последнего квартала, — отец замолкает. — Но даже с этим самоотверженным воздержанием, которое ты, по-видимому, принял, что если она скажет нет?

Я пожимаю плечами.

— Значит, так и будет.

— Прошло шесть недель, Дэкс. Слава Богу, она достаточно умна, чтобы держаться от тебя подальше. Ее муж уже вовлек твое имя в этот кошмар, а ее и без этого описывают как эмоционально неуравновешенную. Говорят, она стала такой после того, как потеряла ребенка и уехала, ни сказав никому куда. Также ходят слухи, что она фригидная...

— Пап, ты хочешь, чтобы я сообщил прессе, что они не правы? Что она далеко не фригидна? Уверен, кто-нибудь точно не против, заплатить мне за такую информацию.

Отец недовольно разворачивается и смотрит на меня.

— Ты не посмеешь.

— Ты прав. Не посмею, но это не означает, что я позволю таблоидам диктовать мне, что думать о Харлоу. Они совершенно ничего не знают о ней.

— А ты? Дэкс, это смешно и ты это знаешь. Ты был знаком с ней всего пять дней.

— За эти пять дней я узнал о ней больше, чем я знаю обо всех людях, с которыми знаком всю жизнь, пап, и сейчас, ты один из них. Разве не ты запал на маму сразу же, как только увидел ее. Однажды ты сказал мне, что предложил бы ей выйти за тебя меньше чем месяц после вашей первой встречи. Так почему ты сейчас осуждаешь меня?

Следующие пару минут мы молчим. Мимо нас проходят несколько парочек, держась за руки, не замечающих никого вокруг себя. Мне интересно, они выкроили время встретиться друг с другом во время обеденного перерыва или просто проводят вместе день. В конце концов, этот маленький сад, скрытый за кирпичными стенами, прекрасное место, чтобы сбежать от суэты Манхэттена, хотя в данный момент, мой отец рушит это мнение. Я просто не понимаю, почему ему так не нравится Харлоу. Из-за того, что она старше меня? Ну и что? Я же не ребенок, который не знает, чего хочет. Я достаточно взрослый, чтобы отвечать за себя и быть с Харлоу, у отца не было проблем на счет женщин, с которыми я делю постель.

Но никто из тех женщин, не занимает столько места в моем сердце как Харлоу. И может быть, когда она откажет мне и скажет, что мы не можем быть вместе, мое сердце успокоится, и я буду двигаться дальше. Но только тогда.

— Я не ненавижу ее, Дэкс, если ты так думаешь, — медленно проговаривает отец. — Я просто не выношу наблюдать за всем этим беспределом, который к тебе не имеет

никакого отношения. Гарднеру же хуже, если он считает, что может воспользоваться тобой, чтобы испортить репутацию своей жены.

— Я сам могу позаботиться о себе, пап. И я уверен, Харлоу тоже.

— Мне также не хочется, чтобы тебе сделали больно. Ты слишком восприимчив, Дэкс. Если ты любишь, то всей душой, как и твоя мать.

— Тогда, можешь считать это недостатком характера, но это не означает, что я не отдаю отчет своим действиям.

— В ее характере не было недостатков, и у тебя их точно нет, — говорит папа. — Послушай, ты уже не тот мальчишка, который накинулся в туалете на парня, с которым изменила тебе Клаудия. И Господь видит, я просто рад, что ты достойно повел себя, когда встретил Гарднера в «Жемчужине». Ты не стал затевать драку.

На его лице появляется тень улыбки, даже не смотря на то, что я пристально смотрю на него. Я не могу быть настолько вспыльчивым. Возможно, я чуть не забил до смерти того мужика в туалете из-за того, что он просто сказал мне, что только что трахнул мою девушки, и ей это понравилось, но я прошел курсы управления гневом, которые мне назначил суд, и Бог видит, бывают дни, когда я не вылезаю из зала, переводя свой гнев на битье по груше.

— Как я уже сказал, папа, я могу сам о себе позаботиться.

— Хорошо, — отвечает отец, поднимаясь со скамьи. — Ладно, юбиляр, я поеду удостовериться, что твоя вечеринка пройдет хорошо. Увидимся в восемь. А, и пока я не забыл. Менеджер Софи подбросит ее до шоурума, так что вы можете пройти через журналистов вместе.

Я наблюдаю, как отец проходит мимо цветущих ирисов, направляясь к воротам. Конечно, я приеду. Может я и плотник, влюбленный в Харлоу, но я по-прежнему бизнесмен.

Спустя два часа после начала вечеринки, даже я могу отметить, что это успех. Отец точно знает, как организовать городскую вечеринку. Только ему известно, как снять одно из лучших мест на Манхэттене, и вот мы находимся на крыше в саду, с видом на собор св. Патрика и Пятую авеню. Кто знал, что на этой неделе исполняется три года с тех пор, как я выиграл первую награду за дизайн лестницы, которую я сделал для инвестора из Монтока (*прим. город, штат Нью-Йорк, США*). Это сделало мою компанию известной, и с тех пор у меня нет отбоя от заказов.

Я рад, что отец следит за такими вещами. PR-компания даже сообщила об этом в прессу, и возле входа собралась толпа журналистов, где гости позируют для фото, которые появятся в социальных сетях и на страницах местной светской хроники. Отец верит, что подобное мероприятие гарантирует то, что мое имя появится прессе, и на этот раз по хорошей причине, не связанной со скандалом, в который меня втянули по заказу какого-то ублюдка-докторишки.

Мне бы хотелось, чтобы идея отца провести вечеринку не включала в себя приглашение всех женщин в возрасте двадцати пяти лет в радиусе пяти миль. И вот сейчас, они повсюду, и я не могу и шагу ступить, чтобы за мной кто-нибудь не последовал, пока я иду в туалет, или чтобы не ждали, когда я оттуда выйду. Видимо, они в курсе о том, что за последние пару недель обо мне постоянно говорят в прессе, а может, именно поэтому они и пришли. Может, теперь я более интересен для них.

Отец тащит меня, чтобы я познакомился с его друзьями, и теперь я занять разговорами о ваннах и столах с резными краями, такими, как я сделал для Наны в Таосе. У меня есть заказ на еще два стола, и один стоит здесь, поэтому гости могут расспрашивать меня о том, как я их собираю, как я начинаю работать с деревом, обычно это столетние деревья, которые собираются срубить, вероятно, из-за болезни или новых посадок на этом участке, а затем я делаю из него длинные вертикальные доски, по которым видна прекрасная структура. Но сначала для этого я должен состарить

древесину, у меня есть пару местечек, где я могу держать их в сохранности, пока буду готов их использовать.

Обычно у них глаза выскакивают из орбит, когда я рассказываю обо всем этом, но слушают только один или два человека, восхищаясь от первого до последнего слова, что очень важно для меня. Они те, кто, как правило, становятся постоянными клиентами. Они именно те, ради кого я сюда пришел, одетый в костюм от Тома Форда, чтобы они не думали обо мне, всего лишь как о простом плотнике, которому повезло с отцом с хорошими связями в городе.

Извинившись и покинув компанию своего отца, среди гостей я замечаю несколько знаменитостей, и это меня не удивляет. Как и большинство гостей, они сначала были клиентами моего отца, прежде чем стать моими покупателями. К сожалению для них, я знаю их только по работам, которые они у меня заказывают, а не по фильмам или сериалам, в которых они принимали участие.

— Веселишься?

Спрашивает роскошная женщина с большими карими глазами и высокими скулами. Софи Марседес, занявшая второе место в одном из модельных реалити-шоу, во время которого рекламировалась моя продукция, была моей спутницей на вчерашнем ужине рекламной компании, который был организован на высшем уровне. Потом все отправились в клуб незадолго до полуночи, но я отвертесь, сказав Софи, что мне нужно будет рано вставать. Сделав официальные снимки прессой и селфи, которые будут выставлять гости в социальных сетях, моя миссия окончена.

— Вполне, — отвечаю я, когда она вручает мне пиво. — Спасибо.

— Я подумала, раз ты сказал вчера, что ты больше по пиву, то это тебе больше подойдет. У тебя такой вид, будто ты хотел бы оказаться за тысячу километров отсюда и в компании кого-нибудь другого.

— Это ведь не слишком заметно? — посмеиваясь, говорю я. — Извини, Софи. На самом деле я думал о том, как объяснить людям, как на самом деле проходят путешествия в Японию и почему я до сих пор этим занимаюсь, когда в мире существует современные технологии и 3D проектирование.

Она хихикает.

— Лжец.

Я усмехаюсь.

— Ты права. Я только надеюсь, что ты хорошо проводишь время, несмотря на то, что твой спутник опечален.

— Да, но можно я кое-что скажу? — София приподнимает бровь, и я киваю. — Это ведь все правда, да? Я вижу это. Ты с самого начала вечеринки не сводишь глаз с входа. Она придет?

— Надеюсь.

— Дэкс, когда она появится, я не буду тебя отвлекать. Но тебе все равно нужно немного пообщаться с публикой. Это же твоя вечеринка, забыл?

Я снова смотрю на двери, задаваясь вопросом, когда придет Харлоу. «Если придет». На часах уже десять, и по всем правилам приличия, для любого человека было бы грубо явиться на мероприятие так поздно. Но если подбирать утешение, то фотографы уже все разошлись, кроме двух, которые работают на PR-компанию. Но я тоже не могу все ночь стоять столбом, уставившись на входные двери. Я делаю глубокий вдох и киваю Софи, после чего разворачиваюсь в сторону бассейна в саду. Может отец прав. Может я просто сглушил, не желая подождать до тех пор, пока все слухи на счет Харлоу и ее заявления против больницы улянутся. Может, поэтому она не пришла.

Краем глаза я замечаю, как отец наблюдает за мной. Он разговаривает с Клинтом Колдвеллом III, человеком, чья жена познакомила меня с Мэдисон несколько лет назад. Его жена, Пейдж, тоже сегодня здесь, стоит в компании бывших моделей таких же как она, теперь являющимися трофеиными женами богатейших мужчин Нью-Йорка. Вот

таким видит меня отец? Он хочет, чтобы я нашел кого-нибудь вроде Софи, и вместе мы можем жить также, как они жили с мамой в начале их брака? Но это было еще до того, как ей это надоело, и она вернулась в Таос, когда забеременела мной. И она никогда больше не возвращалась в Манхэттен на постоянное место жительство.

Дойдя до другого конца бассейна, к нам присоединяется еще пару человек, желающих поздравить меня. Я теряю из виду отца, видя только Клинта и Пейдж, стоящую рядом с ним. Будучи находчивым бизнесменом, отец, вероятно, суетится вокруг мероприятия, убеждаясь, что всем комфортно, ведь Господь видит, я просто не думаю о таких вещах, не в то время, когда единственное, о чем я могу думать, это почему Харлоу здесь нет.

Но она пришла, в красном платье, которое подчеркивает ее светлые волосы и эти великолепные глаза. Она стоит у входа, ведущего в сад, и оглядывается по сторонам. «*Ищет меня*».

— Она пришла.

Я убираю руку от Софи. Меня совершенно не заботит, что мы как раз рассказывали о клубе, в который все должны потом отправиться, после того, как вечеринка здесь подойдет к концу. Харлоу здесь, а остальное не важно.

Я быстро направляюсь к входным дверям, замедляя шаг только, чтобы сказать, что я скоро вернусь кому-то, кто пытается привлечь мое внимание. Кто-то из них хватает меня за руку и отводит в сторону, чтобы поговорить о лестнице, которую они хотят, чтобы я построил в их Хэмптонском поместье. Это инвестор из Монтока, который показал мое имя миру, и я попал, потому что я не могу его проигнорировать. К тому времени, когда я заканчиваю с обещаниями внести его в свой график на следующей неделе, чтобы мы смогли обсудить детали его заказа, уже слишком поздно. Харлоу нет, а там, где она была всего пару минут назад, стоит мой отец.

Мое сердце стучит как бешенное, и пока я отчаянно озираюсь по сторонам, у меня такое ощущение, что отец просто сказал ей уйти. Мне не хочется срываться, не в то время, когда я достиг таких успехов в своем контроле над гневом. Я либо безудержно бью грушу в тренажерном зале, либо что-нибудь строю, чтобы направить свой гнев в другое русло, но в данный момент, все, что я могу делать, это просто оставаться настолько спокойным, насколько в моих силах.

— Где она? Она же только что была здесь!

— Дэкс, тебе следовало лучше подумать, прежде чем приглашать ее. Слова Богу она предусмотрительно опоздала и не столкнулась с прессой. Что если бы журналисты ее увидели?

— Мне абсолютно плевать на то, если бы они ее увидели, пап. Почему она ушла? Что ты ей сказал?

Взгляд отца холден, он не подает никаких эмоций.

— Дэкс, я не сказал ей ничего такого, чего бы она уже не знала. Я сказал ей, что пока не завершиться ее развод, для всех будет лучше, если она будет держаться на расстоянии от тебя.

Я качаю головой, мои руки сжимаются в кулаки.

— Ты хотел сказать, будет лучше для тебя? Для твоего бизнеса?

— Я просто думаю о твоем будущем, сынок.

— Нет, не думаешь. Для тебя я до сих пор тот ребенок на детской площадке, которого дразнили из-за того, что я не мог читать, и они были правы. Я не мог, тогда нет. Но знаешь, что, пап? Тот ребенок вырос, и теперь, он прекрасно читает. Он читает каждый подробный отчет, который ты ему присылаешь. Он даже принимает самостоятельные решения, — говорю я, пока иду в сторону лифта, прилагая все усилия, чтобы не ударить по кнопке «вниз» от злости.

— Дэкс...

— Мы поговорим об этом позже, — говорю я, чувствуя, что отец стоит возле меня напротив входа в лифт, пока цифры меняются на мониторе.

— Если Харлоу примет меня, я остаюсь с ней, так что извинись за меня перед гостями, хорошо?

Глава 29

Харлоу

— Не обижайтесь, доктор Джеймс, но надеюсь, что вы поймете меня, если я не позволю вам встретиться с моим сыном. Это единственное мероприятие, которое мы проводим раз в год, и мне хочется, чтобы он получил заслуженное признание как мастер, получивший награду, а не в качестве какого-то Жигало, как описал его ваш супруг. Почему вы вообще здесь?

— Ваш сын меня пригласил, мистер Дрексел.

Ему даже не нужно было представляться, прежде чем он начал свою тираду. У Дэksа были его глубокие голубые глаза и баритон.

Он усмехается.

— Даже если вас пригласил Дэкс, это не имеет значения. Он перестал здраво мыслить с тех пор, как познакомился с вами, и теперь ваше присутствие здесь только подтвердит те слухи, которые распустил ваш муж. Что вы собираетесь ему сказать? Что после всего, что случилось, после того как все разговоры утихнут, вы с Дэксом снова должны быть вместе?

«Нет, я собиралась ему сказать, что я беременна». Но ад скорее замерзнет, чем я скажу ему эту новость раньше, чем Дэксу.

— Мистер Дрексел, Дэкс достаточно взрослый, чтобы решать за себя. Он был достаточно взрослым, чтобы отвечать за себя, когда впервые встретился со мной, и он достаточно взрослый, чтобы принять решение на счет того, куда зайдут наши отношения.

— Отношения? То, что между вами, — это не отношения, доктор Джеймс. Между вами было мимолетное увлечение. Просто мимолетное увлечение.

— При всем уважении, мистер Дрексел, но даже если это было так, я бы предпочла это услышать от вашего сына, а не от вас. Он уже не маленький мальчик, чьим будущим вы можете распоряжаться на свое усмотрение. Он — мужчина.

— Конечно, я знаю, что он — мужчина, доктор Джеймс. Его мать вырастила его, чтобы он стал мужчиной. Но разве вы не понимаете, как ваше присутствие здесь вредит его репутации? После того как ваш супруг разрушил вашу, теперь вы намерены уничтожить репутацию Дэksа? Можно подумать, что даже если это все показуха, устроенная нашей PR-компанией, то никто не станет смеяться над тем, что он был вашей игрушкой, или как там его охарактеризовал ваш муж, — с раздраженным выражением лица выдыхает Дэниел. — Вы знали, как тяжело было расти Дэксу, слыша насмешки от детей из-за того, что он страдал дислексией? О, да, он был дислексиком. Едва мог прочесть слово. Они называли его тупым, придурком, и тормознутым. Но посмотрите, где они сейчас? Никто и рядом не стоял по сравнению с тем, чего добился Дэкс своим мастерством, и я не позволю вам разрушить все, ради чего он так тяжело трудился.

Конечно, он прав. Возможно, слухи обо мне и Дэксе в прессе затихли, их внимание переключилось на кого-то более интересного, на того, кто отвечает на их обвинения, а не прячется на работе или в арендованной крохотной квартирке. Но это не означает, что мой приход сюда их снова не возродит. Позади Дэниела я вижу, как к нам подходит фотограф, с камерой в руках.

— Если вам действительно не безразличен мой сын, вы сейчас же уйдете, доктор Джеймс.

Я больше не задерживаюсь, не из-за того, что позволяю отцу Дэксу запугать меня, а потому что мне хочется, чтобы Дэксу досталось внимание, которого он заслуживает. Эти люди вообще в курсе о том шедевре, который он создал в Таосе? О том маяке надежды за тридевять земель, который спас мне жизнь?

Я разворачиваюсь и направляюсь к лифту, понимая, что явилась сюда, не подумав. Я просто позволила своим эмоциям взять верх. Конечно, Прежняя Харлоу подумала бы о том, какое влияние произвело бы ее присутствие на карьеру Дэкса, и на то, что осталось от ее карьеры. Как и Дэниел Дрексел, Прежняя Харлоу знала бы, как важна хорошая репутация в нынешнем мире.

Мне повезло не столкнуться с прессой в лобби, на красной дорожке перед логотипом «Такеши-Дрексел Деревообработка и Дизайн». С моей удачей, мне есть кому сказать спасибо за свое опоздание, потому что она ждала меня у офиса, и мне не хватило духу ей отказать, даже не смотря на то, что это была женщина, из-за которой меня бросил Джейфф.

Лейлани миленькая и хрупкая, и сейчас на втором триместре она очень хорошо держится. Мне пришлось умолять дать нам немного приватности, чтобы я могла выслушать Лейлани. Но если я думала, что Лейлани пришла, чтобы извиниться, то я ошибалась, хотя эти извинения были не нужны. Мой брак рухнул задолго до ее появления.

Она сказала, что Джейффи дали чужие результаты теста. *«Но это его ребенок. Просто поговорите с ним, прошу. Или с его адвокатом. Скажите ему, что я никогда... никогда не обманывала его»*. После этого она вручила мне конверт из офиса ее доктора, умоляя меня передать это ему, хотя конверт у нее взяла Кэти. Бедная женщина не могла стоять в стороне, и я рада, что она вмешалась. Прежняя Харлоу разорвала бы этот конверт в клочья на глазах у Лейлани и послала бы ее к черту, но теперь я ношу ребенка, гормоны делают меня мягкой. Или, может быть, я понимаю, через что ей приходится пройти. Кроме того, нет ничего странного в том, что результаты могут быть перепутаны в кабинете врача. Я дважды звонила доктору Тревису, чтобы убедиться, что это именно мои. По просьбе Лейлани, все, что мне нужно сделать, это передать конверт своему адвокату, чтобы он передал его юристу Джейффа, а остальное зависит от него. К тому же, в данный момент, мне и своих проблем хватает, например, я опаздываю на мероприятие к Дэксу. Я так спешила, когда вернулась домой, чтобы принять душ и переодеться во что-нибудь подходящее, что даже забыла надеть украшения.

Но уже слишком поздно беспокоиться о таких вещах. У входа нет прессы, а в холле только швейцар, он кивает мне, когда я тороплюсь к двери, едва сдерживая слезы. Но мне удается взять себя в руки, пока я не добираюсь до переходной дорожки, и как назло, начинают литься слезы. Но мне нужно сдерживать свои эмоции, потому что я не могу допустить, чтобы кто-нибудь увидел меня в таком состоянии. Поэтому я продолжаю идти, решив снова вернуться к Прежней Харлоу, с ее броней, которая держала всех на расстоянии.

Но есть также то, что я не могу отрицать. В Таосе, где я чуть ли не покончила со всем, что-то случилось. Там я могла позволить боли от утраты Маркуса уйти, несмотря на то, что он всегда останется со мной, до конца моих дней. Там я начала жить заново, там началась моя новая жизнь. Там я также влюбилась в молодого мужчину, который уже далеко не маленький мальчик, каковым все его считают. Даже я.

Но я не особо горжусь тем, что признаю то, что была не права.

Я не слышу голос Дэкса до тех пор, пока он не оказывается прямо передо мной, с одышкой, но все равно выглядит великолепно в своем смокинге. Он снял галстук-бабочку, а рубашка расстегнута, обнажая ложбинку на шее, которую мне нравилось целовать, и показывая волосы на его груди, по которым я проводила пальцами, пока он не хватал мое запястье, чтобы остановить меня, потому что ему было щекотно... и это его возбуждало.

Дэкс проводит пальцами по волосам, выдыхая сквозь губы, пока пристально смотрит на меня.

— Харлоу... ты так красива.

Его слова вгоняют меня в краску, хотя от его присутствия мое сердце и так бьется как бешенное, и я едва могу дышать. Как он может говорить, что я красива, когда это платье едва на меня налезло? Оно обтягивает талию, и черт подери, у меня такой вид, словно я набрала пять фунтов только от того, что на обед позволила себе чоризо с яичницей и картофелем.

— Что бы тебе ни сказал мой отец, я прошу прощения.

Дэкс сокращает расстояние между нами и обхватывает мое лицо ладонями. Я слышу аромат его одеколона, смешанный с его собственным. Мне даже все равно, что именно это за феромоны. Он просто приятно пахнет.

— Но он прав, Дэкс. Мое присутствие на твоем мероприятии могло разрушить твою репутацию. Тебя и так уже опозорили.

Он усмехается, качая головой, пока его большой палец ласкает мои щеки. Затем он приподнимает мое лицо, чтобы я посмотрела на него, его улыбка пропадает, и он хмурится.

— Мне плевать на репутацию, доктор Джеймс. И на позор, если на то пошло.

— Я беременна, — выпаливаю я.

— Что?

«Ну вот, отлично!» Поверить не могу, что социально неадаптированная Харлоу снова совершила удар, даже без предупреждения. Почему я не могла сказать это, когда мы были наедине? Вместо этого, мы стоим здесь, посреди Пятой авеню, выплескивая секреты, которые лучше было бы придержать до более подходящего момента. Желательно без посторонних. Но теперь уже слишком поздно.

— Я беременна, — повторяю я. — Шесть недель. Пошла седьмая неделя.

Ему требуется время, чтобы переварить новость, затем Дэкс хватает и целует меня. После чего он смеется прямо во время поцелуя, наши дыхания смешиваются. Его борода царапает мое лицо, но мне это нравится. Я соскучилась по этому. Я цепляюсь за него, пока он снова целует меня, его язык скользит между моими губами, и мне нравится ощущать его вкус на языке. Настоящий мужчина... и весь мой.

Вокруг нас сигналят автомобили, пешеходы хихикают, некоторые говорят: «Снимите номер!». Но мне плевать. В последнее время меня многие вещи перестали волновать, особенно то, что могут подумать другие люди. Это было единственное, что меня беспокоило, даже если это делало меня несчастной внутри. Но теперь я не могу так жить. Я хочу быть счастливой... по-настоящему счастливой.

Я хочу просыпаться каждое утро рядом с любимым мужчиной. Я хочу отправиться с ним в поход среди сосен и подышать чистым воздухом Нью-Мексико. Я хочу, чтобы он научил меня рыбачить, также как научила его мать, прижиматься к нему, пока мы смотрим старые фильмы, а потом заниматься любовью до самого утра. Я хочу видеть, как растут наши дети, зная, что им придется довольствоватьсь арахисовым маслом и желе для бутербродов, пока я не научусь готовить также хорошо, как его бабушка. Я хочу Дэкса Дрексела. Нет, я люблю Дэкса Дрексела. И хотя моя рациональность говорит мне, что мне не нужен мужчина, я хочу его. Мне нужен этот мужчина как воздух, хотя сейчас я бы с радостью обменяла все выхлопные газы Манхэттена на Таос.

Я отстраняюсь.

— Ты хотел знать, если я забеременею или нет, вот я и пришла...

Он хмурится.

— Ты только поэтому пришла? Только, чтобы сказать мне об этом?

Я провожу рукой по его бороде. Как я соскучилась по этому.

— Нет, я хотела лично поблагодарить тебя за сундук. И...

— И?

— Я хочу, чтобы мы снова были вместе, Дэкс. И не только из-за того, что я беременна. Я хочу, чтобы ты был со мной в первую очередь из-за меня самой, а не из-за того, что я ношу ребенка.

— Ах, Харлоу, разве ты не видишь? — Дэкс проводит пальцем по моей скуле, его взгляд полон боли. — Я бы остался с тобой, даже если бы ты не была беременной. Я знаю, что такая беременность, должно быть, пугает тебя, но чтобы не случилось, я буду рядом. Я больше никогда тебя не брошу. Ну, только если ты не откажешь мне, тогда это будет считаться маниакальным преследованием.

Я смеюсь, от его слов на моих глазах появляются слезы, и я хихикаю. Как в словах может быть столько силы, они могут ранить и в тоже время исцелить. А в случае с Дэксом, даже заставляют смеяться на одном дыхании.

— Мне плевать, если люди будут говорить, что мы слишком рано сошлись, или то, что я сейчас скажу тебе, не по-настоящему. Но нет ничего более настоящего, чем это, — продолжает Дэкс. — Я не ребенок. Я — мужчина, и сейчас, я прекрасно знаю, чего хочу. Я знаю, *кого* я хочу. *Тебя*. Не важно, знаю я тебя пять дней или семь, правильно или неправильно мы начали наши отношения. Важно то, что мы желаем быть вместе. Разве нет?

Я киваю и вижу, как он хмурится.

— Что-то случилось?

— Где пистолет? Он до сих пор у тебя?

— Я вернула его, когда добралась до Техаса, где и купила его, — отвечаю я, делаю паузу, чтобы вспомнить слова, которые он сказал мне, перед тем как уйти из «Жемчужины» в тот день. — Ты был прав, Дэкс. Мне нужна была помощь, и я ее получаю. Вернувшись сюда, я хожу к психологу. Дважды в неделю. Именно поэтому я не выходила на связь с тобой все это время. Мне нужно было разобраться со всем прежде... чем что-нибудь произойдет еще.

Дэкс вздыхает, прислоняясь лбом к моему, и просто молчит. Он просто закрывает глаза и глубоко дышит, словно вдыхает воздух между нами, вбирая в себя все, что может. Возможно феромоны, но на самом деле, мне все равно.

— Я больше не могу быть необитаемым островом, Дэкс, — добавляю я, когда он открывает глаза и пристально смотрит на меня.

— Я чувствую себя безлюдным островом без тебя, Харлоу, и я терпеть этого не могу. Это так одиноко.

— Прости.

— Я люблю тебя.

Я смотрю на Дэкса, переваривая слова, которые он только-то произнес вслух, несмотря на то, что он уже говорил их прежде, в другой форме, написав это на сундуке, который он сделал для меня. На этот раз, я долго не раздумываю. У меня нет причин что-либо анализировать, не в такие моменты, когда дело касается, чего желает мое сердце.

— Я тоже тебя люблю, Дэкс Дрексл. И мне плевать, что будут о нас говорить: что ты слишком молод для меня, или что я слишком стара для тебя, или что все это происходит слишком быстро. Я люблю тебя.

Дэкс судорожно выдыхает и, не промолвив не единого слова, притягивает меня в свои объятия. Я чувствую биение его сердца, пока моя голова лежит на его груди. До этого момента, ничего не казалось настолько правильным, будущего, которое я искала, сейчас здесь, в его объятиях. И как в первый раз, когда Дэкс обнимал меня в «Жемчужине», вся броня, за которой пряталась доктор Харлоу Джеймс, хирург-трансплантолог, отпала, и осталась я, просто женщина, Харлоу Джеймс. До смешного счастливая женщина.

Глава 30

Дэкс

Я не помню, как с той обочины мы оказались в новой квартире Харлоу, но я не жалуюсь. Мы в постели, на мне только боксеры и больше ничего, мой член приподнимает простынь каждый раз, как только она накрывает его. А Харлоу только все усугубляет. Она дразнит меня, кружка пальцами по моей груди и прессу. Естественно, ее пропажа заставляла биться мое сердце чаще при мыслях о ней. Это также заставило меня больше напрягать мышцы во время тренировок, где я выплескивал все свое разочарование от ее потери, но теперь она здесь, в моих объятиях, и я не позволю ей снова уйти. Я хочу заняться с ней любовью, но нам все еще столько нужно сказать друг другу.

— Кем была та девушка, которая стояла с тобой? Вас напечатали в светской хронике, — сказала Харлоу, когда я притянул ее поближе.

Она подперла подбородок рукой, пока лежала у меня на груди.

— София — финалистка одного реалити-шоу про моделей. Ее наняла моя PR компания, не без помощи моего отца. Это его идея, использовать ее для отвода глаз, во время всей этой шумихи вокруг нас с тобой, но если тебя интересует...

— Она очень молода.

— Тебя это беспокоит? — спрашиваю я, когда убираю прядь волос с ее лица.

Она отвечает не сразу, но я знаю, что ее беспокоит наша разница в возрасте. Это видно по ее глазам.

— Однажды ты оглянешься по сторонам и увидишь этих красивых молодых женщин...

— А ты не такая? Ты неописуемо красива, Харлоу, внутри и снаружи, и поэтому я сейчас здесь, с тобой. И последние шесть недель доказали мне только одно — я не хочу быть ни с кем, кроме тебя, — я ласкаю ее тыльной стороной пальцев. — Я люблю тебя, и мне все равно, что думает обо всей этой ситуации мой отец, и на его страх, на счет того, как это повлияет на мою компанию, это неважно для меня. Также как твои пациенты отдают предпочтение тебе, благодаря твоим навыкам, мои также выбирают меня, глядя на мой опыт, а не на мою личную жизнь.

На ее лице читается облегчение, и я целую ее, нежно касаясь губами ее губ. От ощущение ее губ, прижатых к моим, через все тело проходит поток тепла прямо в солнечное сплетение. Это говорит мне о том, что я делаю все правильно, несмотря на то, что я бросил своих гостей. Кроме того, они уже давно разошлись, сегодня идет дождь, а дождливый вечер — это идеальное время для того, чтобы спрятаться под мягким одеялом. Я откидываюсь на подушки, когда Харлоу прижимает голову к моей груди. Под одеялом на ней только широкая футболка, а ее обнаженные ноги лениво трутся о мои. Одеяло снова встает дыбом, и я вынуждаю себя думать о чем-то другом. «Соберись, Дэкс. Со-берись».

— Как идет развод?

— Передали на рассмотрение в суд, — отвечает она. — Фиби говорит, что судья, скорее всего, присудит недвижимость в Хэмптонс мне, а Джейфу — квартиру на Манхэттене. Договор, который я подписала ранее, считается недействительным из-за моего эмоционального состояния, но он обеспечивает равное распределение капитала, если он не будет претендовать на большее.

— Я рад, что ему не досталась вся ваша недвижимость. Она не просто так была общей.

— Знаю, но все уже почти подошло к концу, — отвечает она.

Я целую ее в макушку, наслаждаясь ароматом розового масла. Это возвращает меня к тому моменту, когда мы встретились впервые во дворе «Жемчужины», и ее пальцы оставили след на моей груди. Это напоминает мне о тех эмоциях, которые я увидел на ее лице: удивление, смешанное с гневом, а позже горе, когда Харлоу наконец-то опустила свою броню.

— Харлоу, сожалею о Маркусе. Я сожалею, что тебе приходится проходить через все это с Джейфом. Но чтобы не заставило тебя арендовать «Жемчужину», я не могу об этом особо сожалеть, ведь это привело тебя ко мне.

— Может, этому суждено было случиться, даже если бы я понятия не имела о «Жемчужине». Просто, как только я переступила порог, увидев Аниту, я почувствовала себя как дома.

— Потому что это и есть дом, Харлоу, и может быть, однажды, он станет нашим общим домом, если ты этого захочешь.

— Мой дом там, где ты, Дэкс. Теперь я это понимаю, — говорит она, проводя пальцами по волосам у меня на груди. — Даже здесь, в этой крохотной квартирке.

Внезапно, она отстраняется и тянется за конвертом на тумбочке.

— Кстати, говоря о доме, вот.

— Что это? — спрашиваю я, когда она снова занимает свое место возле меня под одеялом, и когда я одной рукой беру конверт, Харлоу берет меня за другую руку и кладет ее себе на живот, прямо над ее лобковой костью.

— Плоду... — она делает паузу, закатывая глаза, когда ловит себя на том, что выражается медицинскими терминами. — Ну, малышке, уже седьмая неделя. И сейчас она размежом с горошину.

— Милую горошинку, — улыбаюсь я. — Но откуда ты знаешь, что это «она»?

Харлоу дуется.

— Просто, я не хочу говорить на ребенка «оно».

— А если я хочу называть его «он»?

— Тогда, нам придется еще спорить, — посмеиваясь, говорит Харлоу, — так или иначе, ребенок сейчас именно здесь, где находится твоя рука.

Я провожу указательным пальцем по С-образному шраму.

— Так низко?

— По мере того, как она будет расти, она начнет занимать немного больше пространства.

Она берет мою руку и поднимает ее выше, к пупку, подавляя хихиканье, когда я начинаю перебирать пальцами по ее коже. Затем она продолжает подниматься выше, на полпути между ее животом и грудью.

— Все органы должны немного приподняться.

— Немного? Это не похоже на немного, Харлоу. Поэтому говорят, что беременные чувствуют изжогу?

— Как правило, да, и я, кстати, уже тоже этим страдаю. Просто предупреждаю.

Она отпускает мою руку и вытаскивает лист бумаги из конверта, который я до сих пор держу. Единственное, что я вижу, — это ее имя и кучу цифр, которые мне ни о чем не говорят. Но я вижу название бланка.

— Кто такой доктор Тревис?

— Мой акушер, — отвечает она. — Это результаты тестов, в которых указаны показания ХГЧ в моей крови (*прим. гормон, который начинает вырабатываться после имплантации эмбриона*).

— Что такое ХГЧ?

— Гормон беременности. Хорионический гонадотропин человека.

Я смеюсь.

— Ладно, пусть будет гормон беременности. Так какие у тебя показатели?

— На шестой — седьмой неделях, обычно, показатели должны быть от 2400 до 4800. Я всматриваюсь в ряд чисел на бланке.

— Но здесь написано 8800. Почему?

Харлоу не отвечает сразу, хотя она улыбается.

— Более высокие показатели могут означать множественность, например, двойню... или еще больше.

Мне требуется несколько секунд, чтобы осознать ее слова, такое впечатление, что на меня опустился туман. Она сказала двойню... или больше? Я беру из ее рук бланк, снова изучаю результаты теста. 8800. Я в изумлении смотрю на Харлоу, а она улыбается как Чеширский кот.

— Харлоу, это означает, что у нас... у нас будет...

Она вздыхает.

— Ну, у нас может быть двойня, но я хочу подождать пару недель, чтобы узнать наверняка.

Я убираю бланк в сторону и прижимаю ее к себе, целую. Я ни одну женщину еще так не любил, и это прекрасно. Страшно, но прекрасно.

— Но, Декс, нам нужно быть реалистами, — она замолкает, после чего делает глубокий вдох. — Что если у меня будет выкидыш...

— Харлоу, нет, — я отстраняюсь от нее, вспоминая то, что она рассказала мне, когда мы были на мосту Гордж Бридж, о ее выкидышах. — Я не могу пообещать тебе идеальную беременность, я не знаю, что будет завтра или через неделю, или в следующий месяц. Но что я могу пообещать наверняка, так это то, что независимо от того, что произойдет, я буду всегда рядом с тобой.

Она с надеждой смотрит на меня, когда я продолжаю, страх в ее глазах исчезает.

— И когда все узнают об этом, черт возьми, моя семья тоже будет с нами, только если ты не захочешь их присутствия...

— О, но я хочу, Дэкс. Я хочу всего, что связано с тобой. Полный комплект. Нану, Диами, Сару, Бенни, Гейба. Даже твоего отца, если он когда-нибудь смягчит свое отношение ко мне.

— Со временем, — отвечаю я, притягивая ее ближе. — Но я не шучу, Харлоу. Я буду с тобой. Ты слышишь? Я не знаю как на счет Нью-Йорка, но мы могли бы жить вместе, где ты только пожелаешь. У нас все получится. У нас все будет также, словно мы вернулись в «Жемчужину».

Тяжело дыша, я прислоняюсь лбом к ее. Мое сердце выскакивает из груди, пульс слышен в ушах. Я, должно быть, обезумел, обещая ей весь мир, но я еще никогда не был так счастлив как сейчас. И пока я прихожу в себя от услышанных новостей (черт, а мои живчики не промах), у меня такое чувство, словно я бегу под дождем, крича всему миру о своем счастье.

— Иди ко мне.

Я возвращаю ее обратно на кровать рядом с собой, прижав ее голову к своему плечу. Если бы мог, я бы подарил Харлоу весь мир, но в данный момент, все, что я могу ей предложить, это только себя, на все сто процентов, и все, что ждет нас в будущем. Мы молча наблюдаем, как идет дождь за окном, только звук часов нарушает нашу тишину. Это успокаивает, напоминает о том, что, что бы ни случилось, мы воспользуемся каждой секундой, проведенной вместе. И будь я проклят, если скажу, что мне не хочется прожить с Харлоу всю жизнь. После тех шести недель вдали от нее, я больше не желаю ее покидать.

Спустя пару минут, она трется об меня ногами, ее движения замедляются. Намеренно. Затем она берет мою руку и кладет ее на тоже место поверх лобковой кости. Теперь ее голос звучит игриво.

— Ты знаешь, в этот период, то есть... в период беременности?

— Да?

— Есть небольшой побочный эффект, — бормочет она, покусывая нижнюю губу, озорно поглядывая на меня. — Понимаешь, все это кровообращение, нахлынувшее сюда, заставляет чувствовать себя... возбужденной.

Последнее слово она произносит шепотом, словно оно запрещенное, но она играет, что напоминает мне о той Харлоу, которая хотела изучить все сексуальные позы, от чего мой член едва не сломался. Я поворачиваюсь к ней лицом и прижимаюсь рукой к ее лобку.

— Это ужасная проблема, Харлоу. И я рад, что я не один в таком затрудненном положении. Ну, я не про беременность.

— Так думаете, вы сможете мне помочь с моей проблемой, мистер Дрексел?

Я нежно целую ее, моя рука скользит в ее трусики, где она была уже влажной.
«Черт, Харлоу Джеймс станет моей погибелью».

— Сколько у нас есть времени, доктор Джеймс?

Мой вопрос подразумевает намного больше, чем может показаться, только потому, что я хочу все, что она может мне дать. Я хочу получить Харлоу Джеймс целиком, также как я готов дать ей все, что могу, даже больше.

Она тянет меня к себе, наши лбы соприкасаются, дыхание сливаются воедино.

— Вечность, Дэкс Дрексел. У нас есть целая вечность.

Конец